

An ornate, symmetrical archway illustration. The arch is supported by two thick, fluted columns. The columns are decorated with intricate carvings, including a large floral medallion near the base. The arch's keystone features a small, open book. Above the arch, there is a decorative frieze with a central oval motif and floral patterns. The entire structure is topped with a crown of leaves and flowers, flanked by two small, ornate finials. The background within the arch is plain white, providing a space for text.

ВЕСТНИК
ЕВРЕЙСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
В МОСКВЕ

№3(13)

МОСКВА
1996

ИЕРУСАЛИМ
5757

**The publication of this book
was made possible
through the generosity
of the Koret Foundation,
(San Francisco),
the American Jewish
Distribution Committee «Joint»
and
the Russian Jewish Congress**

ВЕСТНИК

ЕВРЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В МОСКВЕ

№ 3(13), 1996

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

История

- В. КЕЛЬНЕР (С.-Петербург). Русско-еврейская интеллигенция: генезис и проблемы национальной идентификации (вторая половина XIX — начало XX века) 4
- О. БУДНИЦКИЙ (Ростов-на-Дону). В чужом пиру похмелье (Евреи и русская революция) 21
- А. ЗЕЛЬЦЕР (Иерусалим). Погром в Балте 40
- В. ЖУРАВЛЕВА. Еврейский вопрос в России глазами американцев (Из истории российско-американских отношений конца XIX века) 64
- С. ШВЕЙБИШ (Иерусалим). Еврейский семейный партизанский отряд Ш. Зорина 88

Культура

- О. БЕЛОВА. Евреи глазами славян (по материалам традиционной народной культуры) 110
- Е. НАЗАРОВА. Язык горских евреев Дагестана 120
- В. ХИТЕРЕР (Киев). Еврейское образование в Украинской Народной Республике (1917—1920 гг.) 147

ОЧЕРКИ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Г. АГРАНОВСКИЙ (Вильнюс). Малоизвестные документы Абрама Мапу 164
- Л. ПОЛОНСКИЙ (Баку). Банкирский дом Ротшильда в Баку 169
-

АРХИВ

Публикации

- В. АЛЦКАН. Материалы по истории евреев Подолни в фондах Государственного архива Винницкой области (конец XVIII — начало XX в.) 184
- «Шалость» Владимира Жаботьнского. Публикация О. Будницкого 190

Воспоминания

- Г. ГОНТМАХЕР. Субъективные заметки офицера запаса (Еврей в Советской Армии) 193

РЕЦЕНЗИИ. БИБЛИОГРАФИЯ

- А. ЛОКШИН. Рецензия на книгу: *Клир Дж. Д.* Еврейский вопрос в Российской империи, 1855—1881. Кембридж, 1995 214
- А. ЛОКШИН. Рецензия на книгу: *Душенко К.* Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина. Что, кем и когда было сказано. М., 1996. 220
- Указатель содержания «Приложения к журналу «Гакармель»». Составитель А. Бржежовская 223

ХРОНИКА

- Е. СИМОНОВА. Международная конференция «Еврейская мысль и мировая культура» 250

Редакционная коллегия

Р. КАПЛАНОВ — <i>председатель</i>	А. ЛОКШИН
А. КОВЕЛЬМАН — <i>главный редактор</i>	А. МИЛИТАРЕВ
М. ГРИНБЕРГ — <i>зам. главного редактора</i>	В. ПЕТРУХИН
М. КУПОВЕЦКИЙ — <i>зам. главного редактора</i>	В. СОБКИН
А. ЛИБЕРМАН — <i>зав. редакцией</i>	М. ЧЛЕНОВ
Г. КАЗОВСКИЙ	Ш. ШТАМПФЕР
В. КЕЛЬНЕР	

Ответственный за выпуск М. КУПОВЕЦКИЙ

ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

В. Кельнер (С.-Петербург)

РУССКО-ЕВРЕЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ГЕНЕЗИС И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

Один из современников писал в первое десятилетие XX в.: «Еврейский вопрос стал стержнем русской жизни. От городского до министра, от полицейского участка до Сената и Государственного совета, все и вся поглощены были еврейским вопросом».

В силу целого ряда обстоятельств долгое время проблемы русско-еврейских отношений рассматривались несколько упрощенно. Как правило, эмоции подменяли объективный, всесторонний анализ.

Для того чтобы разобраться в том, почему же еврейский вопрос в России начала XX в. превратился буквально в центральный, чуть ли не в роковой вопрос общественной жизни, следует дать оценку прежде всего психологическому состоянию русского общества и месту в нем русско-еврейской интеллигенции. Социальные и экономические условия пореформенной России и вековой «урбанистический» опыт евреев привели к тому, что несмотря на все препоны евреи заняли в российской жизни место, далеко выходящее за рамки отведенной им властью роли. Одновременно их активное внедрение в российскую жизнь вошло в противоречие с духовными, по сути, во многом еще феодальными традициями страны.

К концу XIX в. александровские реформы и Гаскала дали свои плоды. Значительная часть еврейской интеллигенции стала или стремилась стать составной частью интеллигенции российской. При этом большинство ее представителей стремились сохранить еврейство, отстаивая право народа на равенство. Л. О.

Леванда — один из первых признанных еврейских писателей, обращавшихся к своему народу на русском языке, — еще в 1869 г. заявлял, что русским патриотом в понимании той эпохи он станет только тогда, «когда еврейский вопрос будет разрешен окончательно и удовлетворительно, то есть когда русский закон перестанет относиться к моим единоплеменникам как к инородцам. В ту минуту, когда Россия нас спросит: где вы, сыны мои? — мы ей дружно ответим: мы здесь, матушка!»¹

Формирование русско-еврейской интеллигенции — процесс сложный, мучительный, в то же время необыкновенно быстрый. Уже в последнюю четверть XIX в. в отечественную интеллигенцию входили И. Блюх, М. Вольф, З. Френкель, Л. Слонимский, А. Острогорский, Я. Гуревич, М. Антокольский и И. Левитан. В первое десятилетие нового века русская журналистика, литература, наука и общественная жизнь вобрала в себя тысячи евреев: Гессены, Ю. Айхенвальд, А. Горнфельд, А. Волынский, Н. Минский, С. Венгеров, Д. Айзман, О. Дымов, Саша Черный, наконец, Л. Шестов, С. Франк, М. Гершензон. Миллионы евреев оставались в черте оседлости, но те несколько сот тысяч, что, вырвавшись из нее, расселились по российским городам, стали предпринимателями, врачами, инженерами, журналистами, литераторами, адвокатами. Это были люди с совершенно новой еврейской ментальностью. Историк русского еврейства С. Гинзбург дал такое определение русско-еврейской интеллигенции: «Это люди, которые совместили еврейско-идеалистическое, еврейско-национальное меньшинство, объединившее в себе лучшие черты русской интеллигенции с верностью и преданностью еврейской культурной традиции»². Они осознали себя и стремились внушить другим, что они не просто евреи, а евреи именно русские. Один из многолетних лидеров российского еврейства Г. Слиозберг вспоминал: «Я с детства привык сознавать себя прежде всего евреем. Но уже с самого начала моей сознательной жизни я чувствовал себя и сыном России. Обозревая на склоне дней всю свою жизнь и деятельность, я должен сказать, что, любя свой народ и ценя его превыше всего, не только по родству моему с ним, но и по его высокому духу, по тем идеалам, которые светились передо мною и которые я считал идеалами юдаизма, я всегда любил и Россию»³. «Дети и внуки Гаскалы», они сделали своим третьим, а затем и родным языком — русский. Ушел в прошлое штатланут, новому поколению уже не нужно было ни заступничество, ни посредничество Гинцбургов и Поляковых.

Они сами активно включились в общественную жизнь страны, заняв видные места чуть ли не во всем политическом спектре, от правых до крайне левых партий и организаций. Фактически порвав со своим народом, ушли вправо И. Гурлянд, С. Эфрон (Литвин), И. Павловский (Яковлев). Большинство русско-еврейской интеллигенции поддерживало партию конституционных демократов, целые семейные кланы вступали в партию социалистов-революционеров (Гоцы, Высоцкие, Гавронские, Фондаминские), чуть ли не поголовно из евреев-интеллигентов состояло руководство меньшевистского крыла российской социал-демократии. Только одна семья Цедербаум дала этому движению целую плеяду выдающихся лидеров, теоретиков, публицистов: Л. Мартов, С. Ежов, В. Левицкий, Ф. Дневницкий, Л. Дан⁴. В понимании национального вопроса все они расходились столь же диаметрально. Среди них были как ассимиляторы, стремившиеся как можно быстрее раствориться в «русском море», так и поборники национальной автономии в пределах России⁵.

Особое место занимали сионисты, в основном видевшие в России лишь место для привала на пути в Палестину, хотя и они участвовали в общественной жизни страны, справедливо полагая, что расширение гражданских прав и свобод будет способствовать их делу⁶.

Новая русско-еврейская интеллигенция стала определяющей, руководящей, представительной силой еврейского народа в глазах всего русского общества. Поэтому необходимо как можно глубже понять генезис и эволюцию ее ментальности.

Выходцы из черты оседлости в первом и втором поколении, выпускники русских и германских университетов, они априори были трагически раздвоены. Деятели русской науки и культуры, они постоянно отторгались от нее, им регулярно напоминали об их чужеродности. В то же время все шире становилась пропасть, отделяющая их от большинства своего народа. На рубеже веков все отчетливее стала проявляться тенденция перерождения еврейской религиозной общины в общину национальную со всеми присущими этому явлению атрибутами. Российские евреи-интеллигенты жили как бы в двух мирах, подвергаясь нападкам со стороны крайних элементов с обеих сторон. На их мировоззрение активно влияли внутривнутриполитические события. Так, например, выселения и погромы одних заставили принять христианство, а других, наоборот, вспомнить о своем национальном долге. Григорий Гуревич, член «Народной воли», после погромов 1881—

1882 гт. стал видным национальным деятелем. Во время выселения евреев из Москвы в 1891—1892 гт. И. Гильберштадт, юрис-консульт Саввы Морозова, давно потерявший связь с общиной, пришел в синагогу и возглавил работу по организации помощи беженцам⁷. После погромов 1905—1907 гт. философ Б. Столпнер, бывший некогда марксистом и даже в Бунде видевший «националистическую ересь», теперь заявил: «Никакие рецепты в разрешении еврейского вопроса не помогут — и евреи исчезнут, если исчезнет среди них религиозное сознание»⁸.

Если большевики и анархисты в массе своей действительно полностью отрешились от своего еврейства, то среди представителей других партий мы встречаем тех, кто продолжал и в плавильном котле российской революции идентифицировать свое еврейство. Например, видный эсер М. Вишняк вспоминал, что «никогда не был сионистом, хотя всегда интересовался и принимал близко к сердцу судьбу русского еврейства и, тем самым, еврейства вообще»⁹. Левый эсер И. Штейнберг, бывший даже одно время наркомом юстиции, оставался набожным иудеем. Социал-демократ, меньшевик В. Войтинский выпустил книгу по еврейскому вопросу¹⁰.

Новая еврейская ментальность и ее эволюция лучше всего прослеживаются на судьбах людей, прочно вошедших в русское культурное и общественное пространство. Постараемся рассмотреть это на примере «трудов и дней» Михаила Гершензона и Максима Винавера.

Философ и историк Михаил Гершензон — один из самых ярких представителей русской общественной мысли и науки начала века. Историк декабризма и славянофильства, он — само воплощение раздвоенности души российского еврейства. Следует признать, что у этой раздвоенности был мощный фундамент — отечественная действительность. С огромным трудом он преодолел процентную норму и поступил в Московский университет.

На его глазах происходит выселение евреев из Москвы в 1891—1892 гт. И в то же время группа профессоров университета во главе с его учителем П. Виноградовым добивается для Гершензона не просто стипендии, а так называемой «Воронцовской», предназначенной исключительно для студентов-христиан¹¹. С огромным трудом и унижениями Гершензон испрашивает разрешение на проезд в Москву из Кипшинева матери... и буквально в те же дни пишет брату о том, что «испытал несколько часов счастья, путешествуя по непроезжим дорогам Пензенской губер-

нии в поисках в поместьях писем и документов А. Герцена»¹². Жизнь поминутно сталкивала его как с антисемитизмом, так и с сопротивлением ему со стороны части русской интеллигенции. В 1890 г. он с восторгом сообщал матери о том, что по Москве в списках ходит протест против ужесточения антиеврейского законодательства, подписанный 66-ю видными учеными, литераторами и общественными деятелями, в том числе Л. Толстым, Вл. Соловьевым, Б. Чичериным. С юношеским энтузиазмом он восклицает: «В виду этого факта отныне ни один сколько-нибудь интеллигентный человек не решится худо говорить о евреях»¹³, а спустя всего лишь год на его глазах из Москвы изгоняются еврей-ремесленники и он констатирует, что «8—9 тысяч семейств обречены на голодную смерть»¹⁴.

Одна за другой в начале века выходят из-под его пера блестящие работы о Пушкине, Грибоедове, Герцене, С. Аксакове... В то же время в 1910 г. он пишет брату с нескрываемым удовольствием о том, что в статье о нем в «Еврейской энциклопедии» также известный литератор, один из руководителей журнала «Русское богатство» Аркадий Горнфельд (некогда бывший сотрудник «Восхода») отметил связь Гершензона с еврейством. «А то,— пишет он брату,— мне надоело, что меня называют славянофилом»¹⁵. В 1910 г. в письме А. Горнфельду он признавался: «Вот мое непосредственное чувство: я чувствую себя евреем и социально, и субъективно-психологически. Насчет первого я как раз последнее время (постарел, должно быть) часто мучаюсь: не вижу для себя никаких путей к активному участию в еврейских делах. Второе же во мне всегда было очень ясно и теперь только сильнее; я чувствую свою психику совершенно еврейской и совершенно разделяю точку зрения Чуковского, Андрея Белого и пр., т. е. я уверен, что *интимно* понять русских я не в состоянии»¹⁶. В дни процесса над М. Бейлисом он порвал личные отношения с В. Розановым, которого чрезвычайно высоко ценил как мыслителя и критика. В письме, объясняющем этот разрыв, Гершензон подчеркивает, что, будучи евреем, он не может поддерживать какие-либо отношения с автором антисемитских статей¹⁷. Проходит еще несколько лет, и в марте 1916 г. Гершензон публикует в «Еврейской жизни» блестящее эссе о Хаиме-Нахмане Бялик. Он знакомит редактора этого журнала Л. Яффе с Л. Шестовым. Вскоре состоялось его личное знакомство с Х.-Н. Бяликом. И наконец, уже в начале 20-х гг. пишет книгу «Судьбы еврейского народа», являвшуюся по существу своеобразным ма-

нифестом если не всей, то значительной части русско-еврейской интеллигенции. Это произведение — своеобразный ключ к пониманию ее мировоззрения. Гершензон писал: «Я не отдам избраннычества за чечевичную похлебку территориально-государственного национализма, прежде всего потому, что не верю в ее целебность, как не верю вообще в существование народных панацей. Мой народ несчастен, гоним, рассеян; от этого он ведь не хуже других. Напротив, его судьба тем и прекрасна, что она особенная: и я стараюсь понять, каковы именно признаки ее особенности»¹⁸.

Таким образом, М. Гершензон как бы впадал в другую крайность. Он идеализировал и абсолютизировал «ценности Галута», противопоставляя их как сионизму, так и любым формам автономизма.

Еще один пример — крупный русский общественный деятель Максим Винавер. В отличие от Гершензона, пришедшего к осознанию своего «еврейства» через русскую науку и литературу, Винавер двигался как бы в обратном направлении. Сотрудник, а затем и один из руководителей русско-еврейского журнала «Восход», активист «Общества распространения просвещения между евреями в России» и глава его Историко-этнографической комиссии¹⁹, он в то же время необыкновенно остро чувствовал свою причастность к русскому демократическому движению. Он участвовал в создании Конституционно-демократической партии, был одним из ее неизменных руководителей. В его судьбе, кажется, особенно четко видны следы новой ментальности русско-еврейской интеллигенции. В 1905 г., в период особого общественного подъема, группа наиболее известных еврейских деятелей во главе с бароном Г. Гинцбургом посетила главу правительства С. Витте. От имени своего народа они выдвинули требование об уравнивании в правах евреев со всеми другими российскими подданными. С. Витте ответил, что это возможно, но только постепенно и при условии отказа евреев от участия в революционной деятельности. Он сказал: «Это не ваше дело, предоставьте это русским по крови и по гражданскому положению, не ваше дело нас учить, заботьтесь о себе». Большинство делегации, состоявшей из представителей «старой школы», тут же заявило о том, что полностью разделяет взгляды С. Витте. Но входивший в состав делегации Винавер резко возразил премьеру. Он сказал, что, напротив, считая Россию своей родиной, «евреи должны поддерживать русских в борьбе за свободу и равенство»²⁰.

Так в лице Винавера заявило о себе новое поколение русско-еврейской интеллигенции.

Долгое время нельзя было сказать, в каком качестве Винавер выступает активнее: как еврейский или как русский общественный деятель, создатель «Союза для достижения полноправия еврейского народа» и член ЦК партии кадетов, руководитель еврейской избирательной комиссии по выборам в Государственную думу и депутат I Думы от Петербурга. Главная цель его деятельности — соединение «еврейского дела» с общерусским освободительным движением. В печати, на съездах еврейских и русских организаций он упорно отстаивал свое убеждение в том, что «решение еврейского вопроса возможно только в рамках общерусской борьбы за свободу». Выступая в Думе с речью о Белостокском погроме, Винавер говорил от лица значительной части еврейской интеллигенции: «Мы не видим для себя иного спасения, как только спасение всей России от той кучки, которая ею владеет. Если та власть, которая считает возможным невидимыми путями, тайными, скрытными ходами душить всякую жизнь, если эта власть с особенной злобой и усердием старается направить свои стрелы против нас, мы от этого своего пути не изменим. Нас очень мало, но у нас есть одна огромная сила — сила отчаяния, и у нас есть один союзник — это исполненный человечности весь русский народ»²¹.

Истоки подобных иллюзий лежат в народническом идеализме XIX в. Но от этого убеждения Винавера не видятся менее достойными и гуманистическими. На них лишь падает трагический отсвет всего последующего исторического опыта российского еврейства.

Для того чтобы четче уяснить подлинное значение еврейского фактора в общественно-политической жизни России, необходимо иметь представление об удельном весе евреев в политической структуре страны.

С. Дубнов отмечал, что политическая активность, инстинкт борьбы за право при самых тяжелых внешних условиях были лучшими традициями русско-еврейской интеллигенции²². Однако, несмотря на общепризнанную тогда точку зрения о пристрастиях евреев исключительно к левозэкстремистским партиям и организациям, некоторое число евреев (как правило, выкрестов) нашло свое применение на правом фланге русского общественного движения. Официоз правительства газету «Россия» редактировал человек, входивший в ближайшее окружение бывших в

разное время премьер-министрами Штюмера и Столыпина, — сын казенного раввина И. Гурлянд. Успешную карьеру в Департаменте полиции делали И. Манасевич-Мануйлов и М. Гурович. В 1903 г. глава Боевой организации партии эсеров Г. Гершуни был выдан властям провокатором А. Розенбергом²³. Ключевой фигурой русского зарубежного сыска был А. Гартинг, а его коллеги братья Семен и Александр Вайсманы возглавляли русскую агентуру на Балканах. Все они и еще несколько десятков им подобных сыграли определенную роль в формировании и проведении в жизнь политики самодержавия.

Принятый в октябре 1905 г. Манифест легализовал в России политические партии и объединения. Из подполья на время вышли радикальные, революционные партии, были созданы новые организации. «Союз 17 октября» (октябристы) в еврейском вопросе занимал традиционные позиции, не раз блокируя в Государственной думе предложения по либерализации антиеврейского законодательства. Из членов ЦК этой партии, по крайней мере в период 1905—1907 гг., можно назвать крещеного еврея А. Брафмана — сына составителя знаменитого некогда «настойного» пособия для отечественных антисемитов «Книги Кагала». Известным октябристским публицистом, секретарем Московского отделения этой партии и редактором ее периодических изданий «Русский дневник», «Национальная Русь» и «Луч» был С. Гарт (С. Зусман).

Наиболее влиятельной организацией либерально-демократического толка в русском обществе начала XX в. по праву считалась Конституционно-демократическая партия. Прогрессивная партия западного типа, она в наибольшей степени выражала интересы русской интеллигенции. В еврейском вопросе кадеты занимали в целом ясные и определенные позиции: они неизменно требовали ликвидации всех ограничений и запретов. Среди руководителей партии была целая группа евреев, как принявших христианство, так и иудеев: М. Винавер, В. Гессен, И. Гессен, А. Изгоев (Лянде), А. Каминка, М. Мандельштам, М. Герценштейн, Г. Иоллос. Из 54-х членов ЦК за период 1905—1907 гг. евреев было всего 7, и, конечно, не они определяли политику партии в целом, но думается, что все демарши по еврейскому вопросу готовили именно они.

Активный общественный деятель рубежа веков А. Тыркова десятилетия спустя писала: «Главными создателями и руководителями кадетской партии были не евреи. Среди кадетов-евреев

не нашлось такого крупного человека, который мог бы повести за собой русских либералов... Среди наших единомышленников, евреев, было много людей способных, искренне преданных либеральным идеям, но самые значительные люди в кадетской партии были русские. Это не значит, что я отрицаю влияние евреев, растворившихся в нашей толпе. Самая их неугомонность не могла не действовать. Своим присутствием, своей активностью они напоминали о себе, о том, что надо их выручать, помнить об их положении. И мы четко помнили, честно считали, что еврейское равноправие необходимо не только евреям, но нужно самой России»²⁴. Наиболее влиятельной фигурой среди этой плеяды был М. Винавер.

Значительное количество евреев являлись сторонниками и участниками народнических партий. И это несмотря на явный приоритет, отдаваемый ими крестьянству, и даже некоторые черты русского национального мессианства. Это увлечение народничеством испытали уже отдельные вырвавшиеся из черты оседлости молодые евреи еще в 60-е гг. XIX в. (например, В. Португалов). В 70-е гг. в «Народной воле», «Земле и воле» и других организациях насчитывались уже сотни евреев. Они были среди «мирных» пропагандистов (Б. Каминская, В. Аптекман) и среди самых отчаянных террористов (С. Виттенберг, Г. Гольденберг, Л. Дейч)²⁵. В начале XX в. в основных народнических партиях было очень значительное число евреев. В Народно-социалистической партии состояли бывшие некогда решительными сторонниками революционного террора В. Тан-Богораз и Л. Штернберг, а также М. Бернштам. Член этой партии Л. Брамсон, избранный в Государственную думу, активно участвовал в деятельности фракции трудовиков²⁶.

Основная политическая сила русского народничества — партия социалистов-революционеров — не только привлекала в свои ряды тысячи евреев, значительное их число входило в ее руководство. В 1905—1907 гг. расширенный состав ЦК состоял из 39 человек. 10 из них — евреи (Е. Азеф, Б. Биллит, Г. Гершуни, братья Гоц, О. Минор, М. Натансон, И. Рубанович, И. Фондаминский, Я. Юделевский). Среди отцов-основателей партии были старые народники 70—80-х гг. М. Натансон, М. Гоц, О. Минор. Большое число евреев было и среди боевиков-террористов. Во главе Боевой организации партии стояли Г. Гершуни и Е. Азеф²⁷. Имена Фрумы Фрумкиной, Доры Бриллиант, Арона Шпайзмана, Михаила Швейцера были хорошо известны. Они

стали символами русского революционного народничества, привлекая в ряды этой партии все новых и новых адептов. Значительная численность евреев среди эсеров сохранялась до самого конца существования партии. В 1917 г. в ЦК, избранном на III съезде, из 26 членов и кандидатов 10 — евреи (А. Гоц, М. Натансон, М. Гендельман, Л. Герштейн, О. Минор, И. Фондаминский и др.). Добавим к этому и тот факт, что долгое время партия существовала на средства, переданные ей ее активными членами, наследниками богатейших еврейских семей Высоцких—Гоцев—Гавронских—Фондаминских—Миноров, связанных друг с другом родственными узами. Иногда кажется, что удельный вес евреев особенно велик в наиболее экстремистских партиях. Так, среди эсеров-максималистов, группы, отколовшейся от социалистов-революционеров и исповедовавшей безудержный террор, по подсчетам Д. Павлова, в период 1905—1907 гг. было 76% русских, 19% евреев и 3% кавказцев²⁸.

Еще больше их было среди многочисленных анархистских организаций. Современники даже воссоздали некий собирательный образ анархиста той эпохи — это «еврейский ремесленник, по большей части почти мальчик, нередко искренний идеалист и смелый террорист»²⁹. Как правило, чем левее была партия, в которой состоял еврей, тем дальше он удалялся от еврейства. Перед казнью эсерка Фрума Фрумкина писала: «Умирая, я хотела бы знать, что будет с Россией?.. Это незнание — в сущности — единственно что больно»³⁰. Ослепленные классовой ненавистью, они уже по большей мере были потеряны для своего народа. Очень часто свои удары террористы наносили по таким же, как они, евреям, но представителям «буржуазии», других политических направлений. Летом 1904 г. восемнадцатилетний лидер анархистов г. Нежина Нисон Фарбер тяжело ранил кинжалом в синагоге фабриканта Кагана, который в борьбе с бастовавшими на его предприятии рабочими использовал штрейкбрехеров. В декабре 1905 г. одесские анархисты Моисей Мец, Иосиф Брунштейн, Борух Шерешевский и другие бросили бомбу в кафе Либмана, «где пиновала еврейская буржуазия». В 1906 г. знаменитый боевик Липидус (Владимир Стрига) специально приехал из России в Париж, для того чтобы убить банкира Ротшильда, и погиб при испытании бомбы в Венсенском лесу. Более того, левые экстремисты не раз совершали вооруженные нападения на собрания еврейских национальных организаций. Особенно часто в черте оседлости они нападали на членов Бунда.

Сторонник и активный поборник идеи национальной автономии евреев С. Дубнов следующим образом характеризовал евреев, увлеченных общероссийским революционным движением: «Это — последовательные ассимиляторы в силу своих партийных и интернациональных убеждений. Их народ — русский, а не еврейский народ, ибо понятие «народ» для них политически-территориальное, а не культурно-историческое. Шесть миллионов евреев, застрявших в русском государственном организме, являются для них россиянами, до поры до времени приписанными к еврейству»³¹.

В сущности, такие же антинациональные, точнее, денационализированные элементы были сосредоточены в обеих фракциях российской социал-демократии.

Мнение В. И. Ленина отражало взгляды значительной части сторонников этого течения. В 1903 г., уже после Кишиневского погрома, он тем не менее писал: «Еврейский вопрос стоит именно так: ассимиляция или обособленность? — и идея еврейской «национальности» носит явно реакционный характер не только у последовательных сторонников ее (сионистов), но и у тех, кто пытается совместить ее с идеями социал-демократии (бундовцы). Идея еврейской национальности противоречит интересам еврейского пролетариата, создавая в нем прямо и косвенно настроение, враждебное ассимиляции, настроение «гетто»»³². Вопреки расхожему мнению, на первом периоде своей истории в руководстве большевиков было совсем немного евреев. В период революции 1905—1907 гг. в ЦК из 11-ти членов был всего один — И. Гольденберг. Как раз больше всего евреев после раскола осталось в рядах меньшинства. В их руководство входили Л. Гольдман, В. Крахмаль, А. Мартынов (Пикер), Л. Хинчук. Это в последующее десятилетие большевики своей прямолинейностью и простыми рецептами скорого достижения победы пролетариата привлекли к себе значительное число евреев из деклассированных интеллигентов и местечковых ремесленников. Хотя в то же время к 1917 г., кажется, уже подавляющее большинство руководителей меньшевиков также состояло из евреев (Л. Мартов, Б. Богданов, Ф. Дан, П. Аксельрод). Это отмечал философ и общественный деятель того периода Федор Степун³³.

Участие в российском освободительном движении со всеми его крайностями не прошло бесследно для всего народа.

В своей знаменитой статье «Еврейская революция» Владимир Жаботинский отмечал, что в ходе революционных событий на-

чала века произошли разительные, с его точки зрения, перемены в национальном характере российского еврейства. Он писал: «Еврей сегодня уже не похож на еврея 25 или даже 10 лет тому назад. Конечно, смешно было бы думать, что русская революция создала этот подъем. Он создан ходом еврейской жизни, который привел к пробуждению национальной самостоятельности, активно-исторического творчества. Но русская революция была школой для этого нового духа»³⁴.

Еврейский вопрос в тактике политических партий России играл определенную роль, хотя и не ведущую. В борьбе в стенах Думы «еврейская карта» использовалась весьма интенсивно³⁵. Достаточно проанализировать выступления, выдвижения проектов и персональные итоги голосования по тем или иным вопросам, затрагивающим жизнь евреев в России. В первую очередь нас, конечно, интересует поведение депутатов-евреев. По данным В. Обнинского³⁶, из 442 депутатов I Государственной думы евреи составляли по численности третью национальную группу после русских (336 человек) и поляков (52) — их было 14. Это, правда, расходится с данными, приведенными в «Краткой еврейской энциклопедии» (12 — иудейского вероисповедания и 1, М. Герценштейн, принявший православие). Во II Думе из 518 депутатов было всего 6 евреев (4 иудейского вероисповедания и 2 православных). Именно тогда произошел инцидент с кадетом Иосифом Гессеном, который, будучи православным, записал себя в думских документах евреем³⁷. В III Думе, в которую избирали по новому, крайне антидемократическому закону, было всего 2 депутата-еврея. Но отметим, что именно в ходе работы этого состава Думы был поставлен на голосование законопроект об отмене черты оседлости, который собрал в свою пользу 166 голосов. Естественно, он был провален, однако треть сторонников еврейского равноправия из числа собравшихся в Думе депутатов — это факт весьма знаменательный. В IV Думе было 3 депутата-еврея. Вообще же евреи, избранные в Государственную думу, представляли достаточно широкий политический диапазон. Это и сионисты Г. Брук и Ш. Левин, трудовик Л. Брамсон и целая группа видных деятелей партии кадетов во главе с М. Винавером и И. Гессеном.

Значительный интерес имеет тактика предвыборной борьбы, которую вели различные партии и группировки в местах компактного проживания еврейского населения, в тех городах и местечках, где евреи составляли большинство населения. Неко-

торое представление об этом дает письмо видного сиониста В. Жаботинского лидеру фракции трудовиков И. Жилькину. В нем Жаботинский предлагает разработать целую систему в борьбе за голоса еврейских избирателей, которая должна принести успех наиболее прогрессивному из кандидатов в депутаты³⁸.

Значительная часть русско-еврейской интеллигенции не ограничивалась только участием в общероссийском освободительном движении. Были созданы собственные национальные объединения либерального и демократического толка. Их деятельность сосредоточилась на борьбе за гражданское равноправие, против черносотенных организаций и антисемитской политики правительства. С 1901 г. действовало «Бюро защиты прав евреев»³⁹. Затем в 1905—1907 гг. все усилия в этом направлении аккумулировались в «Союзе для достижения полноправия евреев в России». В него вошли представители различных национальных течений, не исключая автономистов и сионистов⁴⁰. Известную роль играли и такие организации, как «Еврейская демократическая группа» (А. Брамсон, А. Браудо, И. Бикерман, Я. Сакер) и «Еврейская Народная группа» во главе с М. Винаве-ром. Позднее, в период наступления реакции, последовавший после поражения российской демократии в ходе событий 1905—1907 гг., борьба за гражданские права евреев в России была сосредоточена в «Ковенском комитете»⁴¹. Многие члены этих организаций и объединений одновременно входили и в различные российские политические партии демократического и социалистического направлений⁴².

В начале XX в. значительная часть еврейской интеллигенции была готова, не поступаясь своим национальным достоинством, а лишь приспособляясь к новым условиям, войти в состав интеллигенции российской. Остается вопрос — насколько готово было к этому собственно русское общество.

---

¹ Цит. по: Кузнецова С. Два письма Л. О. Леванды // Russian philology and history. In honour of professor Victor Levin. Jerusalem, 1992. P. 384.

² Гинзбург С. М. О еврейско-русской интеллигенции // Еврейский мир. Париж, 1939. С. 36.

³ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней. Записки русского еврея. Париж, 1933. Т. 1. С. 3. Другой видный представитель этого поколения, О. Грузенберг, в некрологе о Г. Слиозберге отмечал как важную черту его личности «его неутолимую любовь к России» и подчеркивал: «В присутствии Генриха Борисовича никто не решался говорить дурно о России» (Грузенберг О. О. Очерки и речи.

Нью-Йорк, 1944. С. 160). Часть проблематики, связанной с историей русско-еврейской интеллигенции, нашла отражение в исследованиях Л. Гринберга и И. Аронсона (*Greenberg L. The Jews in Russia. The Struggle for Emancipation. New Haven, 1965; Aronson I. M. The prospects of Emancipation of Russian Jewry during the 1880s // The Slavonic and East European Review. L., 1977. № 55.*

⁴ *Мартов Л.* Записки социал-демократа. Берлин, 1923; *Захарова-Цедербаум К., Ежов С.* Из эпохи «Искры» 1900—1905. М.—Л., 1926; *Левинский В.* За четверть века. М., 1926. Израиль Гетцлер прямо связывает превращение русского социал-демократического движения в «семейное дело Цедербаумов» с ходом Гаскалы, указывая на то, что их дед Александр Осипович был центральной фигурой этого направления: *Getzler I. Martov. A Political Biography of Russian Social-Democrat. Cambridge, 1967. P. 1—20.*

⁵ Хаим Житловский, человек, внесший значительный вклад как в еврейское, так и в общероссийское социалистическое движение, в 1903 г. резко полемизировал с Бундом, требовавшим признания еврейского народа самостоятельной национальностью в силу присущих ему специфических расовых и психологических черт. Житловский утверждал, что «национализм Бунда... разлетится в прах на другой день после получения евреями гражданского и политического равноправия» (*Житловский Х.* Открытое письмо еврея к евреям // *Соблазн социализма: Революция в России и евреи. Париж; М., 1995. С. 295.*

⁶ *Goldstein J.* Attitude of the Jewish and Russian Intelligentsia to Zionism in the Initial Period // *The Slavonic and East European Review. L., 1986. № 64.*

⁷ *Вермель С.* Московское изгнание. М., 1924. С. 23. Еще в период погромов начала 80-х гг. даже такие «ассимилированные революцией» деятели, как Л. Дейч и П. Аксельрод, пытались инициировать выступления своих соратников по борьбе против погромов в России. Правда, и в этот момент Л. Дейч не мог отрешиться от социалистического догматизма и в ответ на планы П. Аксельрода написать брошюру о еврейском вопросе в России уговаривал его скорректировать ряд положений. Он «напоминал» П. Аксельроду: «Мы, как социалисты-интернационалисты, вовсе не должны признавать особых долгов по отношению «соплеменников», и потому присоединение твое к юдофильствующему «Рассвету» насчет вопроса о переселении в Палестину нам вовсе не нравится. Мы, конечно, не говорим, что нужно индифферентно отнестись к теперешнему возбуждению среди евреев, но у нас должна быть общесоциалистическая постановка, стремящаяся слить национальность, а не еще более изолировать ее [еврейскую], как таковую» (Письма Л. Г. Дейча к П. Б. Аксельроду // *Группа «Освобождение труда». Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча. М., 1923. Сб. 1. С. 160).*

⁸ На еврейские темы. Киев, 1911. № 1. С. 15.

⁹ *Вишняк М.* Годы эмиграции. Париж, 1971. С. 37. Еще в 1906 г. М. Вишняк опубликовал специальную работу «Положение евреев в России» (М., 1906).

¹⁰ *Войтинский В.* Правда и ложь об евреях. СПб., 1914.

¹¹ *Гершензон М. О.* Письма к брату. Избранные места. М., 1927. С. 50.

¹² Там же. С. 159—160.

¹³ Там же. С. 32.

¹⁴ Там же. С. 46.

¹⁵ Там же. С. 174.

¹⁶ «...Интимно понять русских я не в состоянии». Письмо М. О. Гершензону.

на А. Г. Горнфельду / Публ., коммент. и вступ. ст. В. Кельнера // Вестн. Евр. ун-та в Москве. 1993. № 4. С. 231.

¹⁷ Чрезвычайно высоко ценя талант В. Розанова, М. Гершензон долгое время пытался переубедить его. В январе 1912 г. он полемизировал с ним: «Я не скрываю от себя, что мой еврейский дух вносит чрез мое писательство инородный элемент в русское сознание, напротив, я это ясно сознаю: иначе не может быть. Но я думаю, что жизнь всякого большого и сильного народа, каков и русский народ, совершается так глубоко-самобытно и неотвратно, что сдвинуть ее с ее рокового пути даже на пядь не способны не только экономическое или литературное вмешательство евреев, засилие немцев и пр., но даже крупные исторические события — 1612, 1812, 1905 гг., исключая разве величайших, вроде древних завоеваний» (Переписка В. В. Розанова и М. О. Гершензона. 1909—1918 / Вступ. ст., публ. и коммент. В. Проскуриной // Новый мир. 1991. № 3. С. 228). Однако дальнейшие выступления Розанова по еврейскому вопросу сделали их переписку невозможной. Возобновилась она лишь в 1918 г., в другое время и при других трагических обстоятельствах.

¹⁸ Гершензон М. О. Судьбы еврейского народа. Пб.; Берлин, 1922. С. 32.

¹⁹ Винавер М. М. Как мы занимались историей // Еврейская старина. 1901. Т. 1.

²⁰ М. М. Винавер и русская общественность в начале XX в. Париж, 1937. С. 171—172.

²¹ Там же. С. 120.

²² Дубнов С. Русско-еврейская интеллигенция в историческом аспекте // Еврейский мир. Париж, 1939. С. 14.

²³ Общее дело. 1909. №1. С. 15.

²⁴ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952. С. 303.

²⁵ Orlov B. Statistical Analysis of Jewish Participation in Russian Revolution Movement of the 1870s // Slavic and Soviet Series. Tel Aviv, 1979. № 1/2; Haberer E. E. Jews and Revolution in nineteenth-century Russia. Cambridge, 1995.

²⁶ В то же время В. Тан (Богораз) и Л. Штернберг не отстранились окончательно от национальных проблем. Так, В. Тан опубликовал в 1903 г. небольшую повесть «Авдотья и Ривка» (Вятка, 1903), Л. Штернберг в качестве публициста был известен своими работами «Врозь или вместе?» (СПб., 1907) и «Трагедия шестимиллионного народа» (СПб., 1908). В свою очередь их товарищ по партии Л. Брамсон самым непосредственным образом активно участвовал и в еврейском национальном движении (См.: Леонтий Моисеевич Брамсон: Жизнь и деятельность // Еврейский мир. Сб. II. Нью-Йорк, 1944).

²⁷ «Национальные» аспекты деятельности Е. Азефа впервые были подняты израильским исследователем Л. Прайсманом в статье «Евну Азеф — глава Боевой организации Партии социалистов-революционеров» // Исторические судьбы евреев в России и СССР: начало диалога. М., 1992. С. 102—114.

²⁸ Павлов Д. Эсеры-максималисты в первой русской революции. М., 1989. С. 197.

²⁹ Общественное движение в России в начале XX в. СПб., 1914. Т. 2. Кн. 5. С. 489. В массовом сознании «левизна» и «левый экстремизм» стали «родовыми отметинами» еврейства. Даже далекий от вульгарного антисемитизма православный философ А. Карташев был искренне удивлен, озакомившись в 1905 г. с антирадикальной позицией С. Франка. «Я удивился этому особенно потому,—

подчеркивал Карташев, — что привык думать о самых правых евреях, что им родственно-понятна всякая революционная левизна, что они, даже лично свободные от нее, все-таки вчуже пощадливы к ней, как к «братскому» недостатку» (Сборники памяти Семена Людвиговича Франка. Мюнхен, 1954. С. 69).

³⁰ Памяти Фрумкиной и Бердягина, 11 июня — 13 июля 1907 г.: Материалы суда, речи и письма Ф. М. Фрумкиной и М. В. Бердягина. М., 1908. С. 58.

³¹ Дубнов С. Письма о старом и новом еврействе. Письмо 12-е, ноябрь 1905 г. // Соблазн социализма: Революция в России и евреи. Париж; М., 1995. С. 477.

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 289.

³³ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990. Т. 1. С. 100. Некоторое представление об этом дается также в работах: *Mendelsson E. Class struggle in the Pale. The Formative Years of the Jewish Workers Movement in Tsarist Russia.* Cambridge, 1970; *Schapiro L. The Role of the Jews in the Russian Revolutionary Movement* // *The Slavonic and East European Review.* 1961. № 94. Л. Мартов в начале своего революционного пути интересовался еврейским рабочим движением. См., например, его работы: «По поводу еврейской стачки в Вильно». Вильно, 1896, и «Поворотный пункт в истории еврейского рабочего движения». Женева, 1900. Напомним о том, что он был внуком известного деятеля еврейского просвещения А. Цедербаума.

В то же время ряд данных говорит о том, что одна из «икон» российской демократии — Г. Плеханов, практически весь жизненный путь которого прошел в плотном еврейском окружении (как семейном, так и профессиональном), был отнюдь не чужд самому вульгарному идейному антисемитизму. В. И. Ленин в начале века писал об отношении вождя российской социал-демократии к Бунду, к которому, по словам Ленина, он проявлял «феноменальную нетерпимость, объявляя его прямо не социал-демократической организацией, а просто эксплуататорской, эксплуатирующей русских, говоря, что наша цель — вышибить этот Бунд из партии, что евреи — сплошь шовинисты и националисты, что русская партия должна быть русской, а не давать себя «в пленение» «колену гадову» и пр. Никакие наши возражения против этих неприличных речей ни к чему не привели и Г. остался всецело при своем, говоря, что у нас просто недостает знаний еврейства, жизненного опыта в ведении дел с евреями» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 338—339).

Как известно, еще в начале 80-х гг., после погромов в России, ближайший соратник Г. Плеханова П. Аксельрод безуспешно пытался убедить его выступить со специальной работой по еврейскому вопросу (*Asher A. Pavel Axelrod and development of menshevism.* Cambridge, 1972).

³⁴ Жаботинский В. Еврейская революция // Соблазн социализма: Революция в России и евреи. С. 482.

³⁵ Ганелин Р. Ш. Первая Дума и борьба с черносотенством и погромами // Освободительное движение в России. Саратов, 1992. Вып. 15. С. 141—156.

³⁶ Обнинский В. Полгода русской революции. М., 1906. Вып. 1. С. 178.

³⁷ Сам И. Гессен годы спустя писал: «Вспоминаю, что впервые тогда (в период «дела Бейлиса». — В. К.) проснулось раскаяние, что, приняв православие, я ускользнул из-под ударов, наносимых соплеменникам, ослабив их фронт, и раскаяние перемещивалось (а может быть, возбуждало) с жгучей ненавистью к злобным страхам еврейской обособленности» (Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937. С. 109). Интересно отметить, что, как это ни парадоксально, именно подъем национального самосознания российского ев-

рейства, вызванный «делом Бейлиса», обострил юдофобские настроения А. Блока. А. Штейнберг вспоминал, что поэт, с которым он вместе находился в камере петроградской ЧК в 1919 г., говорил ему: «Знаете, Аарон Захарович, я должен вам признаться, что я был сам некоторое время близок к юдофобству, особенно во время процесса Бейлиса». И он подробно рассказал мне о людях, прежде скрывавших свое еврейское происхождение, но которые вдруг стали в это время необыкновенно активными и требовали от него, Блока, подписи в заявлении в министерство, в котором говорилось, что евреи не употребляют христианскую кровь в своих ритуалах» (*Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911—1928)*. Париж, 1991. С. 38).

³⁸ *Жаботинский В.* Письма русским писателям / Публ., вступ. ст. и коммент. Х. Фирина // *Вестн. Евр. ун-та в Москве*. 1992. № 1.

³⁹ *Кельнер В.* Александр Браудо и борьба с антисемитизмом в России в конце XIX — нач. XX в. // *Вестн. Евр. ун-та в Москве*. 1993. № 2. С. 117—120.

⁴⁰ Союз для достижения полноправия евреев в России: Протоколы 2-го съезда. СПб., 1905; Союз для достижения полноправия евреев в России: Протоколы 3-го съезда. СПб., 1906.

⁴¹ Совещание еврейских общественных деятелей. Ковно 19—22 ноября 1909 г. Стенографич. отчет. СПб., 1910. См. также мемуары активного участника, идеолога и руководителя этих объединений С. Дубнова («Книга жизни: Воспоминания и размышления». Рига, 1935. Т. 2. С. 23—25, 106).

⁴² В рассматриваемый нами круг проблем не входит история еврейского национального, социалистического и сионистского движения. Она затрагивается лишь в той степени, в которой это необходимо для освещения основной тематики исследования. Из работ об этой стороне еврейской истории укажем фундаментальную монографию: *Frankel J. Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism and the Russian Jews. 1862—1917.* Cambridge, 1981.

О. Будницкий (Ростов-на-Дону)

В ЧУЖОМ ПИРУ ПОХМЕЛЬЕ

(Евреи и русская революция)

Вскоре после цареубийства 1 марта 1881 г. известный русский историк и консервативный публицист Дмитрий Иловайский писал в «Петербургских ведомостях»: «Теперь, когда тело Царя-мученика уже предано земле, теперь на нас, Русских, прежде всего лежит священный долг доискаться до источников той темной силы, которая отняла его у России». Иловайский высказывал убеждение, что русские «нигилисты и социалисты» — только «грубое, нередко бессознательное орудие», что их направляют на преступления «не столько враги собственности и общественного порядка, сколько внутренние и внешние враги Русского государства, русской национальности».

Великороссы в этой «подпольной шайке» являются панурговым стадом, они единственный элемент, не имеющий национальных мотивов. «Каракозовы, Соловьевы и Рысаковы суть именно те грубые, бессмысленные орудия, которые действительно уловлялись в сети с помощью социальной пропаганды, которые сами не знали, для какого дела, для каких целей они служили орудием». Среди внутренних врагов России Иловайский на первое место ставил поляков. «Второй элемент,— писал автор выдержавших десятки изданий школьных учебников,— ясно выдающийся и даже бьющий в глаза, это революционеры из евреев. В последних процессах, убийствах, покушениях и университетских беспорядках они выступают едва ли не самым деятельным элементом»¹.

Если убежденный юдофоб Иловайский, одним из первых отчетливо сформулировавший мысль об «иностранном» характере русской революции, отводил евреям «всего лишь» второе место среди губителей России, значит, они действительно еще не играли в освободительном движении выдающейся роли.

Два десятилетия спустя ситуация разительно изменилась. В 1903 г. в беседе с Теодором Герцлем председатель Комитета министров С. Ю. Витте указывал ему на то, что евреи составляют около половины численности революционных партий, хотя их

всего 6 млн. в 136-миллионном населении России². Возможно, Витте хватил через край, насколько мне известно, его утверждение, неоднократно приводившееся в научной литературе, не подкреплено сколь-нибудь серьезными расчетами. Однако сомневаться в активнейшем участии евреев в русских оппозиционных партиях, разумеется, не приходится.

По данным, которые приводит американский историк Норман Неймарк, в начале века среди лиц, арестованных за политические преступления, евреи составляли около 30%. Около 15% членов партии социалистов-революционеров были евреями, а некоторые «максималистские и анархистские террористические группы почти полностью были еврейскими»³. В то же время, по подсчетам российского историка Дмитрия Павлова, в целом в составе организаций эсеров-максималистов было около 19% евреев при 76% русских и украинцев⁴. На V съезде РСДРП (Лондон, 1907) около трети делегатов были евреями⁵.

Отмечу в то же время, что, как ни велико было участие евреев в русских или еврейских революционных партиях, количественно они составляли очень незначительное число как по отношению к населению России, так и к русскому еврейству. Так, летом 1904 г. Бунд насчитывал около 23 тыс. человек, в 1905—1907 гг., — около 34 тыс., в 1908—1910 гг., когда революционные настроения резко пошли на спад, — около 2 тыс. человек. Для сравнения: вся «русская социал-демократическая партия» в начале 1905 г. насчитывала приблизительно 8400 членов⁶.

В сознании русского обывателя — от люмпена до интеллигента — роль евреев в русской революции представлялась еще большей, чем она была на самом деле. Характерна сомнительного качества острота, появившаяся на страницах сатирического журнала либерального толка «Вампир» в период революции 1905—1907 гг.: «Варшава. Расстреляно в крепости 11 анархистов. Из них 15 евреев»⁷.

На свободы, дарованные Манифестом 17 октября 1905 г., городское дно ответило еврейскими погромами. Многие годы русская либеральная интеллигенция тешила себя иллюзией, что погромы были организованы правительством. 1905 г. отчетливо показал, чем может обернуться свобода в стране, не имеющей ни демократических традиций, ни достаточно мощного «культурного слоя». События первой русской революции вызвали вопль ужаса у Михаила Гершензона, инициатора сборника «Вехи»: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом,—

бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»⁸.

Гершензон предостерегал от «народолюбивых» иллюзий интеллигенцию; еще в большей степени эти предостережения относились к ее еврейской части. Однако юдофобские настроения, свойственные, как казалось, прежде всего черни и крайне правым кругам, находили все более широкое распространение в среде русской интеллигенции.

Любопытные наблюдения приводит известный еврейский философ и общественный деятель Аарон Штейнберг в своих воспоминаниях. В 1913 г. Штейнберг, возмущенный и удивленный статьями В. В. Розанова в «Земщине» в период «дела Бейлиса» (а Розанов допускал ритуальный характер убийства Юдинского), отправился к нему объясняться. Принят он был вполне корректно и даже доброжелательно. И получил вполне откровенные и весьма образные объяснения. «Вот видите ли, — говорил Штейнбергу Розанов, — когда мои дочери, приходя из гимназии, взволнованно и с восторгом рассказывают, что нашли замечательную новую приятельницу, когда они находятся под большим впечатлением от нее, я уже наперед знаю, что это или Рахиль, или Ревекка, или Саррочка. А если их спросишь про новое знакомство с Верой или Надеждой, то это будут бесцветные, белобрысы, глаза вялые, темперамента нет! Так ведь мы, русские, не можем так смотреть, сжигая глазами, как вы вот на меня смотрите! Конечно, вы и берете власть. Но надо же, наконец, и за Россию постоять!»⁹

Этот спич вызвал глубокое разочарование Штейнберга, видимо, готовившегося к философскому диспуту. Как оказалось, «дело не в ритуале, все дело в политике». Позднее в одной из статей по поводу «дела Бейлиса» Розанов «открыто признавался, что выступил в пользу обвинения Бейлиса из политических соображений, чтобы попытаться предотвратить еврейское засилье — «еврейское иго». Русские освободились от татарского ига, а теперь наступает еврейское иго. И чтобы остановить его, необходимо бороться с еврейством»¹⁰.

Юдофобские настроения были свойственны и другим властителям дум интеллектуальной элиты России. Александр Блок говорил тому же Штейнбергу о своей неприязни к евреям, сложившейся в период «дела Бейлиса», когда люди, прежде скрывавшие свое еврейство, стали требовать от него подписи под

протестами и т. п. Обстановка этого разговора — Штейнберг и Блок беседовали в 1919 г., лежа на одних нарах в ЧК, — исключала неискренность. Тогда же у Штейнберга возникла мысль, впоследствии высказывавшаяся им Андрею Белому, что неприязнь Блока к евреям была скрытой от него самой обратной стороной русского патриотизма. Это, замечал Штейнберг, было свойственно и другим русским интеллигентам, с которыми он тесно общался, — Андрею Белому, Иванову-Разумнику, Петрову-Водкину, Карсавину и др.¹¹.

Эрозии подвергались и либеральные принципы части кадетов; П. В. Струве заговорил об «асиметизме» и «национальном лице», которое полезно увидеть евреям, противопоставляя, правда, это конституционное и демократическое «национальное лицо» «антисемитическому изуверству»¹². 17 марта 1910 г. Ариадна Тыркова записала в дневнике: «Разговоры о национализме лезут со всех сторон. По-видимому, это все крепче разрастается среди радикалов. 6 января были у Гредескула. Шел спор о газете. Сам Гредескул, Эрвин Гримм, Д. Д. Протопопов... все говорили, что нельзя терпеть, что, кроме «еврейской» «Речи», ничего у нас нет. Только Родичев и Давид Гримм были против нас. Последний считает национализм явлением антикультурным»¹³.

Я отнюдь не утверждаю, что антисемитизм был свойствен большинству политизированной русской интеллигенции. То же «дело Бейлиса», которое стало своеобразной лакмусовой бумажкой на национальную терпимость и подлинный демократизм, продемонстрировало прежде всего лучшие черты русской интеллигенции. Василий Маклаков, чья речь на процессе сыграла решающую роль в оправдании Бейлиса, очень точно назвал это дело «спасительным предостережением»¹⁴. А ведь он отнюдь не был юдофилом. Розанова исключили из «Религиозно-философского общества» за антисемитизм.

Суть проблемы в другом — в период между двумя революциями налицо был бесспорный рост антисемитизма, или, скажем более мягко, настороженного отношения к евреям, который захватил и круги русского общества, ранее не страдавшие этой болезнью. Это неизбежно толкало политически активных евреев «влево», ибо даже среди кадетов, «образцовых» русских либералов, наметилось двойственное отношение к «еврейскому вопросу».

Прежде чем рассматривать место и роль евреев в событиях рокового для России 1917 г., надо, по-видимому, определиться,

можно ли этих деятелей русского по преимуществу освободительного движения считать выразителями интересов еврейства или даже вообще евреями? Ведь многие из них от своего еврейства отреклись (в том числе в буквальном смысле этого слова). Подчеркнутый интернационализм многих революционных деятелей, особенно большевиков, давал их антагонистам из еврейской среды удобный повод «отлучить» их от еврейства, сняв таким образом с еврейского народа обвинения в разрушении России.

Так, Шимон Дубнов говорил на еврейском митинге 9 июня 1917 г.: «...и из нашей среды вышло несколько демагогов, присоединившихся к героям улицы и пророкам захвата. Они выступают под русскими псевдонимами, стыдясь своего еврейского происхождения (Троцкий, Зиновьев и др.), но скорее псевдонимами являются их еврейские имена: в нашем народе они корней не имеют...»¹⁵

Аналогичные мысли высказывали историки и публицисты и тогда, и теперь. Полагаю, что с таким же успехом можно было бы объявить не принадлежащими к своему народу революционеров русского происхождения на основании того, скажем, что они не исполняют православных обрядов. Думаю также, что активное участие евреев в русском освободительном движении объяснялось как раз не разрывом с еврейством, а принадлежностью к нему. Утверждая это, я имею в виду не некие мистические причины, например, сходство иудейского мессианизма с марксистским, о чем писал, к примеру, Николай Бердяев¹⁶, и т. п., а вещи гораздо более прозаические.

Очевидные социально-экономические и политические факторы неизбежно должны были привести значительную часть еврейства в оппозиционный лагерь. Сравнительно высокая образованность, а также то, что немалое число евреев вынуждено было получать образование в заграничных университетах, вращаясь в среде революционной эмиграции, неизбежно должно было привести и к более высокому проценту евреев в оппозиционных партиях, и в особенности в их руководстве. Решение «еврейского вопроса», как казалось, было связано с успехом русской революции.

Все это, в общем, известные истины. Хотел бы только обратить внимание на то обстоятельство, что многие евреи — участники русского революционного движения — сознательно, а чаще бессознательно, идентифицировали свои интересы с интересами русских рабочих и крестьян, имея об этих самых рабочих и

крестьянах нередко самые фантастические представления. Впрочем, этим они мало отличались от своих русских товарищей.

Очень, на мой взгляд, точные наблюдения и впечатления вывез из своей поездки в Вильно в 1907 г. известный впоследствии философ и публицист, а в 1917-м — один из фронтовых комиссаров Временного правительства Федор Степун. То, что Степун проникся «живой жалостью» к еврейству и стыдом за царскую инородческую политику, разумеется, показалось бы его радикальным товарищам по Гейдельбергскому университету только естественным.

«Вывезенное же мною второе убеждение,— писал Степун,— что, занимаясь рабочим и аграрным вопросами, революционное еврейство занималось, в конце концов, лишь борьбою за свое равноправие, на что оно имело, конечно, полное право,— им показалось бы несправедливым, так как, в связи со всей своей политической идеологией, они себя от русского народа не отличали.

Сам я в то время ни рабочим, ни аграрным вопросами не занимался и теоретически в них ничего не понимал. Но думая, как мне это всегда было свойственно, прежде всего глазами, я никак не мог увидеть живого смысла в том, что внук виленского раввина и сын ковенского маклера, никогда не выдавшие русской земли и русского мужика, ежеминутно ссылаясь на Карла Маркса, горячо спорят друг с другом о том, в каких формах рязанскому, сибирскому и полтавскому крестьянству надо владеть своею землею»¹⁷

Если картина, нарисованная Степуном, и несколько утрирована, то суть ситуации он, по-моему, схватил очень верно.

В том, в чем Степун не видел «живого смысла», напротив, усматривал глубокий смысл известный еврейский общественный деятель и один из лидеров российских либералов Максим Винавер. В статье, посвященной памяти Семена Рапопорта (С. А. Ан-ского), революционера-народника, собирателя русского и еврейского фольклора, секретаря П. Л. Лаврова и автора знаменитой пьесы «Ха-Диббук», Винавер писал:

«Сколько еврейских юношей, только что оторвавшихся от Библии и Талмуда, шли на борьбу и гибли за этот, казалось бы, чужой им крестьянский народ, о котором они знали только, что он трудится и страдает. Они проникались верою в душу этого народа только потому, что они были приготовлены к вере в правду и добро, в конечное торжество справедливости. К этому их

готовило общение с пророками, с великими заветами всей еврейской культуры. Семя, брошенное русскими подвижниками, боровшимися во имя правды-истины и правды-справедливости, пало на благодарную почву, и непрерывною цепью, в течение десятков лет, тянулись еврейские юноши в ряды тех партий, которые строили благо народа на вере в имманентное, присущее мистическому целому — человечеству или народу — стремление к добру. Кое-кто готов был потом — в годы погромов — кидать в этих мечтателей камень, за то, что они шли стеречь «чужие виноградники». Обвинение дикое. Бороться — за правду значит исполнять заповедь еврейских пророков, значит стеречь свои, а не чужие виноградники. Да и нет в этом аспекте разницы между охраною своего и чужого виноградника»¹⁸.

Приведу еще одно свидетельство, вдвойне ценное тем, что, во-первых, принадлежало отнюдь не революционеру, во-вторых, было опубликовано тогда, когда в симпатиях к революционерам было признаваться совсем не модно, — в конце 1930-х гг., в эмиграции, куда революция выбросила мемуариста, знаменитого адвоката Оскара Грузенберга. Грузенберг вспоминал, что свое еврейство он особенно отчетливо осознал однажды ночью 1886 г. в Киеве, во время полицейской облавы. Его, студента университета, полиция не тронула, зато его матери, приехавшей к сыну в гости из черты оседлости и что-то там нарушившей, пришлось скоротать остаток ночи на заплеванном полу участка, рядом с пьяницами и проститутками. Вызволить ее удалось лишь по великому благу.

«Забыть, как унизили мою старуху-мать, никого в своей жизни не обидевшую, значило бы забыть, что если жизнь чего-нибудь стоит, то только тогда, когда она не рабская, — писал с горечью и яростью Грузенберг около полувека спустя. — Что было пережито мною в ту ночь? Что решено? Коротко: после этой ночи я видел в каждом, кто боролся с самодержавным произволом и его жестокостью, своего союзника, брата, перед которым я в долгу, которому я о б я з а н прийти на помощь в дни его испытаний»¹⁹.

Вот так: о б я з а н прийти на помощь. И таково, несомненно, было настроение немалого числа евреев.

Владимир Жаботинский, принципиальный противник участия евреев в русской революции, писал тем не менее, что еврейская кровь на баррикадах лилась «по собственной воле еврейского народа». В ответ на упреки за эту фразу он заявил,

что считает невежественной болтовней «все модные вопли о том, что у евреев нет народной политики, а есть классовая. У евреев нет классовой политики, а была и есть (хотя только в зародыше) политика национального блока, и тем глупее роль тех, которые всегда делали именно эту политику, сами того не подозревая. Они делали это на свой лад, с эксцессами и излишествами, но по существу они были все только выразителями разных сторон единой воли еврейского народа. И если он выделил много революционеров — значит, такова была атмосфера национально-го настроения. Еврейские баррикады были воздвигнуты по воле еврейского народа. Я в это верю, и раз оно так, я преклоняюсь и приветствую народную революцию».

Правда, склонившись (по-моему, не без лукавства) перед «волей народа», Жаботинский тут же задавался вопросом: «Но на пользу ли народу пошла эта революция?» Сомнения, высказывавшиеся блестящим русским поэтом и идеологом еврейского национального движения, подталкивали к отрицательному ответу на этот вопрос: «Воля народа не всегда ведет к его благу, потому что не всегда народ способен верно учесть объективные шансы за и против себя. И в особенности легко ошибиться тогда, когда весь расчет основан на вере в сильного союзника, на вере в то, что он поймет, он откликнется, он поможет,— а на деле никто из нас этого союзника не знает, и Бог весть еще, как он нас отблагодарит...»²⁰

Вполне прагматически, в отличие от сиониста Жаботинского, высказался о заинтересованности евреев в революции, уже после свержения самодержавия, его идейный антагонист бундовец Р. А. Абрамович. Выступая на московском Государственном совещании в августе 1917 г., он говорил: «...только полное закрепление побед революции, только полная и решительная демократизация всей жизни страны может навсегда положить конец угнетению еврейского народа в России и обеспечить ему... национальное самоуправление... Вот почему еврейские рабочие и трудящиеся, не только как члены великой семьи трудящихся всего мира, не только как граждане свободной России, но и как евреи, кровно заинтересованы в дальнейшем укреплении революции в России»²¹.

Таким образом, во-первых, евреи в силу своего неполноправного положения и национального угнетения и унижения неизбежно должны были «производить» из своей среды революционеров; это понимали разумные администраторы, и

опыт первой русской революции, а также государственный взгляд на ненормальность положения евреев в России подтолкнул, к примеру, П. А. Столыпин в октябре 1906 г. выдвинуть законопроект об уравнивании евреев в правах с другими народами империи.

Столыпин объяснял царю, что «еврейский вопрос» был поднят им потому, что, «исходя из начал гражданского равноправия, дарованного Манифестом 17 октября, евреи имеют законные основания домогаться полного равноправия». Кроме того, он «думал успокоить неревolutionционную часть еврейства и избавить наше законодательство от наслоений, служащих источником бесчисленных злоупотреблений». Однако инициатива премьера натолкнулась на мистическое настроение императора, который вернул «журнал Совета Министров по еврейскому вопросу» неутвержденным. «Внутренний голос,— писал Николай II главе правительства,— все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя»²².

Во-вторых, значительная часть российского общества после 1905 г. была уверена, что если в стране случится еще раз революция, евреи примут в ней самое активное участие. Крайне правые уверяли, что евреи — «становой хребет» революции и без их деятельности не было бы вообще никакого серьезного революционного движения.

Но, как ни удивительно, евреи, принимавшие столь активное участие в борьбе с самодержавием и, во всяком случае, весьма сочувствовавшие этой борьбе, оказались практически непричастными к его свержению. Впрочем, их русские коллеги по революционной борьбе также оказались застигнутыми врасплох солдатским бунтом, легитимизированным Государственной думой. Вскоре выяснилось, что это «великая», «бескровная» и т. д., одним словом — Февральская революция.

Объясняется этот «странный» факт весьма просто: революция в России была русской по преимуществу революцией и случилась (ибо революции случаются не по воле даже очень хорошо организованного меньшинства, а в силу глубокого разложения государственного организма, с одной стороны, и стечения многообразных обстоятельств — с другой) совсем не для того, чтобы разрешить «еврейский вопрос». Февраль продемонстрировал это особенно отчетливо. Вот уж где не найти следов не только «еврейского», но и вообще никакого заговора; разве что «заговор» генералов — командующих фронтами, отказавшихся поддержать своего главнокомандующего — русского царя.

Конечно, позднее евреи играли более заметную роль в русской революции, но никогда — решающую. Это точно уловили многие национально ориентированные русские мыслители; приведу высказывания тех, кого уж точно нельзя заподозрить в симпатиях к евреям. Лев Карсавин писал, что «необходимо покончить с глупой сказкою (если с новым «кровавым наветом» — все меняет свои формы, даже клевета), будто евреи выдумали и осуществили русскую революцию. Надо быть очень необразованным исторически человеком и слишком презирать русский народ, чтобы думать, будто евреи могли разрушить русское государство.— Историософия, достойная атамана Краснова и, кажется, позаимствованная им у Дюма-отца, который тоже обвинял в устройстве французской революции графа Калиостро!»²³.

«Разве не началась она, революция наша, и не развивалась через типичнейший русский бунт, «бессмысленный и беспощадный» с первого взгляда, но всегда таящий в себе какие-то нравственные глубины, какую-то своеобразную «правду»? — писал в статье с симптоматичным названием «Patriotica» бывший заведующий колчаковским Бюро печати, а затем «сменовеховец» Николай Устрялов.— Нет, ни нам (интеллигенции.— О. Б.), ни «народу» неуместно снимать с себя прямую ответственность за нынешний кризис — ни за темный, ни за светлый его лики. Он — наш, он подлинно русский, он весь в нашей психологии, в нашем прошлом... И если даже окажется математически доказанным, как это ныне (статья опубликована в 1921 г.— О. Б.) не совсем удачно доказывается подчас, что девяносто процентов русских революционеров — инородцы, главным образом евреи, то это отнюдь не опровергает чисто русского характера движения. Если к нему и прикладываются «чужие» руки,— душа у него, «нутро» его, худо ли, хорошо ли, все же истинно русское — интеллигентское, преломленное сквозь психику народа».

Устрялов, говоря об идейных корнях русской революции, указывал на причудливо преломленный дух славянофильства, чаадаевский пессимизм, герценовский революционный романтизм, якобинизм ткачевского «Набата» и даже печоринскую «патриотофобию» и достоевщину — «от Петруши Верховенского до Алеши Карамазова». «Или, быть может, оба они — русские? А марксизм 90-х годов, руководимый теми,— не без яда замечал Устрялов,— кого мы считаем теперь носителями подлинной русской идеи,— Булгаковым, Бердяевым, Струве?»

Вывод Устрялова был, по моему мнению, вполне точным: «Не инородцы-революционеры правят русской революцией, а русская революция правит инородцами-революционерами, внешне или внутренне приобщившимися «русскому духу» в его нынешнем состоянии...»²⁴

Однако вернемся к мартовским дням 1917 г.

Евреев, пока не «подъехали» эмигранты и ссыльные, в руководящих органах революции, прежде всего в Исполкоме Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, было совсем немного, а точнее, всего один — эсдек Юрий Михайлович Стеклов, настоящую фамилию которого — Нахамкес — с удовольствием обыгрывала пресса разных оттенков.

Еврейское «отсутствие» с удовлетворением отмечал мудрый Шимон Дубнов. 17 марта он записал в дневнике: «Еврейство в этой революции не выдвигается, не бросается вперед — тактический шаг, урок 1905 года...»²⁵ Пять дней спустя, вечером 22 марта, он писал: «Знаменательный день: сегодня опубликован акт Временного правительства об отмене всех национальных и вероисповедных ограничений, т. е. акт *еврейской эмансипации* в России. Осуществилась мечта целой жизни, цель страданий и борьбы четырех десятилетий. В этот момент я еще не могу постигнуть все его драматическое величие. Позже, когда исчезнут страшные спутники этого солнца на историческом горизонте: германский Ганнибал у ворот и призрак контрреволюции или анархии, мы почувствуем свет и тепло нового светила...»²⁶

Увы, почувствовать довелось российским евреям нечто совсем иное... И тревожные симптомы Дубнов отметил в той же дневниковой записи: «Вернулся с улицы, где видел людей, бегущих с «добычей» — фунтиком хлеба из лавки, и подумал: не стоим ли мы уже на краю пропасти? Величие революции и бессилие в борьбе с голодом, все политические свободы и недостаток хлеба,— как подействует этот контраст на темные массы?...»²⁷

«Отсутствие» евреев в российской политической элите 1917 г. — элите преимущественно революционной — продолжалось недолго. Небольшое поначалу число евреев в различных органах власти объяснялось, как уже говорилось выше, просто физическим отсутствием большинства известных революционных деятелей в столицах. Затем их количество начинает стремительно нарастать.

16 октября 1917 г. В. Л. Бурцев, которого уж никак нельзя заподозрить в антисемитизме, опубликовал в своей газете «Общее

дело» список 159 эмигрантов, вернувшихся в Россию через Германию в известных «пломбированных вагонах». Список ему передал специальный комиссар Временного правительства по ликвидации заграничной охраны С. Г. Сватиков. В этом списке по меньшей мере 99 евреев. В первой группе из 29 человек, приехавших вместе с В. И. Лениным, евреев было 17 человек. Очевидно, что среди политических эмигрантов, возвращавшихся в Россию менее экзотическими способами, евреев было также немало.

Сколько же всего евреев — как в абсолютных, так и в относительных цифрах — входило в российскую политическую элиту? Кого они представляли? Каковы были их связи с еврейством?

Под политической элитой здесь подразумеваются деятели всероссийского масштаба и наиболее заметные представители регионов. При подсчетах (разумеется, не претендующих на абсолютную точность) мною учтены депутаты Учредительного собрания, члены ВЦИК, участники Демократического совещания, члены Временного Совета Российской республики (Предпарламента), Центральные комитеты общероссийских партий, то есть наиболее значительных представительных органов 1917 г.— первой половины 1918-го. В расчет брались также видные публицисты, религиозные деятели и т. д. Хронологические рамки определяются Февральской революцией, с одной стороны, и установлением однопартийной диктатуры в Советской России в июле 1918 г.— с другой.

При исключении дублирования общая численность политической элиты всероссийского масштаба составила, по моим подсчетам, немногим более трех тысяч человек. Среди них свыше трехсот евреев, присутствовавших во всем спектре российских политических партий — от крайне левых (анархисты, большевики) до оказавшихся на правом фланге кадетов. Это около 10%, что, разумеется, более чем вдвое превышает процент евреев в составе населения бывшей Российской империи. Однако если учесть, что еврейское население было почти полностью городским, а также более образованным, чем другие народы России, то ничего необычного в этой цифре не будет.

Но это — в среднем. В то же время в составе ВЦИК первых пяти созывов, как правило, около 20% депутатов были евреями: наибольшая цифра — 22% — среди членов ВЦИК 1-го созыва (июнь 1917), наименьшая — около 17% — 3-го (январь 1918). Евреи входили в ЦК практически всех значительных политиче-

ских партий России. Причем в Центральных Комитетах левых партий — большевиков и эсеров — евреи составляли, как правило, от четверти до трети их членов. В ЦК «объединенной» партии меньшевиков евреи составили около половины. Трое (из 67) членов ЦК партии кадетов, избранных на ее 8-м съезде, были евреями, причем при выборах М. М. Винавер прошел вторым, после В. И. Вернадского.

Как и прежде, политически активные, получившие всероссийскую известность евреи отождествляли, как правило, свои интересы с интересами того или иного класса или социальной группы российского общества, игнорируя специфически национальные интересы еврейства или отводя им в своей деятельности второстепенное место. Так, среди евреев — депутатов Учредительного собрания вчетверо больше было избрано по спискам Совета крестьянских депутатов, нежели по спискам еврейских национальных организаций. Пятую часть Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, избранного на 1-м съезде крестьянских Советов по партийным спискам, составили евреи.

Таким образом, говорить о какой-либо единой «еврейской» политике не приходилось. Политизированное еврейство было раздираемо теми же противоречиями, что и русское общество.

Любопытную картину демонстрирует анализ, проведенный мною по персоналиям, собранным в биографическом словаре «Политические деятели России: 1917» (М., 1993). Словарь является первым сводом биографий политических деятелей 1917 г. Подборка (свыше 300 биографий), на мой взгляд, достаточно репрезентативна и в то же время «случайна», — составители не стремились ни преувеличить, ни преуменьшить роль евреев в событиях 1917 г. Поэтому случайности при подготовке словаря компенсируют друг друга. Так, представлена справка об анархисте Ефиме Ярчуке (Хаиме Захарьеве), не самом заметном персонаже среди «героев» 1917 г., «зато» нет биографии Ю. Стеклова (Нахамкеса) и т. п.

Среди трехсот главных актеров политического театра России 1917 г. 43 — «лица еврейской национальности». По партийной принадлежности они разделились следующим образом: меньшевиков (разного толка) — 20, большевиков — 11, эсеров — 6 (правых — 4, левых — 2), по 3 — анархистов и кадетов. Лишь пятеро участвовали в еврейских национальных организациях. 37 отнеслись к Октябрьской революции отрицательно, 16 были ее активными участниками. Судьба людей после революции сложилась в

основном нерадостно: около половины (21) было расстреляно, убито террористами или погибло в заключении, 13 умерло в эмиграции.

Если и можно вывести из этих наблюдений какие-то закономерности, то бесспорной будет лишь одна: чем успешнее была политическая карьера еврея в русской революции 1917 г., тем меньше шансов было у него умереть естественной смертью. Из 16 «победителей» Октября 1917 г. восемь были расстреляны или умерли в заключении, двоих убили террористы (одного — Моисея Урицкого — «классовый враг», тоже, впрочем, еврей, Леонид Каннегисер; другого — Льва Троцкого — агент НКВД, наставником которого был высокопоставленный сотрудник этой организации Леонид Эйтингон), двоих, на их счастье, выслали, один покончил самоубийством и лишь трое успели вовремя умереть своей смертью.

Однако дело было не только в реальном (бесспорно, значительном) участии евреев в революции. Не меньше значило мнение об их участии и тенденция замечать на политической авансцене 1917 г. прежде всего евреев, свойственная определенным кругам русского общества и достаточно широким слоям «простого» народа. Надо сказать, что этому объективно способствовало действительно непропорционально большое число евреев среди ораторов на различных политических форумах. Евреи, что называется, «бросались в глаза». Причем не только тем, чьи глаза были устроены особым образом и видели среди революционеров только евреев.

Одним из наиболее запомнившихся публичных ораторов 1917 г. мемуаристам самой разной ориентации был Стеклов, а также меньшевик Федор Дан и бундовец Михаил Либер. «На эстраде в те дни (первые недели после Февраля. — О. Б.) чаще других появлялся громадный, громкий, наглый бородач Стеклов, лютый анархо-марксист», — вспоминал Федор Степун²⁸. Дан и Либер настолько часто появлялись «на сцене» Петроградского Совета, что в «публике» даже появился особый термин «либерданить».

После эйфории первых «послефевральских» недель, когда выяснилось, что свобода — это только свобода и ничего более, а для победы в войне нужно воевать и для налаживания жизни — работать, и само собой ничего не делается, р-революционный народ, как водится, начал искать причину продолжающегося ухудшаться положения во внешних обстоятельствах. Начался поиск

новых врагов. Для одних это были кадеты, для других — буржуазия, для третьих — большевики и для очень многих — евреи. Десятилетия антисемитской пропаганды и отчужденности не прошли даром. Активная и наглядная деятельность политиков еврейского происхождения, какие бы позиции они ни занимали, казалось, подтверждала давние предсказания антисемитских публицистов.

Рост антисемитских настроений и погромную агитацию по меньшей мере с начала лета 1917 г. единодушно отмечают современники, принадлежавшие к самым разным политическим лагерям. После июльских событий 1917 г., первой репетиции большевистского путча, «дворники, лавочники, извозчики, парикмахеры, вся мещанская толпа Петрограда только и ждала того, чтобы начать бить “товарищей, жидов и изменников”», — вспоминал Степун²⁹.

Историк литературы Борис Эйхенбаум записал в дневнике 23 августа разговор в книжном магазине: какой-то старший гардемарин говорил, что «революция безумна, ее сделало меньшинство, группы, в Совете рабочих депутатов нет русских (Церетели, Чхеидзе, Нахамкес), все — от предателей до изменников, которых надо вешать». К нему присоединилась хозяйка книжного магазина: «все сделали евреи»³⁰.

Шимон Дубнов записывает 20 сентября: «В хвостах у лавок злоешие разговоры о том, что все зло от жидов, богатеющих от войны и народных бедствий, что евреи захватили власть в городских думах и правительственных учреждениях»³¹.

Нараставшую опасность уже в июне заметил Максим Горький, посвятивший ей специальную статью в цикле своих «Несвоевременных мыслей». Позволю себе привести обширные выдержки из этой статьи, поскольку мысли Горького, по-моему, очень точны и, увы, остаются вполне своевременными. Замечу попутно, что именно т а к о г о Горького скрывали от российского читателя более 70 лет.

«...Антисемитизм, — писал Горький в «Новой жизни», — жив и понемножку, осторожно снова поднимает свою гнусную голову, шипит, клеветает, брызжет ядовитой слюной ненависти.

В чем дело? А в том, видите ли, что среди анархически настроенных большевиков оказалось два еврея. Кажется, даже три. Некоторые насчитывают семерых и убеждены, что эти семеро Сампсонов разрушат вдребезги 170-миллионную храмину России.

Это было бы очень смешно и глупо, если б не было подло...

Есть... тысячи доказательств в пользу того, что уравниение «еврей=большевик» — глупое уравниение, вызываемое зоологическими инстинктами раздраженных россиян.

Я, разумеется, не стану приводить эти доказательства — честным людям они не нужны, для бесчестных — не убедительны.

Идиотизм — болезнь, которую нельзя излечить внушением. Для больного этой неизлечимой болезнью ясно: так как среди евреев оказалось семь с половиной большевиков, значит — во всем виноват еврейский народ...

А посему честный и здоровый русский человек снова начинает чувствовать тревогу и мучительный стыд за Русь, за русского головотяпа, который в трудный день жизни непременно ищет врага своего где-то вне себя, а не в бездне своей глупости»³².

Глупость явление интернациональное; разве что глупостью или, точнее, глупой наивностью можно объяснить надежды многих еврейских деятелей, что только изменение внешних государственных форм способно разрешить в России «еврейский вопрос». Русская революция принесла евреям декрет Временного правительства от 22 марта об уравниении в правах. Она же принесла позднее невиданную вспышку антисемитизма и неисчислимые бедствия, обрушившиеся на людей, не имевших, как правило, никакого отношения к политике.

7 января 1918 г. летописец русского еврейства Шимон Дубнов записывает: «...нам (евреям) не забудут участия евреев-революционеров в терроре большевиков. Сподвижники Ленина: Троцкие, Зиновьевы, Урицкие и др. заслонят его самого. Смольный называют втихомолку «Центрожид». Позднее об этом будут говорить громко, и юдофобия во всех слоях русского общества глубоко укоренится... Не простят. Почва для антисемитизма готова»³³.

Дубнов был неправ только в одном — почва для антисемитизма была готова гораздо раньше.

10 мая при известиях о погроме, учиненном в Новгород-Северском частями Красной Армии, он пишет: «Мы гибнем от большевиков и погибаем за них»³⁴.

7 июля 1918 года: «35 лет ежедневно проклинал царский деспотизм, теперь клянусь его изнанку: «диктатуру пролетариата»...»³⁵.

Круг замкнулся.

Неполноправное положение евреев в царской России неизбежно толкало определенную часть еврейства в ряды революционеров; революция, наряду с долгожданным равенством, столь же неизбежно должна была принести российскому еврейству неисчислимые бедствия. Это был тупик, из которого не нашлось «правильного» выхода. Его поиски были оплачены кровью сотен тысяч жертв. Похоже, искали то, чего не было.

---

¹ *Иловайский Д. И.* Мелкие сочинения, статьи и письма. 1857—1887 гг. М., 1888. С. 351—354. Русские революционеры Д. В. Каракозов, А. К. Соловьев и Н. И. Рысаков покушались на жизнь императора Александра II 4 апреля 1866-го, 2 апреля 1879-го и 1 марта 1881 г. соответственно.

² *Schapiro L.* The Role of the Jews in the Russian Revolutionary Movement // *The Slavonic and East European Review.*, December 1961. Vol. 15. № 94. P. 148.

³ *Naimark N.* Terrorism and the Fall of Imperial Russia // *Terrorism and Political Violence.* Summer 1990. Vol. 2. № 2. P. 174.

⁴ *Павлов Д. Б.* Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989. С. 197.

⁵ *Schapiro L.* Op. cit. P. 160.

⁶ *Ibid.*; См. также: Отечественная история: с древнейших времен до 1917 года / Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 480.

⁷ *Вампир:* Еженедельный художественно-сатирический журнал. СПб., 1906. № 2. С. 2.

⁸ *Гершензон М. О.* Творческое самосознание // *Вехи; Из глубины.* М., 1991. С. 90.

⁹ *Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет (1911—1928). Париж, 1991. С. 167.

¹⁰ Там же. С. 177.

¹¹ Там же. С. 128—129. Литературовед Илья Груздев рассказывал Роману Гулю о «Дневниках» Блока, над рукописями которых он работал в 1920-е гг. для их издания: «Нельзя полностью издать, ну никак нельзя, — ты себе не представляешь, какой там густословый антисемитизм» (*Гуль Р.* Я унес Россию. Нью-Йорк, 1981. Т. 1. С. 278).

¹² П. Н. Милюков метко назвал «асиметизм» Струве «эстетическим национализмом» (полемика между двумя лидерами русского либерализма происходила в 1909 г.); Милюков предостерегал Струве и его сторонников, что, встретившись с «проекцией своих слов в живой действительности», они «лучше научатся взвешивать свои слова и понимать их общественное значение»; «проекция» далеко превзошла самые худшие опасения Милюкова (см.: *Аврех А. Я.* Столыпин и Третья Дума. М., 1968. С. 40).

¹³ Цит. по: *Аврех А. Я.* Указ. соч. С. 41. «Речь» — центральный орган партии кадетов; «радикалами» член ее ЦК А. В. Тыркова называет своих товарищей по партии Н. А. Гредескула, Э. Д. Гримма, Д. Д. Протопопова, Ф. И. Родичева и Д. Д. Гримма.

¹⁴ *Маклаков В.* Спасительное предостережение: смысл дела Бейлиса // *Русская мысль*. 1913. Кн. 10; См. также: *Тагер А. С.* Царская Россия и дело Бейлиса. М., 1933; *Кацис Л.* «Дело Бейлиса» в контексте «Серебряного века» // *Вестн. Евр. ун-та в Москве*. 1993. № 4.

¹⁵ *Дубнов С. М.* Книга жизни. Рига, 1935. Т. 2. С. 227.

¹⁶ *Бердяев Н.* Смысл истории. М., 1990. С. 68—83. Бердяев, в частности, писал: «К. Маркс, который был очень типичным евреем, в поздний час истории добивается разрешения все той же библейской темы: в поте лица добывая хлеб свой. То же еврейское требование земного блаженства в социализме К. Маркса сказалось в новой форме и в совершенно другой исторической обстановке. Учение Маркса внешне порывает с религиозными традициями еврейства и восстает против всякой святости. Но мессианскую идею, которая была распространена на народ еврейский, как избранный народ Божий, К. Маркс переносит на класс, на пролетариат. И подобно тому как избранным народом был Израиль, теперь новым Израилем является рабочий класс, который есть избранный народ Божий, народ, призванный освободить и спасти мир» (Указ. соч. С. 70). В том же духе высказывался Георгий Федотов: «Воспитанное Библией и вековым притеснением острое чувство социальной справедливости, где современный социализм перекликается с древними пророками, создает вождей пролетариата, глашатаев социальной революции, деятелей Интернационала». Здесь же он не без иронии замечал: «Еврейская революционная интеллигенция подрывает тот самый капитализм, в котором так уютно чувствовала себя еврейская буржуазия» (*Федотов Г. П.* Новое на старую тему (К современной постановке еврейского вопроса) // *Тайна Израиля*. СПб., 1993. С. 452).

¹⁷ *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 1. С. 129—130.

¹⁸ *Винавер М. М.* Революционер и фольклорист (С. А. Ан-ский) // *Винавер М. М.* Недавнее (Воспоминания и характеристики). Изд. 2-е. Париж, 1926. С. 288—289.

¹⁹ *Грузенберг О. О.* Вчера: Воспоминания. Париж, 1938. С. 21.

²⁰ *Жаботинский В.* Еврейская революция // *Жаботинский Владимир* (Зеев). Избранное. Иерусалим; СПб., 1992. С. 187.

²¹ Государственное совещание: Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 184.

²² О попытке П. А. Столыпина отменить значительную часть ограничений прав евреев см. подробнее в кн.: «Убийство Столыпина: Свидетельства и документы». Рига, 1990. С. 54—65.

²³ *Карсавин Л. П.* Россия и евреи // *Тайна Израиля*. С. 415. Впервые опубликовано в парижском сборнике «Версты» (1928, № 3).

²⁴ Статья Н. В. Устрялова «Patriotica» из знаменитого сборника «Смена веков» (1921) цит. по кн.: «В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России». М., 1992. С. 253—254. Аналогичные мысли высказывал позднее известный еврейский литератор и общественный деятель Даниил Пасманик: «Еврей-революционеры не опирались на национально-еврейские силы, а являлись лишь экспонентами русской силы, толкователями и представителями ее... Они были не хозяевами, а прикащиками и коммивояжерами русской революции» (*Пасманик Д. С.* Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм). Париж, 1923. С. 150).

²⁵ *Дубнов С. М.* Указ. соч. С. 222.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ *Степун Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 53.

²⁹ Там же. С. 113.

³⁰ *Эйхенбаум Б. М.* Дневник 1917—1918 гг. // *De visu.* 1993. № 1. С. 11.

³¹ *Дубнов С. М.* Указ. соч. С. 236.

³² *Горький М.* Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 195—196.

³³ *Дубнов С. М.* Указ. соч. С. 247.

³⁴ Там же. С. 260.

³⁵ Там же. С. 263.

А. Зельцер (Иерусалим)

ПОГРОМ В БАЛТЕ

Балтский погром¹, происшедший в последние дни марта 1882 г., занимает особое место в истории антиеврейских беспорядков 1881—1882 гг. Эта вспышка была достаточно симптоматичной по своей жестокости и разрушительности, безразлично и прямому участию местных властей. С другой стороны, Балтский погром стал важным по своим последствиям событием для евреев России, заметно усилив эмиграционные настроения и вызвав многочисленные отклики в прессе, побудившие верховные органы к принятию срочных мер по пресечению растущего насилия в стране.

Рост антиеврейских беспорядков в стране

Антиеврейские беспорядки 80-х гг., возникшие первоначально весной 1881 г. в ряде крупных городов Юга страны (Елисаветграде, Одессе и Киеве) и переместившиеся впоследствии в мелкие города, местечки и деревни, ознаменовали собой новый этап во взаимоотношениях между еврейским и христианским населением. Вплоть до этого времени погромы были практически неизвестны в России. После разделов Польши еврейское население страны испытывало на себе различные законодательные ограничения — ограничение в праве повсеместного проживания, многочисленные выселения, рекрутчину, вмешательство во внутренние дела (ропуск кагала 1844 г., создание еврейских казенных училищ) и пр. Однако это была государственная политика, которая не несла отпечатка «дикого русского бунта». Погромы в Одессе (1821, 1859, 1871 гг.) и Аккермане (1862 г.) носили качественно иной характер. Вплоть до 15 апреля 1881 г., первого погрома в Елисаветграде, вероятность массового насилия на национальной почве была много ниже, чем традиционные крестьянские волнения против помещиков (впрочем, число последних также не было сколь-нибудь значительным до начала 80-х гг.).

Модернизация и индустриализация в России, особенно усилившиеся вследствие преобразований Александра II, углубили

социальные, политические, национальные противоречия. Усилилось брожение в кругах радикальной интеллигенции, вылившееся в убийство Александра II народолюбцами 1 марта 1881 г. Углубился раскол в русском обществе на консервативный (националистический) и либеральный лагеря. Это нашло отражение в прессе и еще больше способствовало дестабилизации обстановки. В газетах, близких к правительственным кругам, развернулась мощная антисемитская кампания, которая началась еще в конце 1870-х гг. Наиболее враждебными по отношению к евреям были «Новое время» в Петербурге, «Киевлянин» в Киеве, «Виленский вестник» в Вильно и «Новороссийский телеграф» в Одессе. С другой стороны, либеральная русская пресса, противостоявшая надвигавшейся в стране реакции («Голос», «Санкт-Петербургские ведомости» и др.), выступала против антиеврейских гонений, что составляло часть ее общей программы, направленной на поддержку продолжения и углубления реформ Александра II.

Все это сопровождалось глубоким экономическим кризисом. Возникновение крупных предприятий, появление железных дорог, улучшение товарообмена привели к заметному снижению конкурентоспособности отсталого мелкого ремесленного производства, что вело к разорению ремесленников и других слоев населения, связанных с этим производством. Кроме того, для начала 80-х гг. характерно массовое бегство разорившихся крестьян в города, вызванное неурожаем 1880 г. Все вместе это повлекло заметный рост цен (в Подольской губернии цены на хлеб поднялись с 92 коп. за пуд в 1879 г. до 1,32 руб. в 1881 г. и уступали росту цен лишь в Таврической губ.) и, как следствие, значительное обнищание населения (в том числе и еврейского). Появляется довольно большой слой населения, не имевший постоянного заработка, кочующий с места на место в поисках пропитания. Это вызвало скачок преступности в городах и местечках. Вот этот слой, прозванный современниками «босой командой», и составил базу погромного движения².

Вместе с тем антиеврейское законодательство создало у окружающего населения образ униженного еврея, даже более бесправного, чем крестьянство. Широкая открытая травля евреев, развернувшаяся в антисемитской прессе, еще более развращала население, провоцируя на безнаказанность антиеврейских выступлений.

Среди причин, вызвавших такой всплеск насилия в стране, израильский историк М. Аронсон выделяет в первую очередь

модернизацию и индустриализацию и в значительно меньшей степени традиционный антагонизм, существовавший между еврейским и христианским населением, — религиозный и экономический³.

Для вспышки антиеврейских беспорядков в условиях такой повышенной нестабильности зачастую достаточно было ни на чем не основанных слухов о «еврейском разгуле». Так, например, для погромной волны 1881 г. характерным поводом начала погромов был слух о том, что евреи-нигилисты убили Александра II и что есть приказание (указ) об избиении евреев, но власти скрывают этот факт от народа⁴.

Весной 1882 г. волна беспорядков на Юге и Юго-Западе страны, ослабевшая поздней осенью предыдущего года, стала вновь нарастать. Еврейская пресса, зачастую со ссылками на русские провинциальные и столичные издания, буквально переполнена сообщениями о столкновениях между христианским и еврейским населением. Число этих столкновений, их дерзость со стороны христиан возрастали по мере приближения к православной пасхе. Однако в большинстве случаев вмешательство полиции пресекало насилие и оно не успевало достигнуть большого размаха. Во многих населенных пунктах местные власти, поскольку, как правило, сил полиции было явно недостаточно, прибегали к помощи войск, а также окрестных крестьян и с их помощью усмиряли беспорядки. Причем часто усмирение заключалось просто в высылке погромщиков из одних районов, в которых происходили эксцессы, в другие, что приводило к перемещению уголовных элементов по всему краю⁵.

Власти пытались предотвратить повторение волны погромов весны — лета 1881 г. 8 сентября 1881 г. было опубликовано принятое Комитетом министров по инициативе министра внутренних дел Н. П. Игнатьева «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», сообщавшее о введении особого положения в случае «преступных посягательств против существующего государственного строя или безопасности частных лиц и их имуществ, или подготовлением таковых так, что для охранения порядка применение действующих постоянных законов окажется недостаточным». К «неблагополучным» были отнесены кроме Московской и Петербургской губерний также губернии Юга и Юго-Запада России, в том числе и Подольская⁶.

Накануне пасхи 1882 г. Игнатьев с одобрения царя разослал

генерал-губернаторам и губернаторам циркуляр, в котором указывал на необходимость предупреждения возможных беспорядков и в случае их возникновения требовал принять исключительные меры к их подавлению «для охранения общественного порядка и личной безопасности еврейского населения»⁷. В соответствии с этим циркуляром указывал на необходимость принятия «мер к предупреждению и прекращению противоеврейских беспорядков» и киевский генерал-губернатор Дрентельн (которому подчинялась и Подольская губ.), возложив полностью ответственность на губернаторов⁸.

В южных губерниях предпринимали меры и местные власти. В ряде мест были отданы распоряжения о закрытии питейных заведений на первые три дня праздников и об усилении состава полиции. В Конотоп (Черниговская губерния) из-за опасения повторения погрома, происшедшего в апреле 1881 г., были присланы две роты пехоты и два эскадрона драгун, снабжение квартирами которых приняла на себя местная еврейская община. В Одессе на пасху по городу разъезжал казачий патруль с целью предупредить возможные беспорядки⁹.

В результате многочисленные антиеврейские волнения накануне праздников, так же как и большинство беспорядков в последние дни марта и в начале апреля (Дубоссары Херсонской губ., Карповичи Черниговской губ., Меджибож, Летичев Подольской губ. и др.), были сравнительно быстро пресечены полицией и войсками и не достигли устрашающих размеров. И хотя материальный урон со стороны евреев был весьма значительным, было много избитых, были даже убийства, но практически везде местные власти, хотя и без энтузиазма, прикладывали усилия, чтобы сдерживать насилие. Печальное исключение составила Балта, в которой предпринятые меры по отмене традиционных пасхальных гуляний оказались явно недостаточными и лишь способствовали дестабилизации обстановки в городе¹⁰.

Балтский погром

Обстановка в Балте накануне православной пасхи была очень тревожной. Еще 15 марта полицмейстер вызвал к себе «именитых граждан г. Балты» и передал им сведения о полученных анонимных письмах, в которых говорилось о предстоящих беспорядках. Приглашенные евреи просили полицмейстера предпринять необходимые меры, предлагали, в частности, нанять за свой счет 30—40 городовых («будочников»). Однако получили от полицмей-

стера ответ, что такой способ ненадежен. Известие о погроме, происшедшем 21 марта в расположенном недалеко от Балты местечке Волигоцолово Ананьевского уезда Херсонской губернии, посеяло среди евреев города сильную панику. Полицмейстер вновь пригласил к себе евреев и предупредил, что положение опасно, сообщив, что принял меры. Однако евреи не успокоились. Они послали 22 марта в Петербург, в том числе на имя Гинцбурга и Полякова, телеграммы, в которых сообщали, что ожидаются, по отзывам самой же полиции, беспорядки, и спрашивали совета, что им делать, ходатайствовали о посылке войск в Балту¹¹.

Погром начался с довольно «банального» эпизода: 29 марта подростки стали кидать камни в дома евреев (по другой версии — попали камнем в лоб еврею). Евреи погнались за хулиганами. Те укрылись в здании пожарной охраны, расположенном на соборной площади города. Начали стекаться евреи и христиане, полетели комья земли и камни, началась драка. Так как евреев в городе было больше, чем христиан, численный их перевес был и на площади. Появились представители власти: исправник, полицмейстер, воинский начальник и воинская команда. Полиция и войска начали бить евреев прикладами и саблями. Это событие, а также разнесшийся слух о том, что евреи побили окна в соборе, сыграли свою роль. Начался погром.

Погромщики устремились в Турецкую часть города, отделенную рекой, где евреев было меньшинство, и там, постепенно нарастая, началось истребление всего еврейского имущества. На следующий день погром возобновился и распространился на центральную часть города, в которой жило основное еврейское население. Исправником к утру было вызвано около 500 крестьян из окрестных деревень, которым он объяснил, что их привлекают для пресечения беспорядков, но не сообщил каких, и те полагали, что вызваны властями для умирения евреев. Крестьяне присоединились к погромщикам. Погром продолжался до конца дня. 31 марта ночью приехал подольский губернатор Милорадович; вслед за ним прибыли войска. Губернатор предпринял решительные меры к пресечению насилия, запретил сборища на улицах и предупредил жителей, что в случае повторения беспорядков будет применена военная сила, а в случае необходимости войска прибегнут к оружию. Были расклеены печатные объявления по всему городу за подписью губернатора, в которых он приказывал всем сдать вещи, принадлежавшие евреям, в полицейский участок,

чтоб избежать ответственности по всей строгости законов. Беспорядки в самой Балте более не возобновлялись. В результате погрома было разорено 976 домов, 278 лавок и 31 винный погреб; сумма убытка достигла полутора миллионов рублей; 211 человек было ранено, в том числе 39 ранено тяжело; 12 человек было убито и умерло от последствий погрома; отмечено более 20 случаев изнасилований. Началось следствие. Более 50 человек было арестовано. Часть из них предстала перед подольским судом (15 июня), остальные за более тяжелые преступления — перед Киевским военно-окружным судом (30 июня). Они были осуждены на различные сроки, причем двое были приговорены к смертной казни через повешение и трое к каторжным работам на 15 лет¹².

Характерной чертой Балтского погрома была бездеятельность, а то и прямое содействие погромщикам со стороны местных властей. 29 марта власти скорее всего могли достаточно быстро пресечь погром. Однако этого не произошло. Более того, их действия вольно или невольно содействовали разрастанию беспорядков. Так, уже в первый день погрома войска не пропустили евреев через мост на Турецкую сторону, что позволило грабителям разгромить находящееся там имущество евреев; власти освободили под нажимом толпы арестованных в первый день погрома 24 христиан, в то время как задержанные евреи были под арестом вплоть до прибытия в город губернатора. В начале второго дня погрома, 30 марта, власти тоже еще могли предотвратить дальнейшее насилие — войска в какой-то мере пытались сдерживать беспорядки; местный батальон, патрулировавший город, оцепил толпу и продержал ее почти час, в течение которого протоиерей Радзионовский пытался уговорить погромщиков разойтись. Однако с появлением полицмейстера, воинского начальника и исправника цепь разомкнулась и чернь в сопровождении прибывших из деревень крестьян набросилась на спиртной склад, напилась и начала крушить и разбивать все на своем пути. Когда начался массовый разгул, приостановить разгром силами местной полиции и сравнительно небольшого гарнизона было уже не просто, тем более что в избиениях участвовали и сами солдаты. Впрочем, погромщики действовали группами в 10—15 человек, что давало властям возможность нейтрализовать эти мелкие банды, в составе которых было немало подростков 13—15 лет обоего пола. Однако эта возможность использована не была. Полицмейстер куда-то исчез, и все время погрома его никто не видел. Полиция и солдаты в значительной мере содействовали

хулиганам. Воинский же начальник Карпужин патрулировал в течение всего дня по городу в сопровождении солдат, которые, однако, погрому не противодействовали. По его приказу многие сопротивляющиеся грабителям евреи были арестованы. Основную же часть гарнизона он разместил на соборной площади для охраны собора, хотя никакой надобности в этом не было. На все попытки местной русской интеллигенции внушить властям, что следует остановить погром, звучал ответ администрации: «Это не ваше дело». Тот факт, что отдельным христианам удалось не только спасти имущество своих соседей-евреев, но уберечь иногда целые улицы, уговорив погромщиков не трогать их, также подтверждает, что власти не предпринимали с самого начала усилий пресечь беспорядки¹³.

Балтское руководство попыталось убедить губернское начальство, что беспорядки были организованы самими евреями. С этой целью полицмейстер телеграфировал подольскому губернатору Милорадовичу, что евреи взбунтовались и напали на собор.

Сценарий «еврейского бунта» должны были подтвердить аресты евреев. Скорее всего для этой же цели были расположены войска на соборной площади для защиты собора. Более того, предводитель дворянства Бялогородецкий в день приезда губернатора вызвал к себе балтского раввина Шапиро и сказал ему: «Передайте вашим евреям, чтоб они не марали начальство перед губернатором и не жаловались бы на христиан, иначе им будет еще хуже: до сих пор грабили их имущество, а то может дойти еще и до резни». Когда Милорадович вызвал к себе евреев, выяснилось, что губернатор прибыл в Балту не для умирения погромщиков, а для устранения еврейских беспорядков. И только заступничество протоиерея Радзионовского, опровергшего слухи о разгроме собора, некоторых представителей местной русской интеллигенции, а также печальные последствия разгрома заставили губернатора изменить точку зрения¹⁴.

Что касается самих погромщиков, то на основании газетных сообщений можно попытаться выделить следующую мотивацию их поступков. Так, в целом серьезным поводом к возникновению погромов 1881—1882 гг. были религиозные мотивы. Это характерно и для Балтских событий. Основным поводом для начала беспорядков послужил слух о посягательстве евреев на христианскую святыню — городской собор. На присутствие религиозных мотивов также указывает осквернение семи городских синагог и молелен, а также случай уничтожения найденного в

частном доме свитка Торы. Об этом же свидетельствует обίδα христиан на запрещение полицмейстером народных праздничных гуляний на соборной площади, в чем они усматривали руку евреев («Участники беспорядков, разбивая имущество евреев, часто, говорят, причитали: «Мы не присягали жидам; через них у нас нет музыки, качелей»). Достаточно выраженными в Балте были и экономические мотивы: очень тщательное, зачастую многократное разорение еврейских домов и лавок, в том числе уничтожение продуктов питания, материи и пр., а также многочисленные случаи грабежей, присвоения еврейского имущества и денег (из деревень 31 марта с целью грабежа прибыли женщины, старики, дети). Вместе с тем во время погрома звучал и совсем новый мотив — призыв евреям убраться в Америку. Кроме того, среди погромщиков бытовало мнение, что часть населения, выступавшая в защиту евреев, в том числе и духовенство, подкуплена евреями¹⁵. Здесь скорее всего можно уже видеть влияние юдофобской прессы.

Какова была реакция самих евреев Балты, жертв погрома? Как было показано выше, они пытались предотвратить погром, воздействуя как на полицмейстера, так и на высшие органы власти, но безрезультатно. Когда погром разразился, евреи начали изыскивать способы индивидуальной и групповой защиты (договор между несколькими соседями). Здесь и оборона своего имущества, и защита своей семьи, но это чаще всего заканчивалось жестоким избиением евреев и их арестом. Вместе с тем состоятельные евреи старались купить себе безопасность и сохранность своего имущества у полицейских и военных чинов или просто откупиться от банд грабителей, которые расхаживали по городу. Однако большинство спасалось бегством, особенно когда стало ясно, что защитить свое имущество не представляется возможным из-за поддержки погрома властями¹⁶.

Погромная атмосфера полностью не развеялась и с приездом губернатора. Волна беспорядков, как это характерно в целом для погромов 1881—1882 гг., переместилась в уезд, где крестьяне громили еврейские колонии, уничтожали имущество, птицу и скот, пока не были усмирены войсками. Да и в самой Балте положение было далеко не стабильным. Все время циркулировали слухи о новых беспорядках, которые вот-вот должны были начаться в Балте. Эти слухи активно подогревались угрозами со стороны христианского населения устроить в городе резню. Тем более, что многие из арестованных были временно осво-

бождены — взяты на поруки местным христианским населением. Паника еще более усилилась вследствие пожара, возникшего в городе 12 апреля и охватившего уцелевшие еврейские дома¹⁷.

О страхе евреев Балты перед возможным повторным погромом свидетельствует также ходатайство раввина города Шапино перед киевским генерал-губернатором Дрентельном о помиловании двух главных виновников Балтского погрома, приговоренных к смертной казни¹⁸.

Экономическое положение в городе было крайне тяжелым. Основанный 5 апреля 1882 г. Комитет по оказанию помощи погромленным мог только в самой незначительной степени оказать содействие и функционировал только благодаря помощи, полученной от жертвователей по всей стране. (Был организован сбор средств через все еврейские печатные органы и другие каналы.) Торговая жизнь в городе была практически полностью парализована.

Разгром еврейского имущества привел к полному разорению большого числа жителей Балты. Кроме того, неизбежность постоянных столкновений с погромщиками в условиях сравнительно небольшого города должна была, по-видимому, усиливать напряженность. Многие евреи покидали Балту, переселялись на новые места. Причем явное предпочтение отдавалось большим городам, в которых было больше надежды найти себе заработок и активность властей по предотвращению беспорядков, судя по сообщениям в прессе, была гораздо выше (Одесса, Елисаветград и др.).

На март — апрель 1882 г. приходится пик эмиграционных настроений. Во многих городах, в том числе и в самой Балте, возникли кружки по поощрению эмиграции. Балтский погром и другие более мелкие антиеврейские выступления, показавшие, что на защиту властей рассчитывать не приходится (не помогали зачастую даже деньги), еще более усилили эмиграцию. Свидетель Балтского погрома, указывающий на нежелание властей, как в Петербурге, так и на местах, наказать виновных в погроме по всей строгости и защитить евреев, подчеркивает невозможность жить в создавшихся условиях и выход видит только в эмиграции. Он прямо призывает: «Встань, мой народ, и уйдем в один день отсюда и поищем убежище в далеких краях». Заметную долю среди эмигрантов, направлявшихся в большинстве своем в Соединенные Штаты Америки, составляли образованные слои еврейского населения. Так, среди покинувших Балту упомянуты

учитель и провизор. Среди оставивших Екатеринослав отмечалось много гимназистов и учеников реальных училищ. Балтские события заметно повлияли на размеры эмиграции. Так, в середине апреля из Каменец-Подольска за одну неделю отправилось за рубеж более 50 семейств, причем отмечалось, что число эмигрантов нарастало по мере прибывания беженцев из Балты, сообщавших подробности погрома. Подобное явление наблюдалось и в Елисаветграде¹⁹.

Балтский погром и власти

Начало погромов 1881 г. совпало с серьезными перестановками в высших эшелонах власти в России, в том числе и в Министерстве внутренних дел. На должность министра внутренних дел был назначен граф Н. П. Игнатьев, в прошлом дипломат, посол России в Константинополе, известный своей ролью в подготовке Сан-Стефанского договора, заключенного в 1878 г. По возвращении в том же 1878 г. в Россию Игнатьев сблизился с московскими панславистами круга Аксакова. В то же время он находился под сильным влиянием обер-прокурора Святейшего Синода Победоносцева, благодаря которому скорее всего и был назначен на пост министра, несмотря на отсутствие необходимого опыта управления. Принадлежность Игнатьева к панславистским кругам, одной из характерных черт которых был агрессивный антисемитизм, а также столь присущая Игнатьеву склонность к лжи, лицемерию и интригам, которую отмечали современники, сказались и на его политике в отношении евреев²⁰.

В его программе, составленной еще в середине марта 1881 г., отмечалось, что в «Петербурге существует могущественная польско-жидовская группа, в руках которой непосредственно находятся банки, биржа, адвокатура, большая часть печати и другие общественные дела. Многие законными и незаконными путями и средствами они имеют громадное влияние на чиновничество и вообще на весь ход дела»²¹. Тех же поляков и евреев склонен он был рассматривать и как почву для тайной организации нигилистов²².

Этот взгляд на евреев как на вредный для России элемент характерен для Игнатьева на протяжении всего периода пребывания его во главе Министерства внутренних дел. В резких комментариях к прошению барона Гинзбурга о непоправимых последствиях выселения евреев из деревень, поданному 22 марта 1882 г. на имя царя, и в своей записке к царю в связи с этим

вопросом Игнатъев использует весь набор современной для того времени антисемитской терминологии. Он утверждает, что «в бедственном положении, если и признать его действительно существующим, — виноваты сами евреи, возбудившие своими незаконными действиями и экономическим гнетом на христиан общую ненависть населения». Начиная с конца августа 1881 г. этот тезис становится основной версией происхождения антиеврейских беспорядков (до этого времени погромы связывались с агитацией революционеров). Другую причину погромов Игнатъев, как и некоторые другие высокопоставленные чиновники, например Дрентельн, видел в возбуждении антагонизма самими евреями, «так как замечено, что и до погрома, и после прибытия войск они своим вызывающим образом действия усиливают существующую вражду. Если администрация стала строго относиться к евреям, то потому, что во многих случаях погромы вызваны их нахальством»²³.

Правомочность ограничений евреев в правах проживания Игнатъев объяснял сложностью отношений между «евреями-талмудистами», особенностью которых являлось внутреннее кагальное устройство, и «производительным населением», а также особо высокой уголовной преступностью, характерной для еврейского населения. Более того, в самом ходатайстве барона Гинзбурга, бывшего в Петербурге, по мнению Игнатъева, «представителем всемирного еврейского союза (Alliance israelite)», в его стремлении противодействовать новым антиеврейским гонениям он видел точку зрения и стремления «всемирного кагала»²⁴.

Тем не менее, оказавшись на посту министра внутренних дел, Игнатъев должен был предпринять меры к пресечению антиеврейских беспорядков и наведению порядка в стране. Уже в циркуляре, опубликованном 6 мая 1881 г., в котором Игнатъев изложил свою программу, он отмечал по поводу еврейских погромов, что «подобные нарушения порядка должны быть не только преследуемы, но и заботливо предупреждаемы, ибо первый долг правительства охранять безопасность населения от всякого насилия и дикого самоуправства»²⁵. Стремлением к пресечению антиеврейских беспорядков объясняется скорее всего и принятие в сентябре 1881 г. «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Рост антиеврейских выступлений весной 1882 г. вновь побудил Игнатъева к изданию циркуляра о принятии губернаторами превентивных мер к недопущению насилия над евреями.

Эта двойственность в политике Игнатьева по отношению к евреям как к внешней злой силе, нещадно эксплуатировавшей христианское население, проповедовавшей (совместно с поляками) «слепое подражание Европе»²⁶, чуждое русскому народному сознанию, и в то же время принятие им, как главой Министерства внутренних дел, мер по пресечению открытого насилия толпы над евреями нашли отражение в полной мере и в отношении властей различного уровня к балтским событиям.

Уже 30 марта Игнатьев сообщил царю о происшедших в Балте беспорядках, направленных против евреев, и о выезде на место губернатора. На докладе Александр III отметил, что это весьма печально. Однако первое, очень сжатое, официальное сообщение о погроме появилось в «Правительственном вестнике» только 2 апреля²⁷. Того же 2 апреля Петербургский телеграф принял телеграмму из Балты с сообщением корреспондента газеты «Голос» о происшедшем в городе еврейском погроме. Телеграмма была разрешена для передачи подольским губернатором Милорадовичем. В телеграмме говорилось:

«Специально обозрел Балту после погрома. Все магазины, лавки, числом более 300, разбиты. Множество товаров уничтожено, унесено; из всех еврейских домов не осталось 30-ти целых; ни платья, ни мебели, ни постели, ни посуды, ни утвари, ни окон, ни дверей нет у евреев; вино, водка почти из всех еврейских складов выпущены; все улицы покрыты перьями; около ста человек евреев избиты; немало избитых христиан; один еврей умер; вчера богачи, сегодня нуждаются в необходимом; нужда в хлебе отчасти удовлетворяется пожертвованиями; хлеб привозится из Одессы; войска прибыли 31/3; прибывший 31/3 губернатор принимает меры [к] успокоению. Им высланы войска в окрестности, где спокойствие восстанавливается».

Начальник телеграфа счел нужным переадресовать ее министру внутренних дел графу Игнатьеву²⁸. Игнатьев придерживался точки зрения, что основной функцией прессы должно быть успокоение общества, что пресса должна сообщать только ту информацию, которую будет предлагать ей Министерство внутренних дел. Причем эти взгляды основывались на утверждении, что пресса зачастую, ориентируясь на слухи, передает недостоверную информацию. Неудивительно поэтому, что доставленная телеграмма вызвала сильное неудовольствие министра, о чем свидетельствует отправленное им (5 апреля) на имя Милорадовича письмо, в котором он указывал губернатору, находившемуся

непосредственно в самой Балте, на недостоверность (преувеличенность) сведений, «оглашение которых совершенно напрасно послужило бы к возбуждению общественного мнения», и сообщал, что не считает нужным передать телеграмму по назначению²⁹.

В то же время в своем очередном докладе Александру III 3 апреля Игнатъев, отметив, что со 2-го числа порядок восстановлен, торговля возобновляется, дома и лавки приводятся в порядок, арестованные переданы в распоряжение судебной власти, указал также на то, что повреждены были почти все еврейские дома и лавки, истреблено значительное количество имущества и товаров, а также много избитых евреев и христиан, то есть именно те факты, на которые он в письме к Милорадовичу указывал как на недостоверную информацию³⁰. Подольский губернатор Милорадович предпринял достаточно жесткие меры, направленные на прекращение насилия, защиту еврейского населения и наказание виновных³¹.

Более того, как мы видели выше, Милорадович разрешил передачу по телеграфу телеграммы для «Голоса», сообщающей о размахе погрома. Однако отношение губернатора к балтским событиям довольно быстро меняется, что следует связать, по-видимому, с полученным письмом от Игнатъева. Письмо отправлено 5 апреля, а сразу же после отъезда губернатора из Балты (8 апреля) городской голова пригласил всех видных евреев города и сообщил им, что губернатор полагает, что среди причин, вызвавших беспорядки, нельзя не видеть и того, что евреи собираются кучками, нападают на христианское население, срывают платки и т. д. Такое поведение раздражительно действует на страсти толпы и может повлечь за собой дурные последствия. И далее последовало предложение губернатора, что евреи вследствие указанного выше берутся увещевать своих единоверцев не собираться толпами, не задевать христиан и вообще избегать всего того, что может так или иначе оскорбить последних. Евреи приняли предложение губернатора и обещали приложить все старания к тому, чтобы устранить все возможные недоразумения. Со своей стороны христиане — гласные городской думы обязались, не принимая без полиции каких-нибудь мер, увещевать и нравственно влиять на своих единоверцев. Таким образом, губернатором была выдвинута версия, что беспорядки были спровоцированы самими евреями. Той же версии придерживался и начальник каменец-подольского жандармского управления (см.

Приложение). Но в его версии добавился еще один пункт — евреям свойственно всегда преувеличивать свои страдания, что вполне согласовывалось с упомянутым письмом Игнатьева Милорадовичу, а также с распространенным в среде высших государственных чиновников мнением, сторонником которого был также и киевский генерал-губернатор Дрентельн. Дрентельн, посетив в августе того же года Балту, указал евреям, что в погроме те виноваты сами, поскольку раздражали местное христианское население³².

Дрентельн в конфиденциальном письме к Игнатьеву, отправленном уже 5 апреля, указывал, что, «как бы административная власть ни напрягала усилия к предупреждению или подавлению вспыхнувшего уже волнения, какие бы резкие меры в одной местности она ни принимала, ничто не может гарантировать правительству, что беспорядки тотчас же не возобновятся или не проявятся в другой местности», примером чему, по его мнению, и были события в Балте, и выдвигал поэтому свою точку зрения о нецелесообразности распыления крупных военных сил для посылки их по малым населенным пунктам³³. Игнатьев, так же как и Дрентельн, возможно, на основании его рапортов, утверждал, что невозможно каждого предупреждающего еврея оградить конвоем³⁴, из чего и делался вывод о необходимости законодательного разрешения проблемы путем дальнейших ограничений в отношении евреев.

Однако сведения о размерах Балтского погрома, по-видимому, были неожиданны для Игнатьева и беспокоили его. Об этом свидетельствует, кроме уже упомянутого письма, также запрос директора Департамента полиции Плеве начальнику подольского жандармского управления, в котором он просит сообщить ему, в какой степени сведения о погроме, напечатанные 11 апреля в «Голосе», соответствуют действительности. Особенно волновал вопрос о случаях изнасилования девушек и женщин, являющихся злостными уголовными преступлениями и имевших заметный общественный резонанс. Запрос киевскому генерал-губернатору посылает и сам Игнатьев, причем просит известить его о принятых мерах «для взыскания с виновных».

Участие местных властей в балтских беспорядках было настолько явно представлено в прессе и общественная реакция в этой связи была столь значительна, что властям пришлось произвести некоторые кадровые перестановки — заменен был полицмейстер, переведен в другой уезд «по собственному желанию»

исправник³⁵. Происшедшие в Балте беспорядки, намного превзошедшие по размаху все погромы предыдущего года, свидетельствовали о неэффективности проводимых министром мероприятий по пресечению насилия в стране.

Предельно резкий тон Игнатъева в связи с прошением барона Гинзбурга, использование всего лексикона националистической антисемитской прессы, вплоть до «всемирного кагала», свидетельствуют, сколь остро в это время Игнатъев реагировал на проявление иной позиции, что могло помешать проведению антиеврейского законодательства.

Ведь работа Комитета о евреях под руководством Д. Готовцева завершилась, были выработаны антиеврейские меры, измененные и дополненные впоследствии самим Игнатъевым. Уже 3 марта предложения были представлены в Комитет министров и направлены для ознакомления и заключения ряду министров.

Отношение министров к проводимой Игнатъевым антиеврейской политике было неоднозначно. Несмотря на то, что министры, как правило, видели в евреях группу, вредную для окружающих христиан как в нравственном, так и в экономическом отношении, часть из них высказала отрицательное отношение к предложенным Игнатъевым «Временным правилам о евреях». Причем отвергли их не только относительно либеральные министр финансов Н. Х. Бунге, которого волновали кредиты России на Западе, или министр юстиции Д. Н. Набоков, считавший, что подобные меры должны проходить только законным порядком, то есть явиться предметом обсуждения Государственным советом, но даже известный антисемит министр государственных имуществ М. Н. Островский, указавший, что подобные меры должны проводиться с меньшим насилием и «с возможным ограничением страданий десятков тысяч душ, хотя бы и еврейских»³⁶.

Игнатъев, безусловно, знал об отрицательном отношении в высших органах власти к антиеврейскому законодательству, подтверждением чему является вынесение нового закона на обсуждение не в Государственный совет, как это было принято обычно, а в более узкий Кабинет министров. Да и сам Александр III был противником беспорядков. Гораздо позже, уже в 1891 г., он заявил варшавскому генерал-губернатору И. В. Гурко: «В глубине души я ужасно рад, когда бьют евреев, и все-таки не надо допускать этого». Об этом же свидетельствуют отклики императора на

антиеврейские беспорядки начала 80-х гг. По докладу министра юстиции Набокова 7 апреля 1882 г. он распорядился, чтобы все дела о беспорядках, сопровождающихся насилиями над еврейским населением, во всех судебных заведениях производились безотлагательно, вне установленной очереди³⁷.

Выражал явное недовольство погромами и взрывом насилия со стороны народа и К. П. Победоносцев. Поддерживая дальнейшее ограничительное законодательство в отношении евреев, содействуя ослаблению их влияния во всех сферах жизни, Победоносцев тем не менее в 1882 г. осуждал Игнатьева за допущение демагогии, стимулировавшей насилие и демонстрации против евреев. Победоносцев также был очень недоволен той ролью, которая ему отводилась в связи с антиеврейскими беспорядками в западной прессе³⁸.

Вопрос о Балтском погроме встал и на заседании Комитета министров 20 апреля 1882 г., когда обсуждались новые ограничения против евреев. Особенно резко высказался против политики министра внутренних дел государственный контролер Д. М. Сольский: «Евреи такие же русские подданные, как все остальные, и власти правительственные обязаны охранять их от преступных посягательств на их жизнь и собственность». Он отметил, что некоторые органы печати травят евреев, следствием чего и стали еврейские погромы на Юге страны, и что все это совершается если не с разрешения, то по крайней мере с ведома правительства, так как Министерство внутренних дел остается сторонним наблюдателем этих беспорядков. Он указал, что не было ни одного предостережения газете «Новое время» и ряду журналов за возбуждающие статьи против евреев, не было и никаких взысканий с полицейских чинов, допускающих еврейские погромы, примером чему явился погром, описание которого было опубликовано в «Голосе» (очевидно, что речь идет о погроме в Балте). В конце Сольский добавил, что нужно наказать виновных и объявить во всеобщее сведение, что правительство не будет терпеть подобных беззаконий³⁹.

Предложенные Игнатьевым ограничительные меры против евреев были приняты на этом заседании, хотя и в значительно смягченном виде (вместо поголовного изгнания евреев из деревень было решено воспретить евреям впредь селиться в сельской местности, были отклонены попытки ограничить в проживании евреев-ремесленников, запретить евреям заниматься питейной

торговлей), и утверждены 3 мая 1822 г. Александром III. То есть, по сути, он достиг того, чего добивался. Вместе с тем следует отметить, что высказанное на заседании недовольство бездействием властей, подчиненных министру внутренних дел, имело немаловажное значение для дальнейшей судьбы евреев России.

3 мая 1882 г. вместе с принятием «Временных правил», было утверждено царем положение Комитета министров, в котором указывалось, что «правительство твердо решилось неуклонно преследовать всякие насилия над личностью и имуществом евреев, как находящихся под охраной общих для всего населения законов наравне с другими подданными Его Величества». И далее говорилось об ответственности губернского начальства за непринятие своевременных предупредительных мер, чтоб предотвратить «подобные беспорядки» и устранить их в самом начале⁴⁰.

Недовольство Игнатьевым нарастало. Несомненно, Балтский погром в значительной мере содействовал этому. Уже на упомянутом заседании Комитета министров министр финансов указывал на тот резонанс, который антиеврейские беспорядки и бездействие властей имели на Западе. Он подчеркивал, что принятыми в последнее время антиеврейскими мерами кредит России уже подорван и что Ротшильды объявили во всеуслышание, что они не покупают больше русских государственных бумаг. Это заявление Ротшильдов имело заметный отклик на европейских биржах, и «последствием их был необыкновенный упадок как бумаг наших, так и самого курса». Министр финансов также отметил, что «несравненно более грустных последствий следует ожидать от утверждения проектированных по отношению к многомиллионному еврейскому населению крайне стеснительных правил, при содействии которых евреям остается только одно — выселиться из России... Нельзя, однако, не предвидеть от выселения евреев чрезвычайных замешательств в экономическом нашем быту». Председатель Комитета министров М. Х. Рейтерн, резюмируя, указал: «Сегодня травят и грабят евреев. Завтра перейдут к так называемым кулакам, которые нравственно суть те же евреи, только христианского православного вероисповедания,— потом очередь дойдет до купцов и помещиков. Одним словом, при подобном бездействии властей можно ожидать в недалеком будущем развития самого ужасного социализма». Е. А. Перетц отмечает в своем дневнике, что Игнатьев смолчал. А ведь даже косвенное содействие «социализму» было величайшим

грехом в глазах царя, панически боявшегося, особенно в первый период своего царствования, революционеров⁴¹.

К середине мая заметное недовольство Игнатьевым высказывал уже Александр III, полагавший, что тот не может далее находиться на посту министра внутренних дел. Проект подготовки славянофильского земского собора, предложенный Игнатьевым весной 1882 г., его отказ от дальнейших репрессий для наведения порядка в стране с целью поддержания идеи собора, окончательно подорвали его позиции. Победоносцев усмотрел в соборе конституционную опасность и содействовал отставке Игнатьева. 30 мая Игнатьеву было объявлено об отставке. На его место был назначен граф Д. А. Толстой. Несмотря на то, что Толстой был по своим взглядам крайним реакционером, что и привело его в кресло министра внутренних дел, он, по свидетельству Бунге, относился к евреям не столь враждебно⁴².

Последствия этого не преминули сказаться. 9 июня был подписан циркуляр нового министра о привлечении к ответственности всех административных лиц, не принявших должных мер для пресечения антиеврейских беспорядков. Более того, Толстой предпринял усилия, чтоб сдержать массовую эмиграцию евреев, о чем свидетельствует разосланный в июне 1882 г. циркуляр, предназначенный для губернского начальства (см. Приложение). По-видимому, это было связано с попытками повысить международный престиж России, а также диктовалось соображениями экономического порядка.

Несмотря на то, что в первые месяцы нахождения на министерском посту Толстого происходят отдельные эксцессы (например, в местечке Окна того же Балтского уезда 14 июня 1882 г.), предпринятые им решительные меры постепенно приводят к свертыванию антиеврейских беспорядков. Для евреев России наступает новый период, который Дубнов охарактеризовал как «легальный погром».

Имеющиеся данные о погроме в Балте позволяют предположить, что погром вспыхнул стихийно на волне того насилия, которое буквально заполонило Юг и Юго-Запад страны в 1881 г. и в значительно меньших масштабах в предпасхальные дни 1882 г., но благодаря бездействию местных властей принял устрашающие размеры.

Получив, несмотря на цензуру, достаточно подробное освещение в прессе, балтские события привлекли к себе широкое общественное внимание в России и за рубежом, вызвали в правящих кругах заметное недовольство политикой министра внутренних дел Игнатьева и в значительной степени подвинули правительство к принятию срочных, более жестких мер к прекращению насилия в стране. И хотя антиеврейские беспорядки и не сыграли своей решающей роли в отставке министра, но в значительной мере выявили его неспособность наведения «порядка» в стране, что было основополагающей идеей в годы царствования Александра III.

События в Балте привлекли к себе внимание широкой общественности за рубежом, подтвердив, что, несмотря на все предшествующие протесты на Западе, в России по-прежнему не приняты решительные меры для пресечения преследования евреев и задача спасения русских евреев остается по-прежнему актуальной.

Погром в Балте заметно усилил эмиграционные настроения в среде русских евреев, продемонстрировав, что нет не только надежды на стабильность и улучшение правовых и экономических условий, но и, как показали принятые почти сразу после погрома «Временные правила», нет даже гарантии со стороны властей на сохранность их имущества и личной безопасности евреев.

Балтские события подтолкнули национально настроенные круги евреев в России к осознанию необходимости объединения. По их мнению, потери евреев в Балте стали следствием разобщенности, когда каждый еврей защищал только себя и свое имущество. Усиливалось понимание того, что только коллективная защита способна оградить евреев от насилия⁴³.

---

¹ Балта в начале 80-х гг. представляла уездный город со значительным еврейским населением. По данным балтского раввина Шапира, накануне погрома в городе проживало более 20 тыс. евреев, что составляло приблизительно 75% всего населения. Еврейских домов в городе было около 1000, около 300 лавок и винных погребов.

Особое влияние на развитие города оказало проведение в 1866 г. Одесско-Киевской железной дороги, с которой Балта соединена отдельной веткой.

² Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Т. 2. Восьмидесятые годы (15 апреля 1881 г.— 29 февраля 1882 г.). Пг.; М., 1923. С. XIV—XVI.

³ *Aronson M.* The anti-Jewish pogroms in Russia in 1881 // *Pogroms: anti-Jewish violence in Modern Russian history.* Cambridge, 1992. P. 46—47.

⁴ Еврейская энциклопедия. СПб., Т. 12. С. 614.

⁵ *Aronson M.* Op. cit. P. 52—53; Недельная хроника Восхода (далее — НХВ). 1882. № 14. С. 340, 366.

⁶ *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов. М., 1964. С. 402, 408.

⁷ Там же. С. 409; *Кантор Р.* Александр III о еврейских погромах 1881—1883 гг. (Новые материалы) // Еврейская летопись. Пр.; М., [1923]. Т. 1. С. 155.

⁸ Дрентельн сообщал об этом в конфиденциальном письме Игнатьеву 5 апреля, то есть уже после погрома в Балте, однако, судя по мерам, принятым Дрентельном во время погромов 1881 г. (*Aronson M.* Troubled waters: The Origins of the 1881 Anti-Jewish Pogroms in Russia. Pittsburgh, 1990. P. 155—157), нет оснований ему не верить (Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ), ф. 730, оп. 1, д. 1620, л. 1. Копия — Центральный исторический архив еврейского народа в Иерусалиме. NMF 159).

⁹ НХВ. 1882. № 14. С. 340; № 15. С. 377; Русский еврей. 1882. № 14. С. 512.

¹⁰ НХВ. 1882. № 14. С. 373; № 16. С. 414; № 17. С. 442.

¹¹ Русский еврей. 1882. № 14. С. 509; № 16. С. 586; НХВ. 1882. № 15. С. 374—375; Рассвет. 1882. № 13. С. 485. Во время погрома в Волигоцолово были разграблены еврейские лавки и подвалы, подожжен товар, выпито и разлито все спиртное. Было разорено 80 еврейских домов, 30 лавок и четыре погреба. Порядок был восстановлен полицией, погромщики арестованы (37 человек были задержаны и отправлены в Ананьев), из Одессы было прислано 50 донских казаков, частично размещенных в самом местечке, частично оставленных в уездном Ананьеве (Русский еврей. 1882. № 14. С. 507; № 17. С. 597).

¹² НХВ. 1882. № 18. С. 469—471; Русский еврей. 1882. № 19; *Дубнов С.* Антиеврейское движение 1881—1882 гг. // Еврейская старина. 1909. Т. 1. С. 93—97. Особенно сильную реакцию в обществе вызвал случай изнасилования дочери и матери. Об этом даже делал запрос директор Департамента полиции Плеве (см. Приложение). Когда мать юкнулась на улицу, чтоб позвать на помощь городского для спасения семнадцатилетней дочери, тот зашел вместе с ней в дом и там же ее изнасиловал (НХВ. 1882. № 18. С. 471).

¹³ Русский еврей. 1882. № 16. С. 587—588; *Kol miBalta* // *Heavar. X* (1963/5723) (далее — *Kol miBalta*). P. 92; НХВ. 1882. № 18. С. 470, 472; *Дубнов С.* Указ. соч. С. 95.

¹⁴ НХВ. 1882. С. 441; *Дубнов С.* Указ. соч. С. 95.

¹⁵ Русский еврей. 1882. № 16. С. 588—589; № 19. С. 707; НХВ. 1882. № 18. С. 472.

¹⁶ Русский еврей. 1882. № 16. С. 584; № 19. С. 707; *Kol miBalta*. P. 94—95.

¹⁷ Рассвет. 1882. № 17. С. 633; № 19. С. 701.

¹⁸ НХВ. 1882. № 18. С. 470—472. Следует отметить, что Дрентельн, помиловавший погромщиков, обвинил балтских евреев в лицемерии и указал им, что преступники помилованы не из-за прошения евреев (Рассвет. 1882. № 28. С. 1298).

¹⁹ НХВ. 1882. № 18. С. 677—678; *Kol miBalta*. P. 100.

²⁰ *Зайончковский П. А.* Попытка созыва земского собора и падение министерства Н. П. Игнатъева // *История СССР*. 1960. № 5. С. 126, 127.

²¹ Там же. С. 127.

²² *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия... С. 380.

²³ Всеподданнейшая записка барона Г. О. Гинцбурга от 22 марта 1882 г. с замечаниями министра внутренних дел графа Н. П. Игнатъева. Замечания Н. П. Игнатъева к записке // *Источник*. 1993. № 3. С. 57; *Aronson M.* Troubled waters... P. 169.

²⁴ Всеподданнейшая записка барона Г. О. Гинцбурга... С. 56—57; Всеподданнейшая записка министра внутренних дел графа Н. П. Игнатъева // *Источник*. 1993. № 3. С. 60—61.

²⁵ *Дубнов С.* История евреев Европы в годы антисемитской реакции. Пг.; М., 1923. С. 20; *Aronson M.* Troubled waters... P. 164.

²⁶ *Зайончковский П. А.* Попытка созыва земского собора... С. 126—127.

²⁷ *Кантор Р.* Указ. соч. С. 155; *НХВ*. 1882. № 14. С. 340.

²⁸ ГАРФ, фонд Департамента полиции, ф. 102, оп. 275, д. 230, л. 2. (Копия — Центральный исторический архив еврейского народа в Иерусалиме. NMF 43.)

²⁹ *Aronson M.* Troubled waters... P. 141. Текст письма Игнатъева Милорадовичу приведен в Приложении.

³⁰ *Кантор Р.* Указ. соч. С. 155.

³¹ *Kol miBaita*. P. 96.

³² *НХВ*. 1882. № 18. С. 469—470; *Aronson M.* Troubled waters... P. 138; *Еврейская энциклопедия*. СПб., Т. 3. С. 723; *Рассвет*. 1882. № 34. С. 1297—1298.

³³ ГАРФ, ф. 1, оп. 1, д. 1620, л. 3. (Копия — Центральный исторический архив еврейского народа в Иерусалиме. NMF 159.)

³⁴ Всеподданнейшая записка барона Г. О. Гинцбурга... С. 56.

³⁵ См. письмо начальника подольского жандармского управления в Департамент полиции (Приложение), а также: *Рассвет*. 1882. № 23. С. 868.

³⁶ *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия... С. 381, 415—416.

³⁷ Там же. С. 419; *НХВ*. 1882. № 16. С. 418.

³⁸ *Byrnes R. F.* Pobedonostsev. His Life and Thought. Bloomington, 1968. P. 207—208; *Aronson M.* Troubled waters... P. 168.

³⁹ *Перетц Е. А.* Дневник (1880—1883). М.; Л., 1927. С. 131—132.

⁴⁰ Определения Правительствующего Сената от 10 мая 1882 г. «О преследовании всяких насилий над личностью и имуществом евреев» и «О подтверждении губернским начальством о своевременном принятии мер для предотвращения беспорядков против еврейского населения» // *НХВ*. 1882. № 20. С. 535.

⁴¹ *Перетц Е. А.* Указ. соч. С. 130—131, 133; *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия... С. 417.

⁴² Победоносцев и его корреспонденты. М.; Пг., 1923. Т. 1. Ч. 1. С. 241; *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 131.

⁴³ *Рассвет*. 1882. № 16. С. 579.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГАРФ, ф. 102, оп. 275, д. 230. Делопроизводство чиновника особых поручений о еврейских беспорядках в Балте. (Копия находится в Центральном историческом архиве еврейского народа в Иерусалиме. NMF 43.)

Л. 4. Письмо министра внутренних дел графа Игнатьева 5 апреля 1882 г. подольскому губернатору Л. А. Милорадовичу.

М. Г. Леонид Александрович.

2-го апреля корреспондентом Городецким из Балты была подана телеграмма в редакцию «Голоса» за № 285 с описанием последствий бывших в означенном городе еврейских беспорядков, что таковая пропущена Вашим правом.

Не признав возможным разрешить доставление этой телеграммы по назначению, так как описанные корреспондентом факты, по-видимому, преувеличены и не согласуются с поступающими по этому же предмету официальными донесениями, я (*нрзб*) долгом считаю Вас уведомить о сем Ваше превосходительство покорнейше на будущее время относиться более строго сим образом по пропуску телеграмм с такими сведениями, оглашение которых совершенно напрасно послужило бы к возбуждению общественного мнения. Примите и прочее.

Граф Игнатьев.

Л. 4. 18 апреля 1882 г.
№ 144

Г. Начальнику подольского губернского жандармского управления.

В фельетоне газеты «Голос» от 11-го апреля помещена корреспонденция из г. Балты под заглавием «Балтский погром», в которой по поводу происшедших там 29 и 30 марта беспорядков, направленных против евреев, сообщается о бездействии местных полицейских чинов и прочих должностных лиц, не принимавших никаких мер ни к предупреждению, ни к прекращению беспорядков.

Независимо от сего в Департаменте государственной полиции имеются сведения, будто бы во время беспорядков в Балте было обещано 18 женщин, в том числе мать и дочь вместе, причем рассказывается случай, что одну девушку, решившую сопротивляться, связали веревками.

Покорнейше прошу Ваше высокоблагородие собрать данные, насколько могут заслуживать доверия факты, изложенные в вышеупомянутой газетной корреспонденции, а также насколько справедливы сведения относительно обещания женщин, и о последующем мне сообщить.

Директор Плеве.

Л. 5. Телеграмма

Каменец-Подольский

Начальнику губернского жандармского управления

Телеграфируйте немедленно насколько справедливы появляющиеся постоянно сведения об изнасиловании женщин и вообще о неистовствах толпы во время беспорядков в Балте.

Директор Плеве.

Л. 6. Телеграмма

Киев. генерал-губернатору

В газетах не перестают появляться известия о бездеятельности полицейских властей, неистовствах толпы, изнасиловании женщин во время беспорядков в Балте. Покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство сообщить мне точные сведения и, в случае действительности этих фактов, какие меры приняты Вами для взыскания с виновных.

Одна из наихудших корреспонденций была написана мировым судьей Людвигом.

Министр внутренних дел
граф Игнатьев.

Л. 8. 18 апреля 1882

Телеграмма № 2336

Передана по телеграфу Департамента государственной полиции.

Каменец-Подольский

Начальнику жандармского управления

Прошу сообщить подробные сведения о политической и нравственной благонадежности, общественном положении и степени влияния, каковым пользуется мировой судья Балтского уезда Людвиг.

Директор Плеве.

Лл. 9—11. 7 мая 1882 г.

В Департамент государственной полиции

Получено 19 мая 1882 г.

На предписание Департамента государственной полиции от 18 апреля за № 144 честь имею донести, что беспорядки в Балте начались 29 марта. Полицмейстер г. Балта для защиты евреев вызвал из пригородных селений крестьян, но те присоединились к толпе мещан и вместе с ними разносили еврейские дома. Возбуждено дел за изнасилование всего пять, одно дело направлено для составления обвинительного акта и другое для прекращения, остальные три дела находятся еще у следователя и какое получают дальнейшее направление, неизвестно. Что касается до

изнасилования матери с дочерью, то дело разъяснилось следующим образом: в то время, когда один из толпы насиловал дочь, то на крики ее и ее матери явился пьяный городской, который посягал, стоя, изнасиловать мать, но будучи пьян, не был в состоянии этого сделать.

Вообще погром в Балте был сильный, были случаи грабежа. Полиция, при малом числе полицейских, не в состоянии была ничего поделывать. Вообще в публике, даже интеллигентной, замечается сочувствие к еврейским беспорядкам, так как еврейское население возбудило здесь общую ненависть. Обвинять полицию в бездейственности нельзя. Как только начались беспорядки, немедленно выехал туда губернатор и прокурор окружного суда. Если бы полиция действительно бездействовала, то прокурор привлек бы ее к ответственности. Полицимейстеру г. Балты Томашевскому предложено, как говорят, искать другое место. Военский начальник действительно поставил войска около церкви и, как говорят, отказал тронуть оттуда к месту беспорядков, говоря, что он не может оставить церковь.

Положение войск во время беспорядков тоже странное: положим, чисто берет ружье на руку, какой-нибудь (*нрзб*) лезет на штык, солдату ничего не остается делать, как штык поднять вверх, такой случай был в Летичеве. Евреи во многом сами виноваты в беспорядках: как только они видят, что сила на их стороне, они делаются вызывающе нахальными. В Летичеве беспорядки начались вследствие того, что четыре еврея побили одного русского. Евреи из боязни рассказывают вещи совершенно вымышленные, которые возбуждают народ. Так, неизвестный еврей рассказывал ямщику, что вследствие Балтских беспорядков двести человек расстреляно в Киеве. На ответ же ямщика, что этого быть не может, чтобы царь приказал за это людей расстреливать, еврей пояснил: нет верно, царь нас любит, мы деньги платим.

Все, что евреи рассказывают о беспорядках, всегда преувеличено. Так, например, в Могилеве [-Подольском] произошел пожар вследствие неосторожного обращения с огнем одного еврея. Евреи же старались всеми средствами найти виновного между христианами. На пожаре сгорело 82 лавки, но не большие лавки, а маленькие шкафчики с мелочным товаром, а евреи кричат, что понесли огромный ущерб.

Также можно сказать и про Балтские беспорядки: беспорядки были действительно большие, но в статье, помещенной в «Голосе» под заглавием «Балтский погром», все разукрашено и раздуто, как видно, под еврейским влиянием. Относительно мирового судьи Людвига, я слышал, что он человек совершенно безличный, таков про него вообще слух. Более подробные сведения о нем я буду иметь честь представить Департаменту дополнительно в самом непродолжительном времени.

Начальник подольского губернского жандармского
управления полковник [подпись].

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНЦЕВ

*(Из истории российско-американских отношений
конца XIX века)*

В 1880 г. американский посланник в С.-Петербурге Дж. У. Фостер был занят сложным и очень щекотливым делом. Два его соотечественника — Генри Пинкос и Макс Вельжинский, приехавшие в Россию на длительный срок по делам своих торговых фирм, получили предписание покинуть столицу империи. Их единственной виной было то, что они — евреи. В Вашингтоне решили не оставлять противоправные действия царских властей без внимания, так как, по мнению госдепартамента, они впервые наглядно продемонстрировали неуважение законов США и нарушение принципов американской демократии¹. Частный случай послужил поводом для выяснения позиций двух государств в «паспортном вопросе».

Проблема признания американского паспорта, гарантирующего равные права всем гражданам США за границей, возникла еще во второй половине 60-х гг. прошлого века. Американское правительство стремилось защитить своих граждан-евреев, приезжающих в Россию, от дискриминации, настаивая на том, что их паспорт служит гарантией равенства вне зависимости от вероисповедания. Такой же защитой американского паспорта должны были пользоваться и натурализованные граждане США, бывшие подданные Российской империи, включая тех, кто покинул Россию нелегально. Ни первая, ни вторая точка зрения не устраивала царское правительство, которое не хотело признавать равные права американских евреев и продолжало считать российских беглецов своими подданными, совершившими, по ст. 325 Уложения о наказаниях, уголовное преступление. Все попытки разрешить эту проблему путем подписания конвенции окончились неудачей². И вот теперь инцидент с Г. Пинкосом и М. Вельжинским вновь поставил старый вопрос на повестку дня,

сконцентрировав внимание американской стороны на дискриминационной политике самодержавия.

В многочисленных беседах Дж. У. Фостера с министром иностранных дел России Н. К. Гирсом и министром внутренних дел М. Т. Лорис-Меликовым выяснились основные разногласия между двумя правительствами, которые сводились к различному толкованию 1 ст. торгового российско-американского договора 1832 г.³ Ссылаясь на эту статью, правительство США настаивало на соблюдении принципа равноправия своих граждан, приезжающих в Россию по коммерческим делам. Императорское правительство подчеркивало, что американские евреи не могут находиться в более привилегированном положении по сравнению с российскими евреями и должны по ст. 1 договора подчиняться законодательству России в этой области⁴. Во время одной из встреч с Н. К. Гирсом временно поверенный в делах американской миссии в С.-Петербурге У. Хоффман заметил, что как только будут признаны равные права американских евреев за границей, интерес к антисемитской деятельности царского правительства исчезнет. Пока же этот интерес объясняется не желанием вмешательства во внутреннюю политику империи, а стремлением защитить граждан США от дискриминации, и в подобных действиях американские дипломаты в России будут последовательны до конца⁵.

Видя нежелание российского правительства идти навстречу, госсекретарь США Д. Дж. Блейн решил прибегнуть к более решительным мерам и организовать совместное выступление Великобритании и США против дискриминации американских и английских евреев в России. Этот план не удался из-за отказа английского правительства перейти к практическим действиям⁶. Да и в дальнейшем европейские государства не поддержали США в этом вопросе. Франция сама была охвачена волной антисемитизма и не желала обострять отношения с царским правительством, надеясь на заключение франко-русского союза. Англия какое-то время пыталась защищать своих граждан-евреев, но, увидев безуспешность этих попыток, смирилась с позицией, навязанной российским правительством всем европейским государствам: евреи-иностранцы, приезжающие в империю, подчиняются действующему там антисемитскому законодательству. К тому же Англия была заинтересована в охлаждении отношений между Россией и заокеанской республикой и никогда не упускала возможность подогреть антирусские настроения в Америке⁷. Ис-

ключением из общего правила была позиция госдепартамента США, который через американских дипломатов в России продолжал настойчиво защищать права своих граждан вне зависимости от того: еврей он или нееврей, коренной житель страны или натурализованный американский гражданин. Интерес внешнеполитического ведомства США к антисемитской политике царизма в 80-е гг. объяснялся стремлением смягчить российское законодательство в отношении американских граждан-евреев и оградить их от дискриминации. Но все попытки оказались безрезультатными.

Американская общественность воспринимала еврейский вопрос в России гораздо шире, чем госдепартамент, и заняла более активную позицию. Американцев интересовало не только отношение царского правительства к их соотечественникам еврейской национальности, но и положение российских евреев. Уже в начале 80-х гг. еврейская общественность США попыталась оказать давление на госдепартамент и заставить его вмешаться во внутреннюю политику России, для того чтобы защитить еврейскую часть населения империи. Американское еврейство, получавшее информацию через свои каналы, было убеждено, что положение их российских единоверцев ухудшается и им, очевидно, придется эмигрировать из России.

Вскоре американское общество действительно стало свидетелем массового эмиграционного движения евреев из России в США. Это было даже не движение, а просто-напросто бегство обезумевших от страха и голода людей, бегство куда глаза глядят в поисках куска хлеба и угла земли, где бы человека не били и не притесняли за веру. Толчком стали антиеврейские погромы начала 80-х гг. и введение в мае 1882 г. «Временных правил о евреях», «при действии которых, — как замечал государственный секретарь А. Е. Перетц, — евреям остается только одно — выселиться из России»⁸. Российско-еврейская эмиграция существовала и раньше. С 1871 по 1880 г. в США прибыла 41000 евреев-эмигрантов из России⁹. Но уже в 1882 г. эта цифра подскочила до 10489 человек¹⁰, составила 79,5% от общего числа евреев-эмигрантов, прибывающих в Америку¹¹. А с 1884 г. начался быстрый рост российско-еврейской эмиграции, которая стала наиболее ярким проявлением ненормальных социальных и экономических условий жизни еврейского населения черты оседлости¹².

Известия об антиеврейских погромах вызвали в США волну

протеста. Страницы американских газет запестрели осуждающими, резкими статьями в адрес царского правительства¹³. Временно поверенный в делах русской миссии в Вашингтоне Г. Вилламов с тревогой сообщал в МИД России о мощных митингах протеста, прошедших в Нью-Йорке в феврале 1882 г. и в Филадельфии в марте того же года¹⁴. На митингах были приняты резолюции, выражавшие сочувствие российским евреям. Американцы обращались к своему правительству с просьбой вмешаться во внутреннюю политику царизма и защитить евреев России. Особым размахом отличался митинг в Нью-Йорке, проходивший в одном из крупнейших залов города. Среди его участников были член палаты представителей С. Кохс, сенатор К. Шурц, бывший государственный секретарь У. Эвартс, верховный судья Дэвис, три самых известных протестантских проповедника — Дж. Галь, Г. Кросби и Дж. Ньюмен. Открывая митинг, мэр Нью-Йорка У. К. Грэй подчеркнул, что собравшиеся представляют общественное мнение всего населения Соединенных Штатов. «Мы собрались здесь, — заявил он, — чтобы протестовать во имя свободы совести и мысли против гонений, воздвигаемых на народ за принадлежность его к известной расе и религии, свободы, дорогой американцам, обеспечение которой всем народам мы считаем своим нравственным долгом. Для достижения этой цели мы не должны жалеть никаких усилий»¹⁵.

Присутствовавший на митинге конгрессмен С. Кохс, демократ, депутат от штата Нью-Йорк, был инициатором и составителем двух резолюций, направленных палатой представителей президенту — в январе и июле 1881 г. В них содержалась просьба сообщить всю переписку между госдепартаментом и американскими дипломатами в России, касающуюся двух вопросов: дискриминации американских граждан еврейского происхождения и положения российских евреев¹⁶. Последняя резолюция была снабжена обширным приложением, в котором описывались все случаи, связанные с притеснением американских евреев, приезжавших в Россию по своим торговым делам; рассказывалось об ужасах антиеврейских погромов и приводился подробный перечень противоправных антисемитских действий, предпринятых царскими властями в 1881 г.¹⁷ С. Кохс обвинял Комитет по иностранным делам и госдепартамент в пассивности и настаивал на том, что правительству США необходимо оказать давление на правительство России, дабы облегчить участь российского еврейства. Этот конгрессмен выступал с подобными предложениями

и резолюциями и впоследствии¹⁸, вызывая своей активной деятельностью серьезное беспокойство российского посланника в США К. В. Струве¹⁹.

Американская еврейская община продолжала настойчиво требовать от госдепартамента активного заступничества за своих единоверцев за океаном. 15 апреля 1882 г. госсекретарь США Ф. Т. Фрелингайзен отправил У. Хоффману инструкцию, предоставлявшую американским дипломатам в России широкие полномочия для подобных действий²⁰. Но, как оказалось позже, инструкция предназначалась не столько для руководства американского представителя в С.-Петербурге, сколько для подачи в палату представителей и для удовлетворения влиятельных еврейских кругов в Нью-Йорке и в Филадельфии, приславших президенту и госсекретарю просьбу о защите российских евреев. Тем же целям отвечало заявление, сделанное президентом Ч. Артуром при открытии последнего заседания 47 конгресса²¹. Дипломаты США в России, следуя указаниям вашингтонского кабинета, твердо придерживались принципа невмешательства во внутренние дела другого государства, когда это непосредственно не касалось их соотечественников. Но, будучи очевидцами всего происходящего, они в своей переписке с госдепартаментом стали уделять еврейской проблеме в России все возрастающее внимание. Особый интерес вызывает депеша У. Х. Ханта, назначенного на пост американского посланника в С.-Петербурге в середине 1882 г. Ему не удалось улучшить отношение к американским евреям, приехавшим в империю, но он написал интересный и содержательный отчет о еврейском вопросе в России. Это был первый документ подобного рода, вышедший из-под пера американских дипломатов. У. Х. Хант побывал в южных районах страны, изучил российское законодательство о евреях, дал резкую критику дискриминационных действий самодержавия. Посланник США пришел к выводу, что судьба российских евреев изменится к лучшему не вследствие вмешательства иностранных государств, а в случае отказа России от принципа религиозной нетерпимости²². Из-за резких выпадов в адрес императорского правительства депеша не была опубликована госдепартаментом, но она является одним из наиболее ярких примеров того, как воспринимался еврейский вопрос приезжающими в Россию американцами.

Для того чтобы стать очевидцами царского деспотизма и произвола в отношении евреев, совсем не обязательно было

ездить за океан. Одна за другой к берегам США начали прибывать все новые и новые партии изголодавшихся, обездоленных, оборванных евреев из России. Как же американцы встречали этих беженцев? Как в Америке восприняли растущую волну российско-еврейской эмиграции? Какие чувства и эмоции вызвали «новые иммигранты» в различных слоях американского общества? Ведь одно дело собирать митинги, принимать резолюции, рассуждать о свободе совести, совсем другое — взвалить на свои плечи заботу об этих несчастных жертвах, которые бежали с маленькими детьми, без гроша в кармане, без ясных планов на будущее, без знания языка той страны, куда они направлялись. Их нужно было кормить, одевать, давать кров и работу. Заботу об этих эмигрантах взяло на себя американское еврейство.

Первые организации помощи российско-еврейским эмигрантам возникли в Нью-Йорке. Этому городу суждено было стать крупнейшим центром еврейской эмиграции, где оседало $\frac{9}{10}$ всей еврейской эмиграции из России. Еще в сентябре 1881 г. здесь возник Комитет помощи российским эмигрантам («Russian Emigrants' Relief Committee») под председательством судьи М. С. Исаака для оказания первой, самой необходимой помощи евреям из России²¹. В декабре 1881 г. этот комитет вошел в «Общество помощи еврейским эмигрантам» («Hebrew Emigrant Aid Society» — ХИАС), созданное на митинге двух ведущих еврейских организаций Нью-Йорка: «Union Jewish Congregations» и «United Hebrew Charities». Только за один 1882 г. этой организацией было потрачено 250000 долларов для поддержки евреев-иммигрантов²⁴. Не обошлось и без серьезных злоупотреблений со стороны членов общества, которые, пользуясь невежеством российских евреев-эмигрантов, устраивали их за $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ заработной платы на места забастовавших американских рабочих. В начале 80-х гг. российских евреев наряду с другими иммигрантами из Восточной Европы часто обвиняли в штрейкбрехерстве. Это грозило возбудить недовольство против евреев на американской почве. Однако с изменением характера российско-еврейской эмиграции и с появлением в ней интеллектуальной струи в конце 80-х гг. ситуация изменилась. Представители еврейской интеллигенции, эмигрировавшие из России, и прежде всего студенчество, организовали «Русский рабочий союз» для распространения просвещения и знаний в среде российско-еврейских эмигрантов и «Еврейский рабочий союз», создавший за сравнительно короткое время массу еврейских профсоюзных организаций. Все эти организации вско-

ре вошли в состав «Ордена рыцарей труда» и начали сами принимать участие в стачках, забастовках и политических движениях²⁵.

Другим направлением деятельности ХИАС стала организация земледельческих колоний для переселенцев. С этой целью представитель общества Джюлиус Голдман посетил западные штаты и сделал обстоятельный доклад на конференции, созванной по инициативе общества в начале июня 1882 г. в Нью-Йорке. Вопрос о земледельческой колонизации как об одной из действенных мер по оказанию помощи прибывающим еврейским беженцам из России стал одним из основных вопросов, обсуждавшихся представителями различных еврейских организаций США. На конференции было принято решение о создании колонизационного фонда с капиталом в 1 миллион долларов²⁶.

Активным сторонником идеи еврейской земледельческой колонизации стал Михаил Гельперин — ученый, филантроп, человек добрый, энергичный и честный. Он отдал много сил работе в «Обществе помощи еврейским эмигрантам» и довел до конца план создания еврейских колоний, организовав две колонии: в штатах Колорадо и Нью-Джерси²⁷.

Общества помощи российско-еврейским эмигрантам возникли и в других городах, прежде всего в Филадельфии, ставшей вторым крупным центром, где оседали беженцы из России²⁸.

Резкий всплеск российско-еврейской эмиграции в 1882 г. вызвал не только чувство сострадания, но и чувство беспокойства в американском обществе. В июльском номере газеты «New York Times» появилась обширная статья под заголовком «Евреи из России», которая призывала всю нацию обратить внимание на эту жгучую проблему. Газета писала о стремительном росте еврейского населения США за счет российско-еврейских беженцев. В статье указывалось на скученность переселенцев в крупных городах; осуждалась неудовлетворительная работа европейских комитетов, посылавших в Америку нетрудоспособных эмигрантов, пополнявших ряды нищих и пауперов. В заключение делался вывод, что беспокойство американского еврейства вполне обоснованно, так как его финансовые возможности не бесконечны и, безусловно, нужна поддержка федеральных властей в помощи прибывшим найти свое место на новой родине²⁹.

Наплыв бедной еврейской массы из России действительно беспокоил американских евреев, так как в своем подавляющем большинстве их российские единоверцы были чрезвычайно бед-

ны, в религиозном плане строго ортодоксальны и прибывали в таких количествах, что вопрос их американизации становился весьма проблематичным.

Не случайно еврейские иммигранты из России стали менять образ еврея в американском сознании³⁰. Это был человек скорее бедный, чем богатый, больше работник, чем хозяин. Пресса не пришла к однозначной оценке, описывая этот образ. «New York Tribune» то наделяла российских эмигрантов чертами предприимчивых американских евреев, то высказывала опасение о перенаселенности портовых городов. Газета с удивлением отмечала, что эмигранты оказались гораздо беднее, чем ожидалось³¹, они оборваны, притеснения извратили их ум и выработали дурные манеры. Одним словом, живописный образ угнетенной жертвы, достойной сострадания, постепенно сменился образом реального российского еврея-эмигранта, и в сентябре 1882 г. «New York Tribune» заявила, что США больше не нужны евреи из России³².

«New York Times» была полна противоречивых статей, предупреждавших, что в России проживает 3 млн. евреев и американцам стоит подумать над тем, что произойдет, если все они решат переселиться в США. Ссылаясь на сообщения «United Hebrew Charities», газета отмечала, что российские евреи не похожи на американских, они предпочитают селиться в Нью-Йорке и заниматься ремесленным трудом, не стремясь обучаться новым профессиям³³. Но большинство американских газет относилось к беженцам с постоянной симпатией, надеясь, что при небольшой помощи они смогут сами себя обеспечить³⁴.

Тем не менее общее беспокойство вызывала бедность российского еврейства и угроза его превращения в обузу для американского общества. Оставалась надежда, что мощная эмиграционная волна начала 80-х гг., вызванная погромами и введением «Временных правил о евреях», вскоре схлынет. Уменьшение эмиграции в 1883—1884 гг. вроде бы подтвердило эту мысль. Однако со второй половины 80-х гг. российско-еврейская эмиграция приобрела постоянный характер и ярко выраженную тенденцию к нарастанию³⁵. Еврейская эмиграция из России была не только результатом религиозно-политического гнета, но и следствием неблагоприятных экономических условий. «Скученность евреев в городах и местечках Черты, конкуренция, огромное превышение предложения над спросом — вот что главным образом побуждает теперь массы бедного еврейского населения покидать насиженные места и уходить в далекие заатлантические страны»³⁶.

Российско-еврейская эмиграция приобретает экономический характер, а с 1887 г. в ней увеличивается и доля людей с относительно высоким уровнем образования³⁷.

Американское еврейство, учитывая изменившийся характер еврейской эмиграции из России, забило тревогу. В отчете «United Hebrew Charities» за 1888 г. читаем следующее: «Около 30000 евреев прибыло в этом году. Теперь нет вопроса о преследовании. Немногие из прибывших за последние 4 года могут казаться изгнанниками за свою религию, и симпатия, оказанная жертвам гонений до 1884 г., не могла быть оказана людям — евреям ли или христианам, — стремящимся в Америку только ради улучшения своего финансового положения... Теперь уже вопрос не о нескольких десятках тысяч, которых свободная Америка горячо приветствовала. Настоящая массовая иммиграция сделалась экономическим вопросом, и время наступило, когда в интересах американского еврейства мы должны торжественно предупредить европейских евреев, неспособных зарабатывать свое пропитание и сделаться полезными гражданами, против эмиграции в Америку. У нас довольно своих собственных обуз»³⁸. Как это высказывание отличается от того, что говорилось на памятном февральском митинге в Нью-Йорке в феврале 1882 г. Тогда верховный судья Дэвис во всеуслышание заявил: «Если же вопреки урокам политической мудрости положение евреев в России не будет улучшено законодательным путем, то у американцев, кроме дружеских увещаний, есть достаточно долларов, на которые можно будет переселить на свободную американскую территорию и пристроить там хотя бы все три миллиона граждан, не имеющих пока отечества»³⁹.

Госдепартамент США отреагировал на рост российско-еврейской эмиграции новой попыткой разрешить «паспортный вопрос». В результате массовой еврейской иммиграции в США образовалась многочисленная группа новых американских граждан, тесно связанных с многочисленными родственниками в России. Посещая свою бывшую родину, они обвинялись, как правило, в самовольном выходе из российского подданства и в уклонении от исполнения своих обязанностей по отношению к царскому правительству (в основном воинской повинности). Уже в 1884 г. госсекретарь Ф. Т. Фрелингайзен был вынужден признать, что отсутствие конвенции о натурализации стало серьезной опасностью для продолжения дружеских отношений между двумя странами⁴⁰.

В 1887 г. государственный департамент начинает новый тур переговоров по вопросу о натурализации. Госсекретарь США Т. Ф. Баярд передал К. В. Струве проект конвенции, устанавливающей порядок свободного перехода из подданства одного государства в подданство другого⁴¹. Но переговоры и на этот раз зашли в тупик, так как подписание конвенции зависело от изменения российского закона о подданстве, отменявшего уголовное наказание за самовольное принятие иностранного гражданства⁴². Внешнеполитические ведомства двух государств продолжали осыпать друг друга упреками, что вызывало раздражение обеих сторон и приводило к ухудшению дружественных отношений⁴³.

Между тем положение российских евреев не менялось к лучшему, и начало 90-х гг. принесло новые беды еврейскому населению страны. В 1890—1891 гг. в американской прессе публикуется целая серия статей, разоблачавших усиление дискриминационной политики царских властей, критиковавших безрассудно жестокое отношение к еврейскому населению, которое представлялось виновником всех бед русского мужика⁴⁴. Российский посланник писал в частном письме к товарищу министра иностранных дел В. С. Влангали в декабре 1890 г.: «Агитация здешнего еврейского общества против России продолжается. Все газеты, за немногими исключениями, переполнены статьями против нас»⁴⁵. Наряду с общей критикой царизма на страницах американской печати все чаще стали появляться сообщения о новом ограничительном законе против евреев, обсуждавшемся в Государственном совете⁴⁶. Эти публикации вызвали массовые митинги протеста, осудившие новую волну антисемитизма в России⁴⁷, и резкую реакцию палаты представителей.

В конце 1890 — в начале 1891 г. в конгрессе были приняты совместные резолюции сената и палаты представителей, выражавшие симпатии российским евреям. Палата представителей обратилась к президенту с просьбой незамедлительно сообщать всю дипломатическую переписку и любую информацию по вопросу о притеснениях российских евреев и американских граждан-евреев, приезжающих в империю⁴⁸. В июне 1892 г. сенатор от штата Огайо Ирвин Дунган предложил резолюцию, потребовавшую от президента прервать дипломатические отношения с Россией до тех пор, пока царское правительство не прекратит нарушать условия договора 1832 г. и преследовать евреев за их веру⁴⁹. По мнению конгрессменов, демократическая Америка не должна была иметь ничего общего с правительством, действующ-

щим варварскими методами и унижающим человеческое достоинство.

Несмотря на то, что новый ограничительный закон не был введен в жизнь, выселение евреев из Москвы и Московской губернии в 1891 г. стало дополнительным стимулом для российско-еврейского эмиграционного движения. Это прекрасно осознавалось и американским обществом, и американским правительством. Госдепартамент, придерживавшийся до начала 90-х гг. позиции невмешательства во внутреннюю политику России, когда это непосредственно не касалось граждан США, резко изменил свою позицию.

Во время встречи с главой внешнеполитического ведомства России Н. К. Гирсом в декабре 1891 г. американский посланник Ч. Э. Смит передал меморандум президента США о еврейской эмиграции из России в Америку⁵⁰. В нем сообщалось, что в США ежемесячно приезжает около 5000 евреев из России. В последнее время эта цифра увеличилась из-за новых ограничительных мер царского правительства⁵¹. Антисемитская политика самодержавия стала затрагивать внутренние интересы США вследствие растущих из года в год расходов по приему иммигрантов. С этой точки зрения еврейский вопрос в России перестал быть внутренней проблемой царских властей и превратился в проблему международных отношений и соблюдения взаимных обязательств⁵².

Меморандум отразил общие тенденции иммиграционной политики вашингтонского правительства в этот период. Небывалый прилив иммигрантов из различных стран стал обременительным и опасным для Соединенных Штатов. Американское правительство издает целую серию ограничительных законов, запрещающих въезд в страну нетрудоспособных и неблагонадежных элементов. К этой категории можно было отнести и российское еврейство, составлявшее основную массу эмигрантов, прибывающих из России. Эти переселенцы стремились осесть в крупных портовых городах (в основном в Нью-Йорке) в еврейских кварталах и пополняли беднейшую часть американского общества⁵³.

В 1891 г. американское правительство, обеспокоенное иммиграционными проблемами, образовало комиссию из пяти человек для изучения причин эмиграции из Европы в США. Прибыв в Лондон, члены комиссии разделили работу между собой. Обследованием Германии и России занимались председатель комиссии суперинтендант Нью-Йорка полковник Джон Вебер и доктор Кемпстер из штата Висконсин.

То, что американцы увидели в России, потрясло их до глубины души. В США трудно было поверить в существование законов, которые стесняли людей в выборе места жительства за принадлежность их к иной вере, давали право разорять человека за то, что, стремясь выжить, он переступал черту оседлости. До начала путешествия по России доктор Кемпстер признавался сопровождавшим его представителям российского еврейства Г. Б. Слиозбергу и П. Я. Левенсону, что он сомневается в достоверности информации, появляющейся на страницах американской печати, так как в цивилизованной стране невозможна дискриминация, подобная той, о которой так много говорят в американском обществе. Но действительность оказалась куда страшнее всего описанного в газетах и журналах.

Американцы стали свидетелями выселения евреев из Москвы летом 1891 г. До тех пор пока Вебер и Кемпстер не увидели это своими глазами, они не могли осознать всей жестокости происходящего. Безлюдные улицы Зарядья и Марьиной рощи с заколоченными окнами и опустевшими домами; сотни евреев с опухшими от слез глазами, полными отчаяния; Брестский вокзал, имевший вид лагеря, где люди валялись на грязном каменном полу в ожидании поездов на Минск. Американцы снимали копии со всех документов, брали интервью, посетили Бутырскую тюрьму и убедились, что евреев, не имеющих возможности выехать в срок, отправляли в черту оседлости этапным порядком, то есть скованными попарно с осужденными за тяжкие преступления⁵⁴.

Кроме Москвы Вебер и Кемпстер побывали в Минске, Вильно, Белостоке, Гродно, Варшаве. Они пришли к выводу, что положение еврейского населения безнадежно тяжелое и единственно возможным выходом из создавшейся ситуации является массовая эмиграция.

Вернувшись в Америку, Вебер и Кемпстер вместе с другими членами комиссии составили отчет, который является одним из самых полных, ярких и объективных документов, характеризующих антисемитскую политику царизма в период внутриполитической реакции в России. В приложении к отчету рассказывалось о российском дискриминационном законодательстве, приводились статистические данные разнообразного характера, излагалась история еврейской земледельческой колонизации⁵⁵.

Выводы комиссии были малоутешительными, и в связи с ростом российско-еврейской эмиграции внимание госдепартамента США и американских дипломатов в России привлек проект

барона Гирша. Основанная им в 1891 г. «Еврейская колонизационная ассоциация» («Jewish Colonization Association») ставила своей целью организацию еврейских земледельческих колоний в Северной и Южной Америке (для начала в Аргентине), с тем чтобы контролировать и направлять поток еврейской эмиграции из Европы и разрядить напряженность, возникшую в США вследствие мощного притока еврейских переселенцев⁵⁶. Еще в конце 80-х гг. М. Гирш проявил особый интерес к судьбе российского еврейства и предложил императорскому правительству 50 млн. франков для организации системы еврейского образования в черте оседлости. Но переговоры с царскими властями не привели к реальным результатам из-за нежелания российского правительства нарушить пресловутую «процентную норму». После этой неудачи М. Гирш начал оказывать помощь еврейским эмигрантам из России. Кроме «Еврейской колонизационной ассоциации» еще раньше был создан специальный фонд с капиталом в 2500000 долларов для поддержки приезжающих в США евреев русского происхождения. В марте 1890 г. начал действовать Центральный комитет фонда, в который вошли: Дж. Голдман, Дж. Х. Хоффман, Г. Райс, М. С. Исаакс, Дж. Х. Шиф, Дж. Селигман, О. Штраус — от Нью-Йорка; У. Б. Хэккенбург и М. Сулзбергер — от Филадельфии. Используя деньги, пожертвованные М. Гиршем, Комитет, позже переименованный в «Фонд барона Гирша», встречал евреев-эмигрантов из России и Румынии; помогал им добраться в те места, где можно было найти нормальный заработок, не конкурируя с местными рабочими; оказывал помощь в приобретении инвентаря и профессиональных навыков, в освоении английского языка и т. д. Фонд не был благотворительной организацией в прямом смысле этого слова. Помощь оказывалась только тем эмигрантам, которые при небольшой поддержке могли быстро встать на ноги и приносить пользу американскому обществу⁵⁷.

Американский посланник в С.-Петербурге Ч. Э. Смит надеялся, что осуществление планов Гирша сократит еврейскую эмиграцию в США и разрядит напряженность еврейской проблемы в России. Он неоднократно встречался и беседовал с А. Уайтом, представителем «Еврейской колонизационной ассоциации», приехавшим в С.-Петербург для переговоров с царским правительством⁵⁸. В столице был создан Центральный комитет, действовавший под строгим контролем МВД⁵⁹, который должен был организовывать еврейскую эмиграцию в нужном направле-

нии и оказывать необходимую помощь переселенцам. Однако вскоре стало ясно, что аргентинский проект не решает еврейскую проблему в целом. В то время как численность российско-еврейской эмиграции к началу XX века ежегодно колебалась от 150000 до 180000, Комитет мог отправить лишь 25000 эмигрантов в год.

Американские консулы еще во второй половине 80-х гг. сообщали о желании императорского правительства стимулировать еврейскую эмиграцию в другие страны⁶⁰. Теперь это проявилось с полной очевидностью. Во второй половине 1893 г. посольство США в С.-Петербурге было встревожено слухами о возможном изгнании всех евреев, проживающих в столице⁶¹. Вскоре действительно вышел циркуляр МВД, предписывающий до 1 июня 1894 г. произвести высылку всех евреев из мест их незаконного проживания. Евреи получили право уезжать из России при условии никогда не возвращаться обратно. Госдепартамент категорически заявил, что США больше не будет принимать российских эмигрантов, которых царское правительство намеренно отправляет за границу⁶².

Интерес американцев к еврейскому вопросу в России не только не ослабевал, но и продолжал возрастать. Об этом свидетельствуют и предвыборные платформы демократов и республиканцев 1892 г., включавшие требования в защиту российских евреев⁶³, и выступления в американском конгрессе, и публикации в прессе.

Ни одна американская газета не была вовлечена в проблему еврейской эмиграции в такой степени, как «New York Times». Печатаая на своих страницах массу резких статей, направленных против дискриминационной политики царизма, газета рисовала негативный образ российского еврея — нищего, ленивого, не желающего заниматься сельским хозяйством, ожидающего помощи от благотворительных организаций. Может быть, он и был жертвой притеснения, достойной сострадания, но Америке такие эмигранты не нужны, так как на американской земле и так уже достаточно евреев⁶⁴. «New York Times» несколько смягчила свою позицию в связи с публикацией на ее страницах статей лондонского корреспондента Гарольда Фредерика, который представил образ иного еврея: не хитрого ростовщика, а угнетенного бедняка; не революционера и анархиста, а спокойного и порядочного человека, сохранившего, несмотря на годы унижений, свой моральный облик, искреннюю веру, чувство взаимопомощи, любовь к семье. Америка не может желать лучших эмигрантов. заключал

автор⁶⁵. Однако с началом экономической депрессии в США газета вернулась к образу толпы нищих, неспособных к ассимиляции эмигрантов, живущих в гетто крупных портовых городов и создающих конкуренцию местным рабочим⁶⁶. Газета продолжала оставаться на неизменно враждебных позициях и в дальнейшем, особенно в период анархических беспорядков 90-х гг., в которых приняли участие евреи. Последовательно проводилась мысль о том, что сознание российских евреев искажено годами угнетения и они не могут жить в нормальном обществе и подчиняться нормальным законам, будучи источником социальной напряженности⁶⁷.

«New York Tribune», напротив, была неизменно толерантна, продолжая наделять евреев добродетелями средних слоев населения. Газета делала вывод прямо противоположный позиции «New York Times»: «Практически все российско-еврейские эмигранты могут быть приняты в США». В доброжелательном тоне описывалась жизнь российских евреев в Нью-Йорке, поддерживалась их борьба за экономические права, но когда евреи из России приняли участие в шумных митингах анархистов во главе с Эммой Голдман, это осудила даже «New York Tribune»⁶⁸. В начале 90-х гг. в американских газетах проводилась мысль, что источником политического анархизма в США являются эмигранты, и прежде всего российско-еврейские эмигранты.

Однако в целом, за исключением периода активизации анархизма, американская пресса относилась доброжелательно к еврейским эмигрантам из России. Описывался образ жизни российских евреев в Америке, подчеркивались положительные качества переселенцев: воздержанность, забота о семье, стремление к образованию, хотя не забывали и о странностях в их поведении, подчеркивая экзотичность и чрезмерную религиозность. На страницах газет и журналов выражалась надежда, что под влиянием американского образа жизни эмигранты смогут стать достойными гражданами той страны, которая их приютила⁶⁹.

Несколько известных американских новеллистов предприняли попытку исследовать жизнь еврейского гетто в Нью-Йорке, чтобы дать объективную и полную картину условий существования российско-еврейских эмигрантов и опровергнуть разнообразные слухи. В целом все они пришли к выводу о жизнеспособности «новых иммигрантов», об их стремлении, а главное — об их возможности приспособиться к изменившимся

условиям и стать полезными членами американского общества. В этих рассказах положительные оценки преобладали над критикой отдельных сторон жизни обитателей еврейского гетто⁷⁰.

Можно сказать, что позиция американской прессы в отношении российско-еврейских эмигрантов колебалась между доброжелательностью и терпимостью, если исключить 1893 г. — период анархистских беспорядков. Полярные точки зрения выражали газеты «New York Tribune» и «New York Times». Причем позиция последней была скорее антииммиграционной, а не антисемитской. Но несмотря на разное отношение к проблеме российско-еврейской эмиграции, несмотря на противоречивый и неоднозначный образ российского еврея, который создавался на страницах американских газет и журналов, практически вся пресса США единодушно осуждала антисемитизм самодержавия и с негодованием писала о дискриминации американских евреев в России. Подобные случаи участились в конце XIX в. и продолжали вызывать негативную реакцию американского общества⁷¹.

В 1895 г. начался длительный обмен нотами между внешнеполитическими ведомствами двух стран по «паспортному вопросу». Это было вызвано упорным нежеланием российских консулов визировать паспорта американских евреев для въезда в Россию. Царские власти впервые без обиняков и излишних уверток объяснили свои отказы единственным доводом: «Не разрешено, потому что еврей!» Американскому посланнику Э. Д. Уайту, пыгавшемуся в течение всего 1893 г. сломить упорство МВД и МИД России в этом вопросе, не удалось достигнуть практически никаких результатов. В 9 случаях из 10 решение российского правительства оставалось в силе⁷². Царские дипломаты в США строго выполняли инструкции своего начальства, отказывая американским евреям в праве посещать территорию империи. Такая дискриминация расценивалась госдепартаментом как оскорбление законов США и достоинства американских граждан.

В который раз обе стороны пытались обосновать свои позиции. Госдепартамент был возмущен тем, что представители иностранного государства считали возможным проводить тест на вероисповедание среди американских граждан на американской территории, совершая противозаконный акт, конституционно запрещенный любому официальному лицу США; тем, что российские власти нарушают 1 ст. торгового договора, которая обеспечивает равноправие всем гражданам США, приезжающим

в Россию по своим коммерческим делам, и ст. 10 того же договора, разрешающую приезд американцев в империю для урегулирования своих частных дел⁷³.

Министр иностранных дел России А. В. Лобанов-Ростовский и глава Департамента внутренних сношений Н. Д. Остен-Сакен со своей стороны подчеркивали, что притеснение евреев в России объясняется мерами экономического характера и основано не на религиозном, а на расовом принципе, а такая дискриминация существует и в США; что царское правительство действует четко в соответствии со ст. 1 договора 1832 г. и не может поставить американских евреев в более привилегированное положение по сравнению с евреями своей страны; что действия русских консулов объясняются законами Российской империи, которые обязательны для всех иностранцев, а вовсе не желанием оскорбить американскую конституцию. В добавление к этому глава МИД России цинично заявил американскому послу К. Р. Брекенриджу, что, запрещая евреям США въезд на территорию Российского государства, царское правительство совершает тем самым акт милосердия, оберегая их от дискриминации. Взаимопонимания между странами, как видно, не было. Препирательства и взаимные обвинения становились все более резкими и категоричными⁷⁴.

Причину неразрешимости этого конфликта следует искать в разном подходе двух государств к институту прав человека. А это в свою очередь вытекало из их различного государственного устройства. В кругу великих держав конца XIX в. Россия и Америка являлись антиподами по своему политическому строю. С одной стороны, республика и конституция как основной закон страны, с другой — феодально-абсолютистское государство и воля царя как высшая и непререкаемая инстанция; с одной стороны, свободы совести как неотъемлемое и гарантированное право каждого, с другой — религиозная нетерпимость; с одной стороны, граждане, имеющие равные права и обладающие свободой передвижения, а с другой — подданные, не имеющие права покидать это подданство без высочайшей санкции. Достаточно сказать, что до 1905 г. российская юриспруденция вообще не знала понятия «права человека», играющего фундаментальную роль в системе американских моральных и политических ценностей.

Эти кардинальные различия привели к серьезным трениям между Россией и США по вопросу о признании равных прав американских евреев за границей, по проблеме натурализации и

дали повод для обсуждения в США еврейского вопроса в России в целом.

Проблема дискриминационной политики царизма затрагивала аналогичные проблемы в самой Америке, где расовая дискриминация стала основным принципом решения национального вопроса (достаточно вспомнить политику вашингтонской администрации по отношению к индейцам, афро-американцам, китайским иммигрантам). Не случайно темнокожие американцы проявили большой интерес к положению российских евреев. Подобно евреям, они не имели равных гражданских прав с основной массой коренного населения; подобно евреям, они были предметом ненависти толпы⁷⁵. Выступая за улучшение положения своих братьев по несчастью за океаном, темнокожие жители Америки надеялись привлечь внимание белых американцев к своим собственным проблемам⁷⁶. Они обвиняли своих соотечественников в неискренности, так как, заботясь о евреях в далекой России, американцы игнорировали «негритянскую проблему» в собственной стране.

Трудно сказать, насколько американцы были искренни в своем отношении к одному из самых больных вопросов российской действительности. Очевидно только одно: восприятие еврейского вопроса в России вызывало неоднозначную реакцию американского общества и включало в себя целый комплекс проблем. Основных мотивов было два.

Прежде всего — защита принципа свободы совести и вероисповедания, принципа, дорогого американцам. В США религия занимала иное место, чем в России. Еще А. де Токвиль указал на то, что американская цивилизация явилась результатом двух четко различающихся друг от друга элементов, которые в других местах часто находились во враждебных друг к другу отношениях: это дух религии и дух свободы⁷⁷. С момента основания США религия представляла в основном личное дело каждого, результат индивидуального выбора. В стране не существовало официальной государственной религии, свобода совести была одной из основных демократических свобод, которой всегда гордились американцы перед другими нациями. Россия же была страной, где евреи находились в наиболее бесправном положении и всячески притеснялись именно как иудеи.

Но неуклонный рост российско-еврейской эмиграции вызывал и иное чувство — чувство тревоги. Американцев чрезвычайно беспокоил прилив бедных еврейских переселенцев из России,

непохожих на старых иммигрантов, непохожих на американских евреев, ломавших вообще все представления о евреях, сложившиеся в XIX в. в американском сознании. Смогут ли они ассимилироваться, приспособиться к новым условиям жизни, стать полезными гражданами Америки? Не создадут ли еврейский вопрос на американской почве? Не станут ли причиной социальной напряженности? Вследствие этого беспокойства еврейский вопрос в России приобрел для США особую остроту и на государственном, и на общественном уровнях.

В последние два десятилетия XIX в., и в особенности в 90-е гг., американское общество начинает проявлять повышенный интерес к европейским делам вообще и к наиболее острым проблемам российской действительности в частности. К этому времени относится кампания в поддержку дела русской свободы и борьба за отмену экстрадиционного договора⁷⁸, филантропическое движение в помощь российским голодающим⁷⁹.

Но среди всех этих вопросов «еврейский» занимал особое место в российско-американских отношениях конца XIX в. Американская сторона решала этот вопрос по-своему, не желая считаться с основными принципами, на которых строилась внутренняя политика России. Руководствуясь идеей освободительной миссии Америки, получившей распространение в США в конце XIX в., американцы попытались перенести свою систему ценностей на российскую почву. И по вполне понятной причине эта попытка окончилась неудачей. Другое дело, что, отстаивая принцип равноправия всех своих граждан за рубежом вне зависимости от их веры, США способствовали общей демократизации сферы международных отношений.

К концу XIX в. разрешить весь комплекс проблем, возникших в российско-американских отношениях в связи с политикой антисемитизма в России, не удалось. В начале XX в. они еще больше обострились и стали причиной денонсации российско-американского торгового договора 1832 г.⁸⁰.

Решение еврейского вопроса в международных отношениях зависело от изменения внутренней политики царизма и либерализации общественной и политической жизни в России, о чем в конце XIX в. оставалось только мечтать.

---

¹ Adler C. M., Margalith A. M. With Firmness in the Right. American Diplomatic Action Affecting Jews. 1840—1945. N.Y., 1946. P. 179—193.

² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), ф. Посольства в Вашингтоне, оп. 512/1, д. 27, лл. 23—24; см. также: Куропятник Г. П. Россия и США. Экономические, культурные и дипломатические связи. 1867—1881. М., 1981. С. 229—234.

³ В ст. 1 говорилось, что жителям договаривающихся государств «не воспрещено будет останавливаться... и проживать везде в упомянутых владениях, где им по делам их будет надобность... они ограждены будут той же самой безопасностью и покровительством... с тем, однако же, что они подчинены будут существующим там законам и учреждениям...» (Собрание ныне действующих торговых трактатов России с иностранными государствами. СПб., 1877. С. 187).

⁴ Позиция американской администрации в этом вопросе отражена в инструкции Д. Дж. Блейна — Дж. Фостеру от 29 июля 1881 г. // *Foreign Relations of the United States*. Washington, 1882. Vol. 37. P. 1030—1036.

⁵ Ibid. P. 1036—1037.

⁶ Д. Дж. Блейн — У. Хоффману, 23 ноября 1881 г. // *National Archives and Record Service (NARS)*. R.G. 59. Diplomatic Instructions of the Department of State (DI). Russia. M77. R. 138. P. 251—252; У. Хоффман — Д. Дж. Блейну, 13 декабря 1881 г. // *NARS*. R.G. 59. Despatches from the United States Minister to Russia (DD). M35. R. 36.

⁷ См. подробнее: Szajkowski Z. The European Aspect of the American-Russian Passport Question // *Publication of the American Jewish Historical Society*. 1956—1957. Vol. 46. № 1-4. P. 86—100.

⁸ Перетц Е. А. Дневник (1880—1883). М.; Л., 1927. С. 131.

⁹ Форнберг К. Еврейская эмиграция. Опыт статистического исследования. Киев, 1908. С. 17.

¹⁰ По другим данным, до 17497 человек (Форнберг К. Указ. соч. С. 17; Bogen B. D. Jewish Philanthropy. N.Y., 1917. P. 90).

¹¹ Joseph S. Jewish Immigration to the United States from 1881 to 1910. N.Y., 1914. P. 93—94.

¹² Маневич И. А. Эмиграция евреев. М., 1916. С. 3; Бородин Н. А. Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия. Пг.; М., 1915. С. 296.

¹³ New York Tribune. 1881. January 21, 23, 24, 29; February 2; New York Times. 1881. May 11, 13 etc. За редким исключением, американская пресса резко осудила усиление антисемитизма в России в начале 80-х гг. и выступила в поддержку российских евреев, хотя газета «New York Times» продолжала печатать массу противоречивых статей, посвященных еврейскому вопросу в России.

¹⁴ АВПРИ, ф. Канцелярии, оп. 470, д. 105, 1882, лл. 20—23; 46—50об.; 53—54. См. также: New York Times. 1882. February 2, 3, 16; Evening Post. 1882. February 1; Commercial Advertiser. 1882. March 15; Harper's Weekly, 1882. February 11.

¹⁵ Цит. по: Петриковский И. М. В Америку! Из памятной книжки студента-эмигранта. Киев, 1884. С. 32—34.

¹⁶ Congressional Record. 47 Congress. 1st Session. Vol. 13. Part 1. P. 645, 738; Part 7. P. 6691.

¹⁷ Ibid. Part 7. Appendix. P. 651—658.

¹⁸ Congressional Record. 47 Congress. 2nd Session. Vol. 14. Part 3. P. 2939; 48 Congress. 1st Session. Vol. 15. Part 1. P. 279; Part 6. P. 5798; 49 Congress. 2nd Session. Vol. 18. Part 1. P. 288.

¹⁹ АВПРИ, ф. Канцелярии, оп. 470, д. 137, 1883, лл. 40—40об.

²⁰ Foreign Relations of the United States. Washington, 1883. Vol. 38. P. 451. Эта инструкция была прокомментирована в «New York Times». 1882. February 3, May 19. См. также: АВПРИ, ф. Канцелярии, оп. 470, д. 105, 1882, лл. 132—134 об.

²¹ A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. Vol. XI. P. 4758.

²² У. Х. Хант — Ф. Т. Фрелингейзену, 6 ноября 1883 // NARS. R.G. 59. DD. Russia. M35. R. 37.

²³ Joseph S. History of the Baron de Hirsch Fund. The Americanization of the Jewish Immigrant. N.Y., 1935. P. 5; New York Times. 1881. September 15.

²⁴ The Russian Jew in the United States. Ed. by Bernheimer Ch.S. Philadelphia, 1905. P. 64.

²⁵ Прайс Г. М. Русские в Америке. СПб., 1893. С. 15—16; Петриковский И. М. Указ. соч. С. 135—137; Ellen I. M. Russian Jews as Desirable Immigrants // Forum, 1893. Vol. XV. April. P. 173—174.

²⁶ New York Times. 1882. June 5.

²⁷ Joseph S. History... P. 6—9. В 1884 г. М. Гельперин организовал общество помощи колонистам «Montefiore Agricultural Aid Society» и основал еще 9 колоний в штатах Орегон, Канзас, Дакота и Нью-Джерси.

²⁸ The Russian Jew in the United States. P. 76—77.

²⁹ New York Times. 1882. July 16. P. 8.

³⁰ Mayo L. A. The Ambivalent Image. Nineteenth Century America's Perception of the Jew. London; Toronto, 1988.

³¹ «New York Tribune» очень долго придерживалась взгляда, что основную массу российского еврейства составляет слой зажиточных хозяев.

³² New York Tribune. 1882. January 19; May 2, 24, 27; June 13, 28; September 3; 1883. August 5.

³³ New York Times. 1881. September 15, 28; 1882. February 16; March 7; June 16, 19; August 8; October 5, 15; 1883. July 12; 1884. July 24.

³⁴ См., например: Harper's Weekly. 1882. February 11. P. 93, 96; February 18. P. 109; March 4. P. 131; New York Sun. 1883. May 8.

³⁵ Форнберг К. Указ. соч. С. 23; Joseph S. Jewish Immigration... P. 93, 98. По данным Джозефа, с 1881 по 1885 г. прибыло 38273 человека; с 1886 по 1890 г. — 96730 человек. По данным Форнберга, значительно больше: соответственно 64322 и 142545 человек.

³⁶ Маневич И. А. Указ. соч. С. 20.

³⁷ В 1886 г. в России вводится процентная норма для евреев при поступлении в высшие и средние учебные заведения, а в 1889 г. запрещается доступ в адвокатуру, что усугубляет и без того тяжелое положение еврейской интеллигенции.

³⁸ Цит. по: Прайс Г. М. Указ. соч. С. 17—18.

³⁹ Цит. по: Петриковский И. М. Указ. соч. С. 33.

⁴⁰ NARS.R.G. 59. D1. Russia. M77. R. 138. P. 371—372, 382—383.

⁴¹ АВПРИ, ф. Посольства в Вашингтоне, оп. 512/1, д. 27, лл. 9—14.

⁴² Там же, лл. 7—8, 15—22; ф. 137. Отчет МИД за 1887 г., л. 108об.

⁴³ См.: Foreign Relations of the United States. Washington, 1883. Vol. 43. P.

943—945; 948—950; 958—965; A Digest of International Law. Ed. by J.B. Moore. Washington, 1906. P. 633—644.

⁴⁴ New York Times. 1890. August 11, 12, 18, 24; October 19; December 14; *Lanin E. B.* The Jews in Russia // *Fortnightly Review*. 1890. October 1. P. 481—509; The Czar and the Jews // *Blackwood's Magazine* — по публикации в: *Littell's Living Age*. 1890. November 1. P. 283—293; *Hubert P. G.* Russia's Treatment of Jewish Subjects // *Forum*. 1891. Vol. XI. March. P. 103—114; *Hourwich I. A.* The Persecution of the Jews // *Ibid.* August. P. 611—626; *Kent R.* The Persecuted Russian Jews // *The National Review* — по публикации в: *Littell's Living Age*. 1891. September 19. P. 748—753; *Yarros V.* The «Jewish Question» in Russia // *Arena*. 1891. Vol. III. P. 118—121; *Desart E.* Tsar and Jew // *Nineteenth Century*. 1891. Vol. XXIX. January-June. P. 969—978; *Free Russia*. 1891. February. N 2. P. 9 etc.

⁴⁵ АВПРИ, ф. Канцелярии, оп. 470, д. 100, 1891 г., л. 83 об. См. также: АВПРИ, ф. Посольства в Вашингтоне, оп. 512/1, д. 42, лл. 52—53; д. 50, лл. 101—103.

⁴⁶ Закон не был принят лишь благодаря ходатайству министра финансов И. А. Вышнеградского, который опасался, что это затруднит возможность получения внешних займов.

⁴⁷ *Healy A. E.* Tsarist Anti-Semitism and Russian-American Relations // *Slavic Review*. 1983. Fall. P. 414.

⁴⁸ Congressional Record. 51 Congress. 1st Session. Vol. 21. Part 9. P. 8529, 8892; 2nd Session. Vol. 22. Part 1. P. 705; Part 2. P. 1752.

⁴⁹ *Ibid.* 52 Congress. 1st Session. Vol. 23. Part 3. P. 3003; Part 6. P. 5228.

⁵⁰ АВПРИ, ф. 138 Секретного архива министра, оп. 467, д. 118/124, лл. 8—110б; *Foreign Relations of the United States*. Washington, 1893. Vol. 49. P. 363—364.

⁵¹ 1890 г.—20981 чел.; 1891 г.—43457 ч.; 1892 г.—64253 чел.—*Joseph S.* Jewish Immigration... P. 93; 1890 г.—33147 чел.; 1891 г.—42145 чел.; 1892 г.—76417 чел.—*Фюрнберг К.* Указ. соч. С. 19.

⁵² Еще раньше подобная точка зрения была изложена в инструкции госсекретаря *Д. Дж. Блейна* — *Ч. Э. Смит* (*Foreign Relations of the United States*. Washington, 1892. Vol. 48. P. 737—739).

⁵³ «Эмигрирующая масса поразительно бедна, людей состоятельных очень мало, они редкость среди еврейских эмигрантов» (*Маневич И. А.* Указ. соч. С. 15); «Теперешний же люд — все бедняки, они едва имеют средства добраться до первого американского порта» (*Прайс Г. М.* Указ. соч. С. 80).

⁵⁴ *Слиозберг Г. Б.* Дела минувших дней. Записки русского еврея. Париж, 1933. Т. 2. С. 42—66.

⁵⁵ U. S. Congress. House Letter from the Secretary of the Treasury, Transmitting a Report of the Commission of Immigration upon the Causes Which Incite Immigration to the United States. Vol. 1. Reports of Commissioners. A. Ex. Doc. 235. Part 1. 52 Congress. 1st Session. 1892. P. 26—101.

⁵⁶ *Joseph S.* History... P. 10—13; *Hirsch M. de.* Refuge for Russian Jews // *Forum*. 1891. Vol. XI. August. P. 627—633; *New York Times*. 1891. February 10; May 3.

⁵⁷ *Joseph S.* History... P. 13—22; *Bogen B. D.* Op. cit. P. 28—29.

⁵⁸ *Ч. Э. Смит* — *В. Вартоку*, 20 октября 1891 г.; *Ч. Э. Смит* — *Д. Дж. Блейну*, 17 ноября 1891 г.; 24 декабря 1891 г.; 16 января 1892 г. // NARS. R.G. DD.

Russia M35. R. 42; Ч. Э. Смит — Д. Дж. Блейну, 11, 12 апреля 1892 г.; 16 июня 1892 г.; 24 августа 1892 г. // NARS. R.G. 59. DD. Russia. M35. R. 43.

⁵⁹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1892 г. № 73. СПб., 1892. Ст. 773. С. 17.

⁶⁰ Emigration and Immigration. Washington, 1897. P. 324—326.

⁶¹ Foreign Relations of the United States. Washington, 1895. Vol. 51. P. 536—537.

⁶² Дополнительным поводом для беспокойства стали известия о том, что часть колонистов, направлявшихся в Аргентину, затем переезжала в США (Э. Д. Уайт — У. К. Грешаму, 17 февраля 1891 г. // Ibid. P. 538).

⁶³ Porter K. H., Johnson D. B. National Party Platforms: 1840—1964. Urbana. T. 11. 1966. P. 88, 94.

⁶⁴ New York Times. 1890. August 26; October 19, November 9; December 14; 1891. February 6, 13; April 13; May 24; July 17; August 7, 17.

⁶⁵ Ibid. 1891. September 7, 14, 28; October 5, 12, 19, 26; November 2, 9, 16, 23, 30; December 7, 14, 21.

⁶⁶ Последняя мысль была популярна в американском обществе в период депрессии.

⁶⁷ New York Times. 1893. March 6; May 7; July 30; August 25; September 12; December 11; 1895. August 27; September 6; 1897. November 14.

⁶⁸ New York Tribune. 1890. August 12; 1891. May 31; June 5, 28; 1892. May 3; 1893. August 18, 20, 22, 23; 1895. August 11; 1896. August 2; 1898. January 9; September 15; 1899. August 20; September 9; 1900. February 25; April 22; September 30; 1902. October 5.

⁶⁹ Harper's Weekly. 1890. April 19. P. 306; 1895. July 6. P. 636—637; August 7. P. 725; 1899. November 10. P. 1125; Century Magazine. 1892. January. № 21. P. 324—382; February. № 22. P. 513—532; Atlantic Monthly. 1898. July. P. 128—139; Commercial Advertiser. 1898. February 12, 26; March 26; April 19; May 14, 21; August 6; October 29; November 19; December 17, 24, 31; 1899. April 1, 22; June 3; Forume. 1893. Vol. XV. April. P. 172—181.

⁷⁰ Howells W. D. Impressions and Experiences. N.Y., 1896; Me Kenna M. J. Our Brethren of the Tenements and the Getto. N.Y., 1899; Riis J. How the Other Half Lives. N.Y., 1890; Riis J. The Children of the Poor. N.Y., 1892; Riis J. Out of Mulberry Street. N.Y., 1898. See also: The Russian Jew in the United States.

⁷¹ См. переписку между американским послом в С.-Петербурге и госдепартаментом США за 1893—1896 гг. // Foreign Relations of the United States. Washington. 1894. Vol. 50; 1895. Vol. 52; 1896. Vol. 53 etc; A Digest of International Law. Washington, 1906. Vol. III. P. 644—656.

⁷² Foreign Relations of the United States. Washington, 1894. Vol. 50. P. 536—538. Все, что Э. Д. Уайт смог сделать по еврейскому вопросу, — это составить самую подробную и обстоятельную депешу о положении евреев в России. // Foreign Relations of the United States. Washington, 1895. Vol. 51. P. 525—535.

⁷³ Собрание ныне действующих торговых трактатов России с иностранными государствами. С. 192—194.

⁷⁴ Особенно много шуму наделал случай с американским евреем Адольфом Кутнером в 1897 г. Известный бизнесмен Сан-Франциско не смог получить разрешение на посещение своих родственников в России на том основании, что он еврей. Дело слушалось в сенате и послужило толчком для нового всплеска

антирусских настроений (АВПРИ, ф. Посольства в Вашингтоне, оп. 512/1, д. 127, лл. 224—225, 464—465, 737; д. 128/1, л. 565; Foreign Relations of the United States. N.Y., 1968. Vol. 59. P. 442—443).

⁷⁵ *Shankman A. Brothers Across the Sea; Afro-Americans on the Persecution of Russian Jews, 1881—1917 // Jewish Social Studies. 1975. Vol. 27. № 2. P. 114—121.*

⁷⁶ В это время в южных штатах прокатилась волна «судов Линча».

⁷⁷ *Токвиль А. де. О демократии в Америке. М., 1897. С. 32.*

⁷⁸ Об этом см. подробнее: *Журавлева В. И. Кого демократическая Америка выдавала царской России? // Американский ежегодник. 1993. М., 1994. С. 116—126.*

⁷⁹ Об этом см. подробнее публикацию В. И. Журавлевой: «Это вопрос не политики, это вопрос гуманности» // Исторический архив. 1993. № 1. С. 194—209. О восприятии американским обществом российских проблем конца XIX в. см. также: *Журавлева В. И. Социальная и политическая жизнь России конца XIX века: взгляд из Америки // Россия и Европа: поиск единства или апология самобытности. М., 1995. С. 4—18.*

⁸⁰ Об этом см. подробнее: *Энгель В. В. Американский паспорт и русско-еврейский вопрос в конце XIX — начале XX века // Американский ежегодник. 1991. М., 1992. С. 104—120.*

ЕВРЕЙСКИЙ СЕМЕЙНЫЙ ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД Ш. ЗОРИНА

Во время второй мировой войны в Минске было создано гетто, которое по количеству узников занимало на оккупированной нацистами территории СССР второе место после Львовского. В Минском гетто, несмотря на жестокий террор, было мощное подполье. Организованная борьба велась как в самом гетто, так и за пределами города. Из узников Минского гетто были созданы, по одним источникам, семь [1], а по другим — десять партизанских отрядов [2]: 5-й отряд им. Кутузова, отряды им. Лазо, Буденного, Фрунзе, Пархоменко, Щорса, 25-летия БССР, отряды 406 и 106, а также 1-й батальон 208-го отдельного партизанского полка.

Подполье, которое действовало в Минске, выводило евреев-узников в леса, и беглецы попадали в те партизанские отряды, которые их принимали. Путь в партизанский отряд был непростой. Евреи уходили из гетто, надеясь на спасение. Из Минска их выводили проводники, чаще всего это были дети.

Боец отряда 106 Арон Фитерсон, участник гражданской войны, минский подпольщик, утверждал, что после очередной акции в гетто ему, знавшему дорогу в Старосельский лес, поручили вывести детей из Минска. Впоследствии их стали использовать в качестве проводников. Это были: Катя Кеслер, одиннадцатилетняя Сима Фитерсон (у нее были документы о том, что она русская), Давид Клионский, Рахили Гольдина, Моня и другие. Многих узников Минского гетто привели они в отряды. Сима Фитерсон стала известна в СД, ее разыскивали. Уничтожили ее мать, расстреляли отца, сама Сима чудом уцелела (Архив Яд Вашем М-41/19 л. 20).

Об этом рассказывают и другие партизаны, которые вспоминают, что пионерку Симу Фитерсон направили для установления связи с партизанским отрядом. Эта девочка оказалась очень способной и находчивой. Ей удалось установить связь с бригадой им. Фрунзе и отрядом им. Пархоменко. К приходу Симы в гетто подпольщики подготавливали группу вооруженных людей, кото-

рых она уводила в отряды. Уже упомянутый Арон Фитерсон выбрал двух мальчиков — Давида Клионского и Боньку Гамера, которых Сима познакомила с дорогой, и они также стали прекрасными проводниками (там же, л. 9).

В своих воспоминаниях Анна Семеновна Мочиз-Левина тоже говорит о детях-проводниках, среди них — о Бене, которому было 12 лет, но фамилии которого она, к сожалению, не запомнила. Бенья вывел из гетто более 100 человек и погиб во время одного из боев. Другой мальчик — Давидка Клионский, пишет Мочиз-Левина, 12 раз ходил в Минское гетто и выводил людей, а Фаня Гимпель выводила из гетто врачей (М-41/12(2) л. 30). В других источниках названы и другие проводники-дети: Броня Звало, Вилик Рубежин, Броня Гамер, Катя Перегонок, Леня Модхилевич, Миша Лонгин, Леня Меламуд, Альберт Майзель (3-41).

В ноябре 1941 г. из гетто выбралась первая вооруженная группа евреев во главе с Б. Хаймовичем. В феврале-марте 1942 г. поиски партизан оказались неудачными и почти вся группа погибла.

10 апреля 1942 г. из Минска вышла вооруженная группа с И. Лapidусом, Оппенгеймом и В. Лосиком, которая выросла впоследствии в партизанский отряд им. Кутузова 2-й Минской бригады.

Находясь в гетто, евреи чувствовали себя обреченными. И все же, когда им удавалось бежать из него, они не считали себя уже спасенными, так как не имели поддержки и сочувствия неевреев (за редким исключением).

Выйдя из гетто, они ждали проводников, которые уводили их в отряды. Но бывали случаи, когда бывшие узники не дожидались проводников и уходили искать партизан. Не найдя партизан, они возвращались в гетто. В нем, они знали, их ждет смерть, но, быть может, не сразу, что на какое-то время она отодвинута. А вне гетто они будут уничтожены сразу, как только будут обнаружены. Единственное место, где евреи были бы частично в безопасности, — это партизанские отряды, куда их принимали не очень часто и не очень охотно. Чаще отказывали.

В своем свидетельском показании, данном сотруднице Яд Вашем в ноябре 1991 г., бывший боец отряда 106 Фейгельсон утверждает, что довольно часты были случаи, когда евреи, попавшие с таким трудом в отряд, уничтожались самими партизанами. Для этого евреев ставили на боевое дежурство, а потом обвиняли

в том, что они засыпали на посту, и расстреливали (М-03/6679 с. 19).

Но в данный момент нас интересует одно из многих партизанских формирований, созданных на оккупированной Белоруссии, — семейный отряд 106, или отряд Зорина. О возникновении отряда мы узнаем из рапорта начальника штаба отряда и комиссара отряда начальнику оперативного отдела Белорусского штаба партизанского движения от 2 августа 1944 г. В этом документе говорится, что отряд возник в конце апреля 1943 г. (М-41/87 л. 24). Это подтверждают и другие документы. Так, в приказе по отряду № 36 от 3 октября 1943 г. указывается, что представители «Партии и Правительства 5 месяцев тому назад поручили командиру отряда тов. Зорину организовать семейный отряд для сохранения жизни еврейских женщин, детей и стариков, мужа, сыновья и отцы которых сражаются за свободу народов на фронтах Отечественной войны» (М-41/83 л. 22).

Это же утверждает и Феликс Липский в своем материале об отряде, опубликованном в 1994 г. Автор попал в отряд четырехлетним мальчиком вместе со своей матерью из Минского гетто. Вот что пишет Ф. Липский: «Одним из первых приказов командира Барановичского партизанского соединения Василия Чернышева («Платон») было решение создать из разрозненных групп, бежавших из гетто, семейный отряд. Для этой цели из отряда им. Буденного выделили кавалерийский взвод во главе с Шоломом Зориным» (3-41).

Бывший боец отряда 106 Фейгельман в интервью для Яд Вашем предлагает другую версию возникновения отряда 106. Суть ее заключается в том, что когда он, Фейгельман, выбрался из Минского гетто и добрался до партизан, то встретился с командиром партизанского отряда им. Пархоменко Семеном Гонзенко и стал просить его принять в отряд бежавших с ним евреев. Но командир отряда отказал, мотивируя это тем, что его отряд не имеет постоянного лагеря, он передвижной и дислоцируется в небольших лесах. Гонзенко тут же посоветовал евреям отправиться в Налибокскую пушу, куда из его отряда убежал Зорин, его бывший командир разведки, а вместе с ним бежали еще десять вооруженных евреев-партизан. Тот же Гонзенко объяснил, что те бежали потому, что в отряд евреев не принимали.

Согласно тому же Фейгельману, по лесам бродили еврейские женщины, старики и дети и Зорин этого перенести не мог и решил бежать, чтобы создать такой отряд, где найдется место для

любого еврея. Автор воспоминаний утверждает, что Гонзенко отдал приказ найти дезертира Зорина и живого или мертвого доставить в отряд для расправы (М-03/6679 с. 18).

История создания отряда 106 отразилась в официальных документах. В цитате, которая была приведена выше из рапорта, мы видим, что была задача «сохранить жизни еврейских женщин, детей и стариков». Далее в этом рапорте говорится, что в момент создания отряда уничтожение евреев в Минском гетто приняло массовый характер, что фашистские захватчики вынесли смертный приговор всему еврейскому населению и что еврейская молодежь уходит из гетто, чтобы вместе с другими мстить нацистам, приближать разгром вероломного врага. Но из гетто удастся уйти не только молодым, но и сотням женщин, детей и стариков, которые стремятся спасти свои жизни.

«Но боевые отряды не имели возможности,— читаем в рапорте,— принять такое количество неспособных к боевым действиям людей: женщин, детей и стариков, ибо это грозило ослаблением боеспособности» (М-41/87 л. 24).

Повторим еще раз, что в лесах вокруг Минска беспомощно бродили группы евреев, которые не могли попасть по известной уже нам причине в партизанские отряды. В документе указывается, что, «учитывая сложившееся положение и руководствуясь приказом товарища Сталина о сохранении жизни советских граждан, находившихся на территории оккупированной местности, командование Сталинского соединения отряда им. Буденного... одобрило командира конного взвода отряда Буденного Зорина Семена Натановича, разрешив ему и оказав содействие в организации национального отряда» (там же, лл. 24—25).

В документальной повести «Десятый круг» приводятся воспоминания Ефима Фейгельмана: «В апреле сорок третьего из отряда Буденного, входившего в состав бригады имени Сталина, был выделен кавалерийский взвод для сбора разрозненных групп населения, скрывавшихся в лесах от оккупантов. Так началась биография 106-го отряда» (4-290).

Отметим, что ни в одном документе Советского правительства и ЦК ВКП(б) не говорится о необходимости спасти жизни людей, тем более спасти именно евреев. А поэтому ссылка на товарища Сталина о сохранении жизни советских граждан на оккупированной территории или в районах, которым грозила оккупация, просто относится к области мифотворчества для создания имиджа заботливого «отца народов».

Далее в рапорте утверждается, что Зорин получил приказ выводить евреев из гетто, чтобы сохранить им жизнь. И что для этого будто бы командование отряда им. Буденного выделило организатору семейного отряда 18 вооруженных бойцов и что эта группа приступила к выполнению задания и стала выводить людей из гетто Минска. К концу мая 1943 г. отряд уже насчитывал 110 человек, в том числе 25 вооруженных бойцов (М-11/87 л. 25).

Возник отряд в лесах Дзержинского района возле деревни Скирманово (4-290), леса которого не могли быть безопасными для семейного отряда, а поэтому командование соединения им. Сталина приняло решение направить отряд в Налибокскую пушу.

Ефим Фейгельман говорил, что когда лагерь перебазировался в Налибокскую пушу, то расположился близ деревни Клетиче Ивенецкого района, и что были выделены проводники для вывода оставшихся людей из гетто. В основном подростки: Миша Столяр, Маша Васкович и их друзья (там же). В скором времени лагерь в Налибокской пуше приобрел вид настоящей партизанской базы. «Палатки были выстроены вдоль одной линии с двух сторон, вроде улицы, и были замаскированы зеленью (ведь дело было летом). Даже днем партизанам не разрешалось разжигать костров, потому что боялись немецких самолетов, которые могут их обнаружить. Нельзя было протаптывать дорожки, это тоже могло привлечь внимание. Для топки собирали исключительно сухие ветки, которые не давали дыма» (03.2245 л. 27).

Долгое время отряд носил название «Семейный отряд Зорина». Только 25 марта 1943 г. на основании приказа № 4 Белорусского штаба партизанского движения по Барановичской области отряд получил наименование «Партизанский отряд 106» (М-41/83 лл. 49, 135). Хотя и после этого его по традиции продолжали называть еврейским семейным отрядом. О чем свидетельствуют многочисленные обращения в отряд других партизанских формирований. В 1983 г. в Минске была издана обстоятельная работа о партизанских формированиях Белоруссии периода Отечественной войны 1941—1945 гг. Эти сведения содержат характеристики организационной структуры партизанских соединений, бригад, полков, отрядов, батальонов и статистические сведения о их личном составе. Но вот сведений об отряде 106 нет, как нет упоминаний и о других еврейских партизанских формированиях (например, отряд Бельского и др.). Есть еще одна деталь. В справках об отрядах приводится общее число бойцов в отряде, число мужчин и женщин, а далее приводятся сведения о коли-

честве партизан по национальностям. При этом выделяются отдельно белорусы, русские и украинцы, а все другие идут в графе «другие национальности». Евреи отдельного определения не получили, хотя были формирования, где их было значительное число [5].

Начав жить самостоятельной жизнью, отряд вел свою штабную документацию. Первый приказ по отряду датирован 5 июня 1943 г. (М-41/83 л. 3).

Отряд постоянно пополнялся новыми бойцами за счет бежавших из гетто евреев. Так, командир отряда им. Фрунзе направил в отряд Зорина письмо, в котором говорится, что его отряд в Заславском районе подобрал людей, бежавших из Минского гетто, что все они — один мужчина и четыре женщины — передаются в отряд Зорина (М-41/83 л. 90).

По приказу генерал-майора Платона, секретаря подпольного обкома ВКП(б) по Барановичской области, от 28 января 1944 г. в отряд зачислены 13 бойцов (все они евреи; М-41/83 л. 41). Командир бригады им. Фрунзе направил в семейный еврейский отряд сообщение, в котором указывалось, что на основании распоряжения представителя Ивенецкого межрайцентра партизанского движения в отряд Зорина передаются 28 евреев, из них вооруженных винтовками — 12 человек (М-41/83 л. 103).

Были случаи, когда бойцы отряда просили принять в отряд своих уцелевших в гетто родственников (М-41/83 л. 155). Согласно «Сведениям о составе Еврейского семейного партизанского отряда на 1 января 1944 года», в его составе было 556 человек, все евреи (М-41/83 л. 127).

Из общего числа партизан отряда 258 дали ответ о своей профессии, или 46,4 процента всех бойцов данного отряда (М-41/83 л. 127).

Профессия	Количество	В % ко всем названным профессиям
Партработники	1	0,38
Колхозники	1	0,38
Рабочие	117	45,34
ИТР	11	4,26
Медработники	13	5,03

Работники милиции и НКВД	3	1,16
Учителя	7	2,71
Другие профессии	105	40,69
Всего	258	100

В отряде было 12 военнослужащих: 3 представителя среднего комсостава и 9 младшего комсостава. То, что в отряде был всего один колхозник, говорит о том, что все партизаны были горожанами; документы утверждают, что все они были местными. В отряде было 280 женщин; 550 бойцов стали партизанами в 1943 г., лишь один — в 1942 г.

Возрастной состав членов отряда (М-41/83 л. 127).

До 20 лет	240	43,16
От 20 до 30 лет	129	23,20
От 30 до 40 лет	97	17,44
Старше 40 лет	90	16,18
Всего	556	

Образовательный уровень членов отряда (М-41/83 л. 127).

	Количество	%
Высшее	25	5,47
Среднее	136	30,0
Низшее	296	64,77
Всего	457	

После того как отряд перебазировался в Налибокскую пушу, он был разделен на группы. Приказ № 012 от 9 июня 1943 г. выделяет в отряде боевую и хозяйственную роты, а также подготовительный взвод (М-41/83 л. 9).

Командиром боевой роты был назначен Копелевич П. Б. В свою очередь боевая рота имела два взвода. К тому времени она

насчитывала 45 бойцов и имела на вооружении один пулемет; ее бойцы были вооружены винтовками.

Задача боевой роты была поставлена следующая: выводить людей из гетто, охранять семейный лагерь, снабжать продовольствием весь отряд.

В отряде кроме боевой роты была и семейная группа, которая на 19 июля 1943 г. насчитывала 270 человек (М-41/87 л. 25).

В документах отряда перечисляются следующие должности, которые были в данном партизанском формировании: командир отряда, комиссар, начальник штаба, уполномоченный особого отдела, командир боевой роты, командир хозяйственной роты, командиры боевых и хозяйственных взводов, комендант лагеря, главврач (М-41/83 л. 140).

Жизнь отряда была тревожной. 13 июля 1943 г. началась большая блокада Налибокской пуши, которая продолжалась до 6 августа. Командованию отряда удалось вывести людей из вражеского окружения благодаря хорошо действовавшей разведке (М-41/83 л. 24). При этом, чтобы уходить налегке, пришлось выпустить коров и лошадей. Семейный отряд был легко уязвим. Нацисты знали это и стремились уничтожить отряд Зорина. У одного из убитых карателей партизаны нашли планшечку с картой, на которой было обозначено расположение отряда с такой пометкой: «Юден-отряд, маловооружен» (4-292). Это произошло до начала блокады. Таким образом, еврей-партизаны стали готовиться к блокаде и к передислокации лагеря. Но сняться с места было трудно из-за детей и стариков (03.2245 л. 29).

Во время блокады спасением стал остров среди болот, носивший название Красная Горка. Попастъ туда можно было только через трясину. Еврей-партизаны пилили лес, гатили дорогу, переходили по настланным бревнам, потом растаскивали их, снова пилили, гатили и так до самого острова. Каратели боялись лезть в трясину. После снятия блокады отряд вернулся в старый лагерь, где вновь собрали скот (4-292).

Во время перехода пришлось двигаться цепочкой, один за другим, до половины в воде. «Маленькие котомки с вещами, картошкой или сухарями пришлось выбросить в болото, ведь не было сил тащить детей вместе с вещами» (03.2245 л. 30).

После снятия блокады 16 августа 1943 г. приказом № 022 М. Пелес был назначен командиром строительной группы. Перед этой группой была поставлена задача, которую в приказе определили как боевую, потому что выполнение ее имело громадное

значение для жизни отряда. Тот же приказ определил график работы: начало работы в 5 часов утра, а окончание в 9 часов вечера. Завершить работу было приказано к 12 часам дня 17 августа 1943 года (М-41/83 л. 14). Ефим Фейгельман вспоминает: «Зимой жили в землянках, вырытых в сохранившихся траншеях первой мировой войны, летом в шалашах. Конечно, не до комфорта было» (4-291).

В конце мая 1944 г. командование отряда получило разрешение от вышестоящего руководства на создание диверсионной группы, которая сразу же начала действовать (М-41/87(2) л. 24).

Командир роты Тамаркин М. И. докладывал, что он с группой партизан в составе Черняка Л., Хейфица Ш. Г., Залмана Л., Дульца Н. и Перельмана в ночь с 5 на 6 июня установили мину на дороге Минск — Кайданово у Невелижского моста. В результате взорвана автомашина, шедшая из Минска. Погибли два оккупанта, трое были ранены (М-41/87(2) л. 20).

А в ночь с 11 на 12 июня группа подрывников еврейского семейного отряда в составе Дульца Н. (старший группы), Залмана Л., Тейфа А., Перельмана и Конюха установила мину на железнодорожном полотне (против деревни Шатила). В результате взрыва был пушен под откос эшелон, шедший из Минска на запад. Взорванными оказались паровоз, 8 платформ с автомашинами и танками и одна платформа с немецкой охраной. Были убиты шестеро оккупантов и четверо ранены. Раненых отправили в Кайданово, но по дороге они скончались. Движение на данном участке было приостановлено на 8 часов (М-41/87(2) л. 18).

На следующую ночь, с 12 на 13 июня 1944 г., группа подрывников в составе: старшего группы Хейфица, Льва Черняка, Льва Фрайсмана и Михаила Палеса — установила мину на шоссе Минск—Кайданово (в двух км от Кайданова). При взрыве были уничтожены автомашина и два оккупанта (М-41/83(2) л. 17).

Важной задачей партизан было уничтожение мостов. Так, в ночь на 15 июня евреи-партизаны сожгли мост длиной более 10 метров по дороге из Кайданова в Волпу (М-41/87(2) лл. 16, 19).

В начале июля 1944 г. отступающие немецкие части подошли к Налибокской пуще, где находился отряд. Отрядная разведка донесла, что из Клетища по направлению к Красной Горке движется немецкий отряд в 200 солдат, преимущественно автоматчики. Была устроена засада из 25 бойцов. Другая группа партизан отряда заняла вторую линию обороны.

В 11 часов нацисты подошли вплотную к засаде. Завязался

бой, который длился около получаса, пока у партизан не кончились боеприпасы. В этом бою были ранены командир отряда Зорин, командир взвода Марошек и боец отряда Макс Конюх. Были убиты 6 нацистов, 2 ранено, а 5-х взяли в плен (М-41/87(2) лл. 23 и 17).

Об этом же вспоминает Ефим Фейгельман: «Шестого июля сорок четвертого (Минск уже был освобожден) и приняли последний, неравный бой в районе хутора Борки.

Из дальнего дозора передали: группа немцев движется в нашем направлении. Оказалось, разведка. За ней шла хорошо вооруженная группа гитлеровцев, прорывавшихся на запад. Что делать? Открыть им дорогу? Ведь с нашими силами ставить заслон бесполезно. Решили сразаться до последнего. Бой выдался жестокий. Мы потеряли шесть бойцов, немцы оставили убитыми около сорока человек. Затем мы начали их преследовать. Помогли другие отряды. В итоге группа была уничтожена, несколько десятков фашистов взяты в плен» (4-292-293).

Для того чтобы отряд жил нормальной жизнью, нужна хорошо организованная хозяйственная деятельность. В отряде Зорина старались хорошо наладить эту форму деятельности, и не только для себя, но и для того, чтобы помочь соседним партизанским формированиям.

В приказах по отряду мы встречаем упоминания о различных должностях, которые свидетельствуют о его развитой хозяйственной инфраструктуре. В отряде была должность начальника продовольственной части (М-41/83 л. 5), заведующего скотным двором (там же, л. 4) и др. Кроме этого, мы встречаем упоминания о строительной группе (там же, л. 14), о столовой, пекарне, колбасном цехе, мельнице (там же, л. 55), а так же о мастерских (там же, л. 43). Мастерские были разные, среди них сапожная и портняжная (там же, л. 55). Е. Фейгельсон вспоминал, что у отряда было стадо коров в 50 голов и что это было большим подспорьем в условиях, когда из гетто к ним попадали люди, страдающие дистрофией (4-291-292).

Но и хозяйственная деятельность отряда часто сопровождалась боевыми действиями. Вот один из примеров. В ночь с 17 на 18 ноября 1943 г. группа бойцов еврейского отряда подъехала к деревне Дубнинки Ивенецкого района. На окраине бойцы были остановлены постом польских легионеров, которые предупредили их о том, что в Дубнинках расположился польский отряд (М-41/83 л. 32).

Узнав об этом, еврей-бойцы приняли решение в данную деревню не входить и направились в соседнюю — Собаковщину, расположенную в 500 метрах от Дубнинок, где приступили к выполнению своего хозяйственного задания. Уже было собрано полтора пуда ржи, полпуда овса и 2 рваные куртки. В это время крестьянин деревни Собаковщина Константин Воропай, возмущенный тем, что партизаны проводят сбор продуктов, пожелал искать защиту у легионеров в Дубнинках и заявил: «Жиды грабят!»

Легионеры под командованием хорунжего польской кавалерии Наркевича окружили Собаковщину, в которой находились партизаны-евреи, и открыли пулеметный огонь. Бойцы еврейского отряда, не зная, что деревню окружили легионеры-поляки, решили, что попали под обстрел немцев или полицейских. Партизаны бросились к повозкам и лошадям, но пулеметный и ружейный огонь вынудил их отступить из деревни.

Через некоторое время, когда стрельба прекратилась, разведка донесла, что стреляли легионеры и что они увели лошадей и повозки. Тогда евреи направились в Дубнинки с требованием возвращения захваченных 4-х повозок и 6-ти лошадей.

Конные легионеры напали на евреев-партизан. Одному из них проломили череп, сломали руку, остальных избили, стремясь разоружить. Евреи оказали сопротивление. Но силы были неравными, и бойцам пришлось сдать оружие. Их связали и отвели в одну из изб, где над ними издевались остаток дня и всю ночь.

Утром следующего дня плененных бойцов по приказу Наркевича разделили на две группы: западников и восточников (то есть выходцев из восточных районов Белоруссии и западных, которые вошли в состав СССР после сентября 1939 г.).

— За что воюете? — спрашивал Наркевич у западников. Те отвечали ему:

— За Советскую власть!

Удары сыпались на них с новой силой. У одного из еврейских бойцов, Лени Оппенгейма, они спросили, не комсомолец ли он? Тот ответил, что комсомолец и что воюет за Сталина, за власть Советов. За это его жестоко избили.

Связав бойцов попарно, их повели через болото в лес, где расстреляли. Один из бойцов, Лев Черняк, упал и притворился мертвым, но легионеры заметили это и еще раз выстрелили в него. Пуля попала в фуражку. Он вновь уцелел и снова притворился мертвым. Легионеры ушли. Этим воспользовались Черняк

и раненый Абраша Теперь. Они добрались до своего лагеря и рассказали о смерти 10 евреев-партизан (М-41/83 л. 35). В других документах число погибших определяется в 11 человек (М-41/87(2) л. 26).

Феликс Липский называет десять имен погибших: Хаим Сагальчик, Леня Фишкин, Ефим Раскин, Зяма Озерский, Гриша Чарно, Шолом Шолков, Михаил Плавчик, Леня Оппенгейм, Израиль Загер, Зяма Аксельрод (3-42). В 1965 г. прах погибших был перезахоронен в г. Ивенец (там же).

Отряд жил, боролся и действовал. При этом было то, что он испытывал и враждебное отношение к себе, и полное равнодушие. Но определенная часть партизан-неевреев из других отрядов и местного населения помогали еврейскому отряду. Это способствовало выживанию отряда. Процесс же этих взаимоотношений очень сложен и запутан, но попробуем на конкретных примерах разобраться в них.

20 августа 1943 г. Ивенецкий межрайцентр партизанского движения поставил задачу перед еврейским отрядом заготовить 5 тыс. пудов хлеба. Учитывая важность этой задачи, руководство отряда своим приказом создало 4 полевых бригады. И для них был составлен следующий распорядок дня: подъем в 6 часов утра, в 7 часов — начало работы, в 9—10 часов — завтрак, в 2—4 часа — обед, конец работы (М-41/83 лл. 14, 15).

Хозяйственные заготовки, то есть сбор у населения сельхозпродуктов, необходимых для жизнедеятельности партизанских формирований, не имели форму безжалостной экспроприации. Бывали случаи, когда в той или иной деревне у крестьян не было продуктов из-за неурожая. Тогда составляли акт, который подписывали со стороны отряда начальник штаба, а от имени крестьян деревни их представитель. Такой акт был подписан в деревне Клецище в июле 1943 г., где говорилось, что ее жители не смогут оказать помощь партизанам отряда (М-41/83 л. 123).

Заготовка продовольствия велась и с полей вокруг сел и деревень, из которых оккупанты выселили жителей. В таких случаях необходимо было разрешение командования. Это подтверждает документ, выданный командиру еврейского отряда 17 августа 1943 г. (М-41/83 лл. 111, 120).

Иногда помощь местного населения еврейскому отряду выражалась в том, что закупали продукты на базарах. Но чтобы их не отнимали партизаны других отрядов, заготовителям выдава-

лись документы, подписанные командиром Зориным (М-41/83 л. 181).

Все собранное во время хозяйственных операций подлежало строгому учету. Отряд 106 дислоцировался не в одном месте, не компактно, а двумя лагерями. Один из них носил название «Рудня Налибокская», а другая — «Теребейну». Партизаны лагеря «Рудня Налибокская» провели хозяйственную операцию, добыв при этом различные вещи, которые потом были розданы бойцам.

Узнав об этом, командир отряда Зорин приказал командиру группы «Рудня Налибокская» передать в группу «Теребейну» половину имеющегося у него запаса соли, а все вещи, добытые во время хозяйственной операции, собрать у бойцов и явиться с этими вещами к руководителю отряда. Приказом по отряду за № 037 от 9 октября 1943 г. указывалось, что хозяйственные операции в дальнейшем должны проводиться исключительно с целью обеспечения отряда мукой, зерном и кормом для лошадей (М-41/83 л. 24).

Документы отряда позволяют сделать предположение о том, что до начала хозяйственной операции давалось распоряжение не только что заготовить, но и сколько. В октябре 1943 г. руководство отряда отдало распоряжение о том, что с целью обеспечения отряда необходимым продовольственным резервом боевой роте в «Рудне Налибокской», и в «Теребейну» следовало произвести заготовки. План предполагал, что в период с 31 октября по 4 ноября 1943 г. необходимо заготовить: ржи — 40 пудов, муки — 20 пудов и 20 пудов овса. Кроме продовольствия, необходимо было добыть 15 досок, несколько лопат, 2 литра керосина, одно ватное одеяло, 3 подстилки (М-41/83 л. 22).

При этом отряд имел право проводить данные операции лишь там, где это было определено командованием Белорусского партизанского движения. Так, уполномоченный ЦК КП(б) Белоруссии и Белорусского штаба партизанского движения по Ивенецкому межрайцентру выдал удостоверение в том, что отряд имеет право проводить хозяйственные операции в Столбцевском и Любчанском районах (М-41/83 л. 128).

А командир партизанской бригады им. Чапаева, куда входил отряд 106, определил, что еврейский семейный отряд будет вести заготовки в январе 1944 г. в следующих деревнях Ивенецкого района: Большие и Малые Новки, Слободка (Тиковая Слобода), Насоли (М-41/83 л. 129).

Во время хозяйственных операций часто находили награбленное добро убитых евреев. Случалось, что евреи-партизаны находили порванные «Сейфер Торы», из пергамента которых крестьяне делали подклейки к сапогам, а из кожаных переплетов книг из синагогальных библиотек — портфели для своих детей (03.2245).

В преддверии зимы 1943/1944 г. перед отрядом была поставлена задача подготовки к переходу жизни отряда в зимних условиях. Для этого приказ № 038 от 12 октября 1943 г. определил три задачи: построить лагерь, заготовить на зиму овощи, обеспечить бойцов отряда одеждой и обувью, годной для зимы. Для их выполнения предусматривалось создание группы для постройки зимнего лагеря, группы, которая будет заниматься заготовкой овощей. А для изготовления зимней одежды и обуви предполагалось объединить работу всех портных и сапожников отряда (М-41/83 л. 25).

Продолжая разговор о хозяйственных функциях, заметим, что бывали случаи, когда отряд координировал свою деятельность с другими партизанскими отрядами. Для этого в штаб бригады направляли старшину еврейского отряда для выяснения даты проведения операции и других вопросов (М-41/83 л. 164).

Отряд, заготавливая продовольствие для себя, должен был отдавать часть заготовленного другим отрядам. Так, в приказе № 038 от 7 января 1944 г. по бригаде им. Жукова говорится, что на основании распоряжения вышестоящих органов партизанского движения семейный отряд Зорина не позже 14 января 1944 г. обязан доставить в штаб бригады для отряда им. Суворова 25 пудов зерна и 1 корову, а для отрядов им. Рокоссовского и «Мститель» — по 10 пудов зерна. Кроме этого, в приказе указывалось на необходимость сбора одежды для передачи другим отрядам (М-41/83 л. 157).

Взаимодействие еврейского отряда с другими партизанскими формированиями строилось и на том, что отряд 106 оказывал помощь, выполняя для них различные хозяйственные работы. Это объясняется тем, что в еврейском отряде были квалифицированные специалисты.

Среди писем, поступавших в отряд из других партизанских формирований, многие содержат просьбы о направлении в данные формирования специалистов для оказания различных видов помощи. В отряд им. Буденного просили прислать портного на несколько дней (М-41/83 л. 80), в бригаду им. Сталина — парик-

махера (там же, л. 86), в отряд «Мститель» — сапожника, и обязательно с инструментом (там же, л. 167).

В отряде были и другие специалисты, которых по просьбе направляли для выполнения различных работ. Среди них были мастера по ремонту пишущих машинок (М-41/83 л. 180), мастер, который умел изготавливать ложа для винтовок и автоматов (там же, л. 167). В еврейском отряде был налажен ремонт оружия. Одно из писем содержит просьбу возвратить пистолет, отданный для ремонта (там же, л. 93). Частыми были просьбы направить машинисток. Вероятно, в семейном отряде их было несколько (там же, лл. 160, 172, 211).

Была просьба прислать наборщика. Но просили предварительно проверить, где предлагаемый работал раньше. И тут же сообщается, что, по непроверенным данным, в отряде есть наборщик и что это Трахтенберг (там же, л. 177).

Просьб было много, и почти все они, судя по документам, удовлетворялись. При этом часто писали письма, содержащие благодарности за работу, выполненную евреями-партизанами (М-41/83 лл. 115, 116, 157).

Нехватка медикаментов создавала трудности не только для еврейского отряда, но и для всех соседних. А дело в том, что медицинская служба семейного отряда обслуживала не только свой отряд, а всю округу. Об этом свидетельствуют многочисленные письма и записки с просьбой прислать в тот или другой отряд медицинских специалистов.

Вот несколько примеров: в отряд им. Фрунзе просили прислать хирурга для оказания помощи тяжелораненым (М-41/83 л. 83), в штаб партизанского движения просили прислать стоматолога (там же, л. 84) и врача, который может помочь роженице (там же л. 88). Выезды врачей для оказания помощи были довольно частыми (М-41/83 лл. 161, 162 и др.).

Были случаи, когда в отряд Зорина направляли партизан из других отрядов для получения медицинской помощи (М-41/83 л. 183). Иногда в семейный отряд поступали просьбы о направлении врача в другие отряды не потому, что там их не было, — лишь потому, что квалификация и опыт врачей отряда 106 были выше. К тому же не во всех отрядах у врачей был нужный инструментарий (там же, лл. 92, 168 и др.).

Документы свидетельствуют о том, что первым врачом отряда был назначен Гирш М. С., медсестрой Гирш Р. В., а зубным врачом Пахуцкий Л. Б. Зафиксировано это в приказе № 015 от 9

июля 1943 г., то есть в самом начале существования отряда (М-41/83 л. 10). 14 сентября того же года доктор Гирш и его жена были переведены в отряд им. Дзержинского, а врачом отряда Зорина была назначена Васкович Ф., а медсестрой Дорфман. Им было приказано привести в порядок все медицинские инструменты, особое внимание приказано обратить на санитарное состояние лагеря (М-41/83 л. 18).

Когда отряд в количественном отношении вырос, в нем, вероятно, уже было несколько врачей. Во всяком случае, в приказах фигурируют главврач и его заместитель (М-41/83 л. 28). Главврачом была Розалия Лившиц, преподаватель Минского медицинского института. Врачами работали Фаина Васкович, Рахель Раппорт, Даша Фридман, Лев Пахуцкий, Соломон Смолянский, фельдшер Анна Гольбурт, медсестры Геня Кац и Ольга Лейбович (3-41).

Ефим Фейгельман вспоминает: «Внезапно началась чесотка. Думали-гадали, чем лечить, и надумали. Взяли железную бочку, внутрь положили березовую кору, много коры. Разожгли под бочкой костер, предварительно сделав в ней боковые отверстия. Оттуда потекла густая темная древесная смола — деготь. Намазали людей. И побороли чесотку» (4-291).

Среди приказов по отряду есть один, нетипичный для боевой обстановки, но который может быть понят в контексте того, что отряд был «семейным». Так вот, приказ № 066 от 3 марта 1944 г. предписывал главврачу Лифшиц Р. О. прекратить производство абортс с 4 марта за исключением наличия врачебного заключения о необходимости прервать беременность из-за плохого состояния здоровья (М-41/83 л. 46). Подобные справки мы находим среди документов отряда (там же, л. 166).

Ведя вооруженную борьбу с врагом и хозяйственную деятельность, оказывая различные виды помощи соседним партизанским формированиям, еврей-партизаны делали все, чтобы приблизить разгром врага. Отряд Зорина сдал старшине штабной роты бригады им. Сталина в фонд борьбы с врагом 15 рублей золотом, 500 рублей советскими деньгами, 396 марок, золотую цепочку и золотой браслет (М-41/83 л. 125).

В начале 1944 г. ЦК КП(б)Б и Белорусский штаб партизанского движения обратились с письмом ко всем областным подпольным комитетам ВКП(б)Б, командирам и комиссарам партизанских отрядов и бригад. В этом письме говорилось, что по почину рабочих и колхозников освобожденных районов Бе-

лоруссии широко развернулось народное и патриотическое движение по сбору средств из личных сбережений в фонд обороны. Поэтому в данном письме предлагалось организовать сбор средств (М-41/83 л. 130). Откликнулись на этот призыв и бойцы еврейского отряда. В этот раз они собрали и сдали в марте 1944 г. в фонд обороны 4 кг серебра, 6 золотых пластин, 1 футляр от золотых часов, 8 золотых зубных коронок, 6 золотых зубов и 60 долларов (М-41/83 л. 131).

Как уже говорилось выше, почти половина личного состава отряда были в возрасте до 20 лет. Среди них было более 150 детей, которых подбирали в лесах. Это были дети-сироты, о которых командование отряда проявляло большую заботу (3-42). Все дети были одеты и обуты. Маленьким детям выдавали молоко, выделяли лучшую пищу. Для детей делали специальные землянки с хорошими печками (3-42).

Попав в отряд, дети, чем могли, помогали взрослым. И все-таки они оставались детьми и их надо было чем-то занять. И как вспоминает Е. Фейгельман, решили открыть для них школу. «Да, школу, — говорит он, — только, естественно, без парт, учебников, тетрадей, мела и ручек... В отряде были и учителя, они-то и стали заниматься с ребятами. Писали на обрывках бумаги и даже на песке» (4-292). Очень много для школы сделала Дора Зуперман (3-42).

Все, что партизанам удавалось достать, в первую очередь шло детям. Из парашютного шелка пошили им рубашки и блузки. Ходили ребята в пионерских галстуках. Для этого бойцы достали где-то красный шелк (4-292).

В отряде была и пионерская дружина. Пионервожатой стала Лиля Копелевич. Пионеры отправили в Москву свой рапорт, в котором они рассказали о муках и страданиях, пережитых еврейскими детьми (4-292).

Евреи-партизаны прекрасно понимали, что во многом их судьба зависит от отношения к ним нееврейского населения.

Командование отряда, да и бойцы не только брали у жителей необходимое для ведения борьбы с врагом, но и стремились помочь, как могли, крестьянам окрестных деревень. Документы рассказывают, что семье партизана Вонсовича оставили лошадь (М-41/83 л. 186). Для сельскохозяйственных работ оставили лошадь и другой крестьянской семье (там же л. 187).

Отряд 106 оказал помощь крестьянам деревни Клецище в проведении весенне-полевых работ. Об этом свидетельствует

протокол собрания крестьян данной деревни от 4 мая 1944 г. Протокол фиксирует, что помощь будет оказана тягловой силой, некоторой частью семян и людьми (М-41/83 лл. 148—150).

Помощь действительно была оказана. Так, среди документов есть заявление крестьянина деревни Клеетище, где говорится, что лошадь, которую ему выделили для посевных и других работ, оказалась непригодной из-за болезни и он просит ее заменить (М-41/83 л. 151). Его просьба была удовлетворена. Но в данном случае этому крестьянину не повезло потому, что, как видно из его нового заявления от 28 апреля, боец партизанского отряда из бригады им. Дзержинского забрал лошадь на том основании, что «эта лошадь является жидовская». В конце письма-заявления крестьянин просит командира Зорина вернуть лошадь, отнятую у него партизанами Дзержинской бригады (М-41/83 л. 152). Думается, что данный факт является хорошей иллюстрацией отношения не только к евреям вообще, а к евреям-партизанам.

А ведь общим врагом был не только нацизм, но и местные коллаборационисты. С ними расправлялись без сожаления. Один из приказов по еврейскому отряду (№ 58 от 8 декабря 1943 г.) свидетельствует о том, что особый отдел отряда располагал материалами о преступной деятельности Мазуркевича И. А. В ходе проведения следствия было установлено, что Мазуркевич в период немецкой оккупации исполнял обязанности шефа биржи труда и заместителя коменданта полиции в местечках Ивенец и Новогрудок с 1942 по 1943 г. и предавал десятки и сотни людей, связанных с партизанским движением. За свои преступные действия он был приговорен к расстрелу. В тот же день приговор был приведен в исполнение (М-41/83 лл. 37—38).

Думается, что интерес представляет не только боевая или хозяйственная жизнь отряда, но и другие стороны его жизни. Вот приказ № 036 от 3 октября 1943 г. отмечает 5 месяцев со дня основания отряда. Партизаны устроили себе маленький праздник. Это было очень важно для большинства отряда, состоящего из детей и юношей. Приказом наградили ценными подарками, то есть часами, сапогами, туфлями, одеждой, особо отличившихся. Другим была выражена благодарность. В списке 47 партизан отмечены командованием отряда (М-41/83 лл. 22—24).

Отмечая Международный женский день 8 Марта, приказ № 069 (8 марта 1944 г.) говорит о заслугах женщин в эти военные дни на фронтах и в тылу. Говоря о женщинах еврейского отряда, приказ отмечает: «В условиях жизни и работы нашего отряда

целый ряд женщин показывает себя на разных участках работы, помогая командованию отряда... в сохранении жизни советских граждан» (М-41/83 л. 48).

Далее говорится в этом приказе, что на поле по уборке урожая, в медпунктах и на других участках хозяйственных работ партизанки отряда показывают образцы дисциплинированности и преданности отряду (М-41/83 л. 49).

Отмечал отряд и праздник 1 Мая, а также одновременно и годовщину существования отряда. В честь этого 6 евреев-партизан награждены Почетными грамотами, 52 партизанам выражена благодарность, а командир отряда Зорин Семен Натанович награжден именными часами (М-41/83 лл. 58—60).

Примечателен один из приказов, который увековечивает память Кушнера — одного из бойцов отряда, погибшего на боевом посту от рук предателя (М-41/83 л. 52).

Достаточно внимания в отряде уделяли обучению навыкам, которые нужны партизану. С этой целью были созданы стрелковый кружок и кружок санитарной подготовки (М-41/83).

В отряде строго следили за соблюдением дисциплины. По приказам можно установить виды проступков: пререкание с командиром (М-41/83 л. 39 — ниже будут указываться лишь листы), за то, что не справился с работой (л. 5), за невыполнение приказа командира (лл. 80, 16), за избивание бойцов отряда (л. 13), за небрежное отношение к оружию (л. 17), за невыполнение приказа старшины отряда (л. 21), за проявление трусости и недисциплинированность (л. 27), за халатное отношение к своим обязанностям (л. 20), за невыход на построение (л. 45), за сознательное уклонение от выполнения задания (л. 46).

Среди проступков было и хищение продуктов. Так, в ночь с 7 на 8 апреля 1944 г. была взломана дверь в секретное хранилище и похищено некоторое количество продуктов. В приказе по отряду данное преступление рассматривается не как простое воровство, а как политическое преступление, которое могло повлечь за собой уничтожение всего неприкосновенного запаса продовольствия (М-41/83 л. 51).

Какие же наказания применялись к нарушителям дисциплины? Приказы перечисляют их: от 3 до 15 суток строгого режима (М-41/83 лл. 13, 16, 19, 29), строгий выговор (л. 16), разоружение и перевод из боевой роты в хозяйственную (л. 27). К сказанному добавим, что в отряде была гауптвахта (л. 7).

Документы позволяют нам сделать вывод, что отношения в

отряде не были идеальными. Мы уже знаем, что были случаи рукоприкладства между бойцами отряда, возникали недоразумения и между бойцами и руководством отряда. Об этом написала боец отряда Соня Маршак 28 августа 1943 г. уполномоченному Ивенецкого межрайцентра, где она сообщает, что за отказ отдать ее личный котелок чуть не застрелил ее командир Зорин, но, к счастью, промахнулся. После этого начальник штаба отряда заломил ей руки и отнял пистолет, который она получила, когда была партизанкой отряда им. Пархоменко. Автор письма утверждала, что за время нахождения в отряде 106 никаких взысканий она не имела, и просит уполномоченного Дубова перевести ее в другой партизанский отряд. Из ее письма также известно, что винтовка, которой она была вооружена, была у нее отнята (М-41/83 лл. 121—122).

Из дальнейших документов мы узнаём, что Соня Маршак была переведена в другой партизанский отряд, в отряд Бельского. Данное утверждение строится на том, что среди позднейших документов есть увольнительная записка, датированная апрелем 1944 г., в которой говорится, что партизанке Соне Маршак разрешается по собственному желанию перейти из отряда Бельского, куда она прибыла в декабре 1943 г., в отряд Зорина. В той же записке оговаривается, что в отряд 106 она отпускается с винтовкой (М-41/83 л. 206).

Очень важно, думается, проследить по документам отношение к данному отряду в целом других партизанских формирований. Некоторые документы позволяют сделать это. Нам уже известно, что хозяйственные связи были налажены, что командования многих формирований благодарили еврейский отряд за содействие в оказании различных видов помощи. И рядом с этим мы встречаем упоминание о проявлении антисемитизма к отряду 106.

Разведчики 1-й Минской бригады отняли у бойцов еврейского отряда верховую лошадь. Отношение командования бригады (обратим внимание: не просто партизан, а командования) так подействовало на бойцов данной бригады, что при каждой встрече с бойцами отряда 106 евреи кроме слов «жид», «вор», «грабитель» и тому подобное ничего не слышали (М-41/83 л. 105). Тут же говорится, что командование еврейского отряда, «чтобы избежать жертв», изменило дислокацию отряда из-за опасного соседа (там же). При этом, описывая жизнь отряда, цитируемый документ свидетельствует, что евреи-партизаны, работая по 11 часов в день, едят одну картошку, что в отряде нет ни грамма муки, а в то же

время другие отряды продовольствием обеспечены лучше (там же).

Трудности с продовольствием партизаны испытывали постоянно и, как нам известно, пополняли запасы во время хозяйственных операций. Но были и такие продукты, которых у крестьян тоже не было или было ничтожно мало. Речь идет о соли. Ее приходилось покупать явочным путем, через крестьян окрестных деревень.

Это подтверждается письмом командования отряда от 28 декабря 1943 г. к помощнику уполномоченного ЦК КП(б)Б и Белорусского штаба партизанского движения по Барановичской области, в котором сообщается, что один из крестьян был послан в местечко Столбцы с целью покупки соли и других продуктов для отряда. Когда тот возвращался из Столбцов, то был остановлен по дороге группой бойцов отряда им. Суворова бригады им. Жукова, избит, и все, что вез, было у него отнято. Подобное случалось и раньше. Поэтому командир отряда Зорин обратился с просьбой вернуть отнятое и прекратить подобные действия (М-41/83 л. 66). Известно, что среди отнятого было 2 пуда соли. Но в ответ на просьбу еврейского отряда было предписано возвратить лишь 1,5 пуда (М-41/83 л. 68).

Так жил, боролся и работал еврейский семейный отряд 106 Зорина, приближая победу над самым страшным врагом человечества — нацизмом и его пособниками, пока 9 июля 1944 г. отряд в составе 137 вооруженных бойцов (боевой роты) и 421 семейных не соединился с передовыми частями Красной Армии в районе Кромеля (М-41/87(2) л. 27).

Соединение с частями Красной Армии происходило в результате того, что отряд снялся со своего лагеря и стал выходить к Минску. Это делалось с большим трудом. Кончилась еда, пришлось зарезать и съесть лошадь. Во время этого похода боялись разводиться костры, потому что опасались немецких бомбардировщиков. Приходилось на углях печь мясо, но оно оставалось полусырым, таким его и ели.

«Выбившись из сил, — вспоминает Е. Фейгельман, — мы шли по лесам, прикрывая семейный отряд, отстреливаясь от внезапно появляющихся немцев...» (4-293).

Несколько раз меняли маршрут, находя наиболее безопасный. В тех же воспоминаниях читаем: «Мы обязаны дойти до Минска, сохранив людей», — говорил себе каждый» (4-293). Около хутора Кромель было большое озеро. Вокруг этого озера еврей-парти-

заны издали заметили движение каких-то войск. Они не могли сразу понять, чьи это войска. Послали разведчиков, которые возвратились с радостной вестью: «Красная Армия!» Через несколько часов состоялась встреча. Радость партизан была огромной. Красноармейцы тоже радовались встрече. Все партизаны получили от них автоматы, а весь лагерь — еду из полевой кухни (03,2245 л. 33).

А когда в освобожденном Минске состоялся партизанский парад, то бойцы еврейского партизанского отряда 106 приняли в нем участие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1990. Т. 5. С. 361.
2. *Иоффе Э.* Трагедия и героизм // Во славу Родины. Минск, 1993. 27 окт.
3. Слово инвалида войны: Журнал Союза воинов и партизан — инвалидов войны с нацистами. Иерусалим, 1994. 9 янв.
4. *Гай Д.* Десятый круг. Повести. М., 1991.
5. Партизанские формирования в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944). Минск, 1983.

КУЛЬТУРА

О. Белова

ЕВРЕИ ГЛАЗАМИ СЛАВЯН

(По материалам традиционной народной культуры)

В системе традиционной народной культуры всякий представитель иноэтнической группы соотносится с категорией «чужого», опасного, потустороннего. В основе отношений к этническим соседям лежит устойчивое противопоставление «свой — чужой». Основную роль играет здесь инстинктивное отрицание чужого как непонятного, неприемлемого, греховного, которое и формирует определяющий стереотип в отношении к другим народам. Форму такого межэтнического и межкультурного диалога можно определить как «взаимное отталкивание», в результате которого в народных представлениях об иноземцах преобладают не реальные факты, а искаженные образы, сформировавшиеся на основе предрассудков и предубеждений.

Наиболее интересны и показательны в связи с универсальной семантической оппозицией «свой — чужой» свидетельства из регионов, где имели место тесные этнокультурные контакты. Такими регионами в славянском мире являются Балканы, Карпаты, а также польско-украинско-белорусское Полесье — одна из самых архаических в этнокультурном отношении славянских зон. Кроме того, говоря о Полесье, нельзя не отметить своеобразие этноконфессиональной ситуации: здесь на сравнительно небольшой территории проживают в тесном соседстве православные, католики и члены общин евангельских христиан-баптистов. До второй мировой войны в Полесье проживало также еврейское население. Столь тесное соприкосновение с элементами другой культуры и религии, другой обрядностью не могло не наложить отпечаток на «народное прочтение» как библейской истории, так и обычаев соседей-евреев носителями славянской традиции. Источниками для данного исследования послужили

фольклорно-этнографические записи XIX—XX вв., опубликованные в фундаментальных трудах П. Чубинского, К. Мошиньского, М. Федеровского, О. Кольберга, В. Гнатюка, А. Илиева и других, а также уникальные материалы из Полесского архива Института славяноведения и балканистики РАН (далее ПА), собранные участниками этнолингвистических экспедиций в Полесье в 1980—1985 гг.

В фольклорных свидетельствах представители других этносов могут выступать в виде некоего мифического народа, великанов, людоедов или зооморфных чудовищ, причем часто этим «мифическим инородцам» присваиваются имена реальных этносов. Таковы великаны «мамай» у русских, «шведы» у украинцев, исполины-людоеды «джидове», «джидовци» и «латини» у болгар, людоеды-песиголовцы «турки» и «татары» у хорватов и словаков. Черты людоедов могут быть приписаны не только мифическим великанам-инородцам, но и непосредственным этническим соседям. Так, представления о евреях-людоедах есть у болгар, сербов, словенцев, македонцев: «евреите во сабота ништо не ваќят, а во нѣдела чоeka ѣдат» (макед.; [1], с. 249).

Что же в первую очередь привлекало внимание носителей славянской традиции в этнических соседях-евреях? Показательно, что фольклорные свидетельства практически не отражают языковых различий; основное внимание уделяется различиям в религии, обрядах, бытовом укладе.

Происхождение, внешние особенности, характерные черты быта и выключенность инородцев из обычного уклада жизни могут объясняться совершением какого-либо неблагоприятного поступка в прошлом. Евреи не являются здесь исключением. Их гонимость объясняется тем, что один еврей, подражая Христу, пытался в начале света оживлять людей, но потерпел неудачу (бел.; [2], с. 11). Любопытной трансформации подвергся универсальный сюжет о вечном страннике-жиде, проклятом Христом за то, что во время пути на Голгофу тот гнал его от порога своего дома. По белорусскому поверью, «вечный жид» стареет и молодеет вместе с месяцем и обречен на скитание до Страшного суда ([2], с. 238); на Волини рассказывают, что вместе с месяцем перерождаются снова и снова евреи, распявшие Христа ([3], с. 10—11). Кашубы верят, что «večni Żid» — существо очень маленького роста, так как он стоптал ноги до колен за время скитаний;

когда он их до конца стопчет, наступит конец света ([4], с. 297). Гонимость евреев объясняется славянами-христианами огромным грехом, совершенным евреями в прошлом,— распятием Христа, за что они были прокляты и рассеяны по всему миру. «Божьим проклятием» могут объясняться даже события Новейшей истории, в том числе и катастрофа еврейского народа во время второй мировой войны: «Pan Bóg zesał takiego Hitlera, żeby ich zniszczył. Wojna nigdy nie jest od ludzi, tylko od Boga. To Pan Bóg prowadzi wojnę» (пол.; запись 1985 г., [5], с. 91).

Иностранцам часто приписываются необычные черты внешности или скрытые дефекты, подчеркивающие их чужеродность. Так, в польском Полесье говорят, что евреи имеют маленькие хвостики ([6], с. 180). Многие евреи имеют веснушки, так как, не веря Христу, они подали ему вареного петуха и попросили оживить птицу; оживший петух захлопал крыльями и обрызгал евреев подливой (зап.-укр.; [7], с. 147). Обратившись к библейской истории, славянская народная традиция нашла объяснение даже тому, «через що жиди паршиві»: «Як жиді ходіли з Мойсёйом до пущи, то Бох їм посилáў манну та перепеліці. Але жиді д́уже захланні! Налапáли т́лько перепеліць, шчо сі їм позасмерджували. І так вони їли засмерджéне перепеліці, а с тогó подіставáли пáрхи» (Галиция; [8], с. 33).

Пищевые запреты, характерные для иудаизма, также были прокомментированы соседями. Повсеместно у славян бытует легенда о том, что евреи не едят свинины, так как Христос превратил в свинью еврейскую женщину, которую спрятали под корыто, чтобы испытать всеведение Христа; потому и считается, что свинья — это «еврейская тетка». В житомирском Полесье был записан нестандартный вариант этого рассказа, согласно которому сам Христос посадил беременную еврейку под корыто и спросил своего ученика, что там спрятано. Ученик ответил, что там свинья с поросятами, и от его слов превращение совершилось. Тогда Христос поверил, что ученик действительно овладел теми знаниями, которыми делился с ним Христос. «А про то жыды сала не едят»,— заключает легенда (ПА, 1981). В регионе Белостока (Польша) бытовал еще один вариант этой легенды, своеобразный «перевертыш» традиционного сюжета. Рассказывают, что евреи, желая выставить Христа на посмешище, накрыли корытом свинью с поросятами. Христос сказал, что под корытом

находится женщина с ребенком; убедившись в его правоте, евреи перестали есть свинину, так как считают, что люди происходят от свиней ([5], с. 90). Здесь вступает в действие особая логика народного рассказа, о которой мы еще скажем в дальнейшем. Вариацией на ту же тему является известная на Гомельщине легенда о том, почему евреи не едят рыб-вьюнов. Чтобы испытать Христа, они завязали ему глаза, бросили в воду пригоршню гвоздей и спросили: «Что там?» «Вьюны», — ответил Христос, и гвозди в ручье тут же превратились в рыб; с тех пор евреи не употребляют их в пищу (ПА, 1983).

В полесских легендах нашло отражение и необычное для славян убранство еврейского дома. Так, рассказывают, что когда евреи схватили Христа, то привели его на «бёскупский двор». «И б́скуп еўрэ́йский его суди́ў». После суда Христос был распят и похоронен, а евреи решили как-то отметить это событие. «Вы́лили зóлото, и вы́лилася як палéно». И с тех пор в домах «у йих бы́ли такі трúбачки при́биты на пáмjать» (гомельск.; ПА, 1983).

В данном случае речь идет о мезузе — обязательном элементе при входе в еврейское жилище.

Народная традиция не осталась в стороне от полемики между христианами и иудеями по вопросам веры и религии. Сведения о вере евреев обычно кратки: «У жьдóў дру́гий Бог»; «Жьдý не уклоня́юца Христу́. Христóс врёде сын Бóжий, и жьдý ему не ве́рили» (житом.; ПА, 1981); «Яўрэ́и хатéли пэ́рэверну́ць ру́ских, шоб былы вся йíхняя ве́ра» (гомельск.; ПА, 1983). В фольклорных свидетельствах сохранились следы и конкретных общественных явлений: «жьдý — воны́ пэ́рэхрэ́щивались в ру́ских, в укрáинцев» (житом.; ПА, 1981). Разнообразны представления о том, к какому народу принадлежал Иисус. Вопрос этнической принадлежности тесно связывается с идеей вероисповедания, крещения. Преобладает точка зрения, что Иисус Христос не был евреем: «Сус Христóс жэ хрэ́шчэный, а жьдý нехрэ́шчэные» (гомельск.; ПА, 1983), и именно по этому признаку он противопоставляется, в частности, Иуде-предателю. «Иу́да з жьдóў быв, а Христóс нé. Ру́ский»; «Ию́да роди́ўся з еўрэ́йки, а Сус Христóс з Бóжей Ма́тери»; «Иу́да Иису́са замúчил, з жьдóў быв» (житом.; ПА, 1981). Поскольку Христос не еврей, он не соблюдает еврейских обычаев: на вопрос учеников при виде пасущихся овец, коров, коней,

что из этого можно есть, Христос отвечает, что можно есть мясо свиней, «только трэ́ба пэ́рэпусці́ць че́рез о́гонь» (житом.; ПА, 1981).

Существует представление о переходе Иисуса Христа в другую веру и о перемене им имени (запись сделана в селе, где проживает много католиков, и отражает религиозную полемику не только христиан с иудеями, но и «внутренние» разногласия православных и католиков): «Ису́с Христо́с переезжа́л з Егíпта в Ируса́лім. Ису́с Христо́с в Иу́раса́ліме радíўся. Еўрэй́ б́ыв. І́мя ё́го Ю́д Наві́н. Пражы́л тры́цать пя́ть лет еўрэй́скім ца́ро́м. На Ерда́ні крэ́сціўся. Як ё́н у́же стаў крэ́сці́ца, так ё́го схваці́лі і замучі́лі. Ё́н пакі́ну́л еўрэй́ску ве́ру, а пэ́рэшо́л в ру́скую. В ру́ской ве́ре да́лі е́му і́мя Петро́-І́лья. А Бага́ро́дце не панра́віла-сь ру́ска цэ́ркаў. И а́на переве́ла я́го у касце́л. И пэ́рэкрэ́сці́лі е́го. И да́лі і́мя И́сус Хри́сто́с» (гомельск.; ПА, 1983). Крещение может осмысляться не только как обретение истинной веры, но и как приобщение к «своему» этносу. В Македонии баба, передавая матери окрещенного младенца, трижды говорит: «Еврейче ми то даде, ристянче ти го давам» («Ты мне дала еврея, я тебе даю христианина»; [9], с. 372).

Традиционным является представление, что у инородцев нет души, а есть только «пар», «пара», как у животных. Но даже если наличие души у инородцев/иноверцев признается, они не могут вместе с христианами попасть в ад, рай или чистилище. Для душ евреев и некрещеных детей существует особое место «otchłań» (пол., [10], с. 21) или «atchłań» (бел.; [2], с. 221) — пещера или бездонная темная пропасть. Лишенные души евреи потому и могут быть превращены в различных животных, — о традиционном сюжете с превращением еврейки в свинью мы уже говорили; считается, что в удоде живет душа еврея ([11], с. 294; ср. славянские названия этой птицы — «kukułka żydowska», «жидивска зозуля», «еврэйска зозуля» и одновременно «московска зозуля»). В Польше удода принимают также за «еврейского бога» («bożka żydów» или за « ducha żydowskiego»; [12], с. 126). Украинцы Закарпатья верят, что душа умершего еврея переселяется в коня [11]; поляки рассказывают, что сорока — это превращенная еврейская девушка, которая хотела перехитрить Христа ([5], с. 90). В белорусских заговорах «евреями» называют волков:

«Святы Юрай-Ягорай, рассылай сваіх яўрэяў (ваўкоў) па цёмных лясах, па дзікіх балатах...» ([14], № 156). Русины Закарпаття, отказывая евреям в наличии у них души, приравнивают их к животным, когда говорят «жид іздох», «жид ізгиб», но никогда «жид умер», как принято говорить о смерти человека ([15], с. 35).

Инородцы и нечистая сила тесно связаны в народном сознании. Считается, что евреи не только отдают свои души черту, но и поклоняются ему. На Волыни рассказывают, что в праздник Пейсах евреи ставят для него угощение; ночью приходит «той шо з ріжками» и оставляет им деньги ([16], с. 11). Польские песни упоминают «*żydowskiego boga bez jednego roga*» (краков.; [17], с. 347; ср. рус. «бог с рогами», «ангел с рожками», «черт»). Когда еврей моет руки и стряхивает воду, из брызг появляются черти; аналогичные поверья существуют о черте (укр.; [18], с. 607). С нечистой силой связаны, с точки зрения славян, и даты еврейского религиозного календаря, и прежде всего Йом-Кипур (Судный день); на территории украинского и белорусского Полесья этот день называется «хопун», «хапун». Согласно поверьям полешуков, ежегодно в судную ночь черт похищает из каждого села или местечка еврея и еврейку, уносит в болото, мучает. В глухую полночь поднимается ветер, начинается буря, гаснут все свечи; когда евреи снова их зажигают, то видят, что среди них не хватает людей. Чтобы уберечься от этого, евреи приглашают на свою молитву христианина с громничной свечой (принесенной из церкви на Сретенье). Свеча горит в укрытии, и когда появляется черт, свечу открывают и черт убегает. Похищение евреев объясняется следующим образом. Во время странствий по пустыне Моисей разбил сделанного евреями золотого тельца, истолок в порошок, бросил в воду и заставил евреев пить. Но коварный черт предстал перед евреями в виде разбитого тельца; они побежали за ним, и черт увлек их в пустыню. Чтобы собрать евреев, Моисей дал клятву черту, что вместо гибели всех евреев он будет давать ему каждый год по паре. Черт затрубил в громадный рог и собрал евреев. В судную ночь евреи могут узнать, кого из них схватит черт,— они смотрятся в воду: жертва похищения не увидит своего отражения ([2], с. 238; [3], с. 189, 191; [19], с. 119—120). В житомирском Полесье рассказывают, что «жидиўска судна ноч» бывает в сентябре — это ночь со

страшной грозой, дождем, сверканием молний: «Колы́сь тэ́ю сў́дню но́чью ворожы́ли жиды́. Выбира́ют собі́ одну́ ха́ту і ў́ э́ту ноч оны́ молю́цца. Хапу́н жидка́ ухопи́ў» (ПА, 1981) — так говорили о тех, кого недосчитывались после этой ночи. В других регионах Полесья и — шире — на территории Восточной Европы такая ночь со страшной грозой или со вспышками молний без дождя называется «воробьиной» или «рябиновой» ночью. На Житомирщине «рябинова (ра́бинова) ночь» происходит примерно через неделю после «сў́дны но́чи» и оказывается, таким образом, приуроченной к еврейскому празднику Кущей. В эту ночь евреи отмечают то, что минула опасность, угрожавшая им во время судной ночи. Собираются «еврэ́йски кучкы́ и мо́люцца бо́гу за свое́ шча́стье. И там до́лжэн прису́тствовать оды́н, наш мужы́к, украї́нэц, дэ воны́ обэспэ́чэны; евре́и ў́жэ увэ́рэны, шо ў́жэ их хопу́н нэ во́змэ. Це у нас ў́ сили́ было́. Мою ма́ты приглаша́лы ночова́ть. Це я увэ́рэнно говору́, шо то нэ ка́зка». В этой местности народная этимология объясняет название «рябинова/ра́бинова» через слово «ра́бин» — раввин, что подчеркивает приуроченность этой ночи к еврейскому празднику (ПА, 1981). В славянской традиции «воробьиные ночи» связаны с различными событиями, имеющими отношение к потустороннему миру: в эти ночи цветет папоротник или «гуляют черти»[20]; совпадение еврейских праздников с такими опасными периодами народного календаря еще раз подтверждают связь инородцев, «чужих», с нечистой силой. В то же время есть свидетельства, что черт досаждал одинаково всем людям, независимо от этнической принадлежности; поэтому, чтобы избавить еврея от козней нечистой силы, нужно осенить его крестным знамением (бел.; [19], с. 109). Дни еврейских праздников считались в Полесье неблагоприятными для хозяйственной деятельности. Так, в день праздника Кущей нельзя было рубить и складывать в бочки капусту — сгниет (бел.; [2], с. 381). Евреи могли вызывать погодное ненастье: если зимой они слоняются по селу — быть метели (бел.; [2], с. 238); «буде дощ, бо жиди волоча́ця», — говорит украинская примета ([21], с. 6). Украинцы считали, что евреям не страшен гром — «ще як сві́т стои́ть, то не чу́ти, щоб грі́м жида вбив» (то же рассказывают о мифических великанах, которые не боялись грозы и грома; [1], с. 236). Опасными считались предметы, принадлежащие евреям;

нельзя дотрагиваться до еврейских религиозных книг — кожа на руках потрескается (бел.; [2], с. 292). Сами инородцы также могли представлять опасность: например, знахарь, оказавший помощь еврею, мог потерять свою силу (бел.; [2], с. 415).

Связанный в народном сознании с нечистой силой, «чужой» этнос может стать причиной появления в мире Антихриста перед концом света. Современные польские фольклорные легенды говорят о том, что «Антихрист уже родился в Китае — от еврейки-прелюбодейки и язычника» или что «Антихрист уже родился. Ему уже 25 лет. Родился в 1957 г. в Китае или в Вавилоне, от еврейки-проститутки и Святого Духа» (записи 1982 г., [5], с. 93).

«Выключенность» евреев из уклада жизни славянского населения обусловила в народном сознании связь инородцев с областью колдовства и вредоносной магии. Вот один из способов навести порчу на соседа-кузнеца. На кузнечный очаг нужно бросить частицы волос с бороды мертвеца-еврея, извлеченные из его могилы, вместе с каменной крошкой, соскобленной с надписи на еврейском надгробии. В результате в кузнице появится такое множество муравьев, что они не дадут кузнецу спокойно работать (пол.; [22], с. 218). Если хотят отомстить за злодеяние, то жертвуют деньги на еврейскую школу или синагогу: евреи скорее Бога умолят и страшнее проклянут обидчика. Точно так же старались избавиться от тяжелой болезни: считалось, что после пожертвования евреи скорее упроят Бога о выздоровлении христианина (бел., [2], с. 273, 276).

Однако в повседневной жизни контакты с этническими соседями были неизбежны и реальность вносила свои коррективы в стереотипы мифологического сознания. Приметы, связанные с инородцами, выявляют положительные функции, приписываемые представителям другого этноса в системе народной культуры. Так, в Полесье во время засухи бросали в колодец глиняные горшки, причем лучшим средством для вызывания дождя считался горшок, украденный у соседа-инородца (иноверца) — еврея, цыгана: «Вот как нет дождя, то украдем где-нибудь у евреев гладышку да в колодец бух!, и тоже, говорят, дождь пойдет» (гомельск.; ПА). Для поддержания пасхального огня на погосте также считаются пригодными лишь вещи, принадлежащие евреям (бел.). У всех славян, в том числе и в Полесье, счастливой приметой считается приход в дом еврея-полазника (первого

человека, приходящего в дом на Новый год, на день св. Андрея и т. д.). Полазник-еврей принесет удачу в наступающем году. В Полесье нам не встретилось объяснения этой приметы, однако интересная легенда, связанная с этим обычаем, зафиксирована в Закарпатье, которое также представляет собой архаическую этнокультурную зону: «Считается, что если еврей вошел в дом как полазник, то весь год будет хорошим, потому что он не нашей веры. Когда враги схватили Иисуса Христа, святой Петр отрезал Мальху ухо. Тогда Иисус взял ухо и, положив его позади себя, благословил иудейскую веру» ([23], с. 220). Положительная, сакральная символика связана с образом еврея в сновидениях. Увидеть еврея во сне означает увидеть Христа или святого; еврейка означает Богородицу; еврей во сне — к счастью.

В данной работе был представлен односторонний взгляд на проблему этнокультурных контактов, а именно взгляд носителей славянской традиции. Интересно и ценно было бы получить свидетельства и с «другой стороны». До настоящего момента такого рода материалы специально не собирались и не анализировались, хотя отдельные попытки сопоставить славянскую и еврейскую традиции были. Следует упомянуть в этой связи работу П. Г. Богатырева «Магические действия, обряды и верования Закарпатья» [23], где уже упоминавшийся нами обряд «полазник» сравнивался с еврейским обычаем посылать к знакомым на праздник Пурим русина с медовым пирогом. Рассмотрение темы межэтнических связей в этнокультурном аспекте предполагает решение вопроса о взаимности этих контактов. И здесь картина в славянском мире довольно универсальная: взаимное представление друг о друге на основе мифологических стереотипов сформировали русские и украинцы, украинцы и поляки, поляки и мазуры и т. д. Можно предположить, что в случае славян и евреев положение окажется сходным — дело за материалом. Изучение фольклорных свидетельств об этнокультурных контактах — важный этап в изучении фольклорной картины мира, новая страница диалога культур, взаимопроникновения и взаимовлияния традиций.

---

¹ *Илиев А. Т.* Българските предания за исполини, наречени елини, жидове и латини // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1890. Кн. 3. С. 179—205; 1891. Кн. 4. С. 231—256.

- ² *Federowski M.* Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. T. 1. Kraków, 1897.
- ³ *Чубинский П. П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1872.
- ⁴ *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. 6. Wr.—Warsz.—Krań.—Gdańsk, 1967—1976.
- ⁵ *Cała A.* Wizerunek Żyda w polskiej kulturze ludowej. Warszawa, 1992.
- ⁶ *Bystrón J. St.* Czarność obcych // *Lud.* Lwów, 1922. T. 21. S. 179—182.
- ⁷ *Верхратский І.* Знадоби для пізнання угорсько-руських говорів // *Записки Наукового Товариства ім. Шевченка.* Т. 27—29. Львів, 1899.
- ⁸ *Гнатюк В.* Галицько-руські народні легенди. Т. 1 // *Етнографічний збірник.* Т. 12. Львів, 1902.
- ⁹ *Шапкарєв К. А.* Сборник от български народни умотворения. Т. 1. София, 1968.
- ¹⁰ *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 7. Wr.—Poznań, 1963. (Krakowskie. Cz. 3).
- ¹¹ *Клингер В.* Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1909—1911.
- ¹² *Gustawicz B.* Podania, przesady, gadki i nazwy ludowe w dziedzinie przyrody // *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej.* Kraków, 1881. T. 5. S. 102—186.
- ¹³ *Потушняк Ф. М.* [Заметки по народной культуре украинцев Закарпаття] // *Литературная недѣля Подкарпатского общества наук.* Ужгород, 1941. С. 1.
- ¹⁴ *Замовы.* Мінск, 1992.
- ¹⁵ *Жаткович Ю.* Замітки етнографічні з Угорської Русі // *Етнографічний збірник.* Львів, 1896. Т. 2. С. 1—38.
- ¹⁶ *Труды Общества исследователей Волыни.* Т. 5. Житомир, 1907.
- ¹⁷ *Lud.* Lwów, 1896. Т. 2.
- ¹⁸ *Волков Ф.* Этнографические особенности украинского народа // *Украинский народ в его прошлом и настоящем.* Пг., 1916. С. 455—647.
- ¹⁹ *Демидович П.* Из области верований и сказаний белорусов // *Этнографическое обозрение.* М., 1896. № 1. Кн. 28. С. 91—120.
- ²⁰ *Агапкина Т. А., Топорков А. Л.* Воробьиная (рябиновая) ночь в языке и поверьях восточных славян // *Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы.* М., 1989. С. 230—253.
- ²¹ *Номис М.* Українські приказки, прислів'я та таке інше. СПб., 1864.
- ²² *Fischer A.* Zwyczaj pogrzebowe ludu polskiego. Lwów, 1921.
- ²³ *Богатырев П. Г.* Магические действия, обряды и верования Закарпаття // *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 167—296.

ЯЗЫК ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ ДАГЕСТАНА

Горские евреи Дагестана, Азербайджана, Кабардино-Балкарии, Чечни, Ставрополя говорят на языке, известном как татский. Под названием «татский язык» науке известны не одна, а две самостоятельные языковые единицы — собственно татская и «еврейско-татская», на которой говорят так называемые горские евреи. Генетически обе они входят в иранскую группу индоевропейской семьи языков. По историко-диалектологической классификации собственно татская и «еврейско-татская» формы речи относятся к юго-западным иранским языкам и наиболее близки персидскому и таджикскому (1, с. 107—108; 2, с. 232). В литературе указывается на разную степень этой близости: собственно татский язык обрисовывается как язык, весьма близкий персидскому (1, с. 114), тогда как грамматическая структура «еврейско-татской» формы речи сохраняет некоторые черты, утраченные современным персидским, и представляется в целом более архаичной. Лексические ее отличия от персидского также в целом представляются большими, чем у собственно татских говоров (2, с. 232).

При очевидной материальной и структурной близости между собственно татской и «еврейско-татской» формами речи существуют значительные языковые различия. Они исключают полное взаимопонимание между их носителями — представителями двух разных этносов. Отмечается большая тюркизованность собственно татских говоров, сильное влияние на фонетику, лексику и грамматику которых оказывает азербайджанский язык (3; 2, с. 233—234). В то время как «еврейско-татские» говоры испытали влияние иврита, что выразилось в наличии значительного слоя лексических заимствований и большей распространенности верхнефарингальных согласных (4, с. 27; 5; 6; 2, с. 234, 241).

Собственно татская и «еврейско-татская» языковые единицы различаются и по функциональным, социально-культурным характеристикам. Собственно татская форма речи не имеет пись-

менности. Этнические таты — ее носители — используют в функции литературно-письменного азербайджанский язык. Это связано с исторически выработавшейся культурной общностью татского народа с азербайджанским и с давней распространенностью азербайджанско-татского двуязычия (7, с. 6—7).

«Еврейско-татская» языковая единица характеризуется наличием письменности и литературного языка, которыми пользуются исключительно горские евреи. Эта «еврейско-татская» форма речи, называемая татским литературным языком, имеет устойчивую и самобытную литературную традицию в русле общедагестанской художественной системы (8).

Лингвистическая граница между собственно татскими и «еврейско-татскими» говорами проходит не только по структурно-лингвистическим и социально-культурным признакам, они различаются и по социально-этническим параметрам. Носители данных языковых единиц, будучи представителями разных народов, имеют различное этническое самосознание, и при этом каждый этнос имеет собственное самоназвание и не отождествляет себя с другим.

На протяжении изучения татских говоров, начиная с первых работ конца XIX — начала XX в., в научной литературе во избежание терминологической путаницы систематически проводилось терминологическое разграничение данных языковых единиц, в основном в соответствии с традиционным этническим принципом. Образующие языковую общность говоры этнических татов назывались собственно татским, мусульманско-татским языком и языком североазербайджанских татов. Представляющие другую языковую общность говоры горских евреев определялись «еврейско-татским» языком (наречием), татским языком (наречием) горских евреев и еврейским диалектом татского языка. В нескольких статьях конца 70-х — начала 80-х гг. терминологическое разграничение этих языков производилось по территориально-географическому основанию, что было обусловлено внешними, околonaучными обстоятельствами изучения «еврейско-татской» языковой единицы. В качестве названий собственно татской и «еврейско-татской» формы речи в этих работах условно использовалась следующая пара соотносительных терминов: «южный диалект татского языка» / «северный диалект татского языка», соответственно (9; 2; 10). В начале

90-х гг. в научном обиходе иранистики восстановлено традиционное название языка горских евреев (11; 12 и др.).

Степень изученности собственно татской и «еврейско-татской» языковых единиц различна. Собственно татский язык, известный по работам И. Березина (13), В. Ф. Дорна (14) и В. Ф. Миллера (15; 16), в начале 60-х гг. XX в. был систематически описан А. Л. Грюнбергом в монографии «Язык североазербайджанских татов» (7) и в целом ряде статей (1; 3; 17 и др.), одна из которых специально посвящена определению классификационного места этой языковой единицы в юго-западной группе иранских языков (1).

Менее изученной до настоящего времени остается «еврейско-татская» языковая единица. Несмотря на имеющиеся очерки фонетики и морфологии «еврейско-татского» языка В. Ф. Миллера (4; 18) и небольшой словарь, данный в его «Материалах по изучению еврейско-татского языка» (19), звуковой строй, грамматика и лексика этого языка не исследованы систематически. Не было ни одной специальной работы, посвященной квалификации языковых особенностей, отличающих эту языковую единицу от собственно татской, персидского, таджикского и других юго-западноиранских языков, определению ее языкового статуса и классификационного места в этой группе.

В предлагаемом вашему вниманию небольшом очерке содержится основная функциональная и лингвистическая характеристика «еврейско-татской» языковой единицы. Надеемся, что он поможет в определенной степени восполнить существующий в научной литературе пробел в ее изучении. В основу описания положены материалы дербентского «еврейско-татского» говора, легшего в основу татского литературного языка.

Общее самоназвание носителей «еврейско-татских» говоров — *джугьур* «еврей» (мн. ч. *джугьургъб*), более традиционное, употребляемое представителями старших поколений, — *гивври* «еврей». Определенная часть горских евреев в 30-е гг. XX в. начинает употреблять в качестве официального самоназвания термин «тат», который, как известно, не является этническим (19, с. XVII; 20; 21; 22). Возникшая на основании близости языка горских евреев с языком этнических татов тенденция использования термина «таты» усиливается в СССР в послевоенные и

особенно в 70—80-е гг., несмотря на то, что для носителей «еврейско-татских» говоров он является псевдонимом, образцом этнического камуфляжа. Официально зарегистрировавшиеся как «таты», носители этого языка в живой разговорной речи, так же как и другие, называют себя *джугьур*. Родной язык его носители называют *джугьур* «еврейский».

У соседних дагестанских народов носители «еврейско-татских» говоров издавна известны как евреи, см.: кумыкское *жугьут*, лезгинское *чхувудар*, табасаранское *жугьуд*, даргинское *жугьутли* и др. В прошлом среди дагестанцев употреблялось и другое, описательное название этого народа *даг-чифут*. В середине XIX в. в Дагестане появилось еще по крайней мере два названия носителей данного языка: «евреи-горцы» и «горские евреи» — русские кальки с упомянутого выше дагестанского названия *даг-чифут*. Один из этих терминов — «горские евреи», введенный в обиход русской, а затем и местной администрацией для отграничения данной субэтнической группы евреев Восточного Кавказа от другой — ашкеназов, так называемых европейских евреев, закрепился впоследствии в русской этнографической и лингвистической литературе и в официальной номенклатуре в качестве внешнего этнонима. С 30-х гг. XX в. носителей татского языка в Дагестане стали называть также и татами, татами-евреями.

Носители «еврейско-татских» говоров проживают в Дагестане в основном в городах Дербент, Махачкала, Буйнакс, Хасавюрт, а также в с. Нюгди Дербентского района. Определить относительно точное количество говорящих на «еврейско-татском» языке в Дагестане представляется довольно затруднительным. Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., они регистрировались под тремя названиями (этнонимами): евреи, горские евреи, таты. Их общая оценочная численность по переписи 1989 г. около 23 тыс. человек*.

Значительные группы горских евреев проживают также в ряде городов Северного Кавказа (Нальчик, Моздок, Пятигорск, Грозный), а также в Москве, Санкт-Петербурге и некоторых других

---

* По последним данным Комитета Республики Дагестан по Государственной статистике, в республике в 1995 г. проживало 18,5 тыс. евреев (см.: Основные национальности Республики Дагестан. Статистический сборник. Махачкала, 1995). При этом необходимо принять к сведению, что в данном сборнике «в национальность «евреи» включены евреи, горские евреи и таты».

российских городах. За пределами России носители «еврейско-татских» говоров живут в Азербайджане (Куба, Баку, Огуз (Варташен), Хачмас), за пределами СНГ — в Израиле, США, Канаде.

Язык горских евреев членится на диалекты и говоры. Особо заметные различия, в основном в фонетике и лексике, наблюдаются между тремя диалектами: северным, или кайтагским (к которому относятся махачкалинский, грозненский, нальчикский, моздокский говоры), средним — дербентским и южным — кубинским. Что же касается говоров ворташенских и ширванских евреев, то они практически не изучены.

Для татского языка горских евреев в разные периоды истории использовались различные графические системы. Первый татский алфавит в дореволюционный период (начало XX в.) был основан на приспособлении еврейской графики к звуковой системе этого языка. Первые печатные тексты на татском языке с использованием еврейской графики появились в первом десятилетии XX в. Это были переводы с иврита Э. И. Пинхасова книги И. Сапира «Сионизм» (Вильна, 1908) и молитвенника «Кол тфила» (Вильна, 1909). В 20-е гг. на этой графической основе издавались различные учебные пособия: книги для чтения, буквари и др. С 1928 по 1938 г. горские евреи, как и носители ряда других языков, пользовались алфавитом на латинской графической основе, а с 1938 г. перешли на систему письма, основанную на русской графике, которая функционирует и в настоящее время.

Научное изучение «еврейско-татского» языка началось в конце XIX в. с упомянутых выше работ академика В. Ф. Миллера. В советскую эпоху исследования по языку горских евреев носили по преимуществу фрагментарный, отрывочный характер. Изданные в разные годы статьи Б. В. Миллера (23), Р. О. Шор (6), Л. Х. Давыдовой (9; 10), Е. М. Назаровой (24; 25) посвящены различным вопросам татского языка. Опубликованы научная грамматика Н. А. Анисимова (26) и небольшие словари — терминологический словарь (составитель Х. Д. Авшалумов) (27) и орфографический (составители Б. Г. Гаврилов и А. Б. Изгияева) (28) на этом языке. Наиболее значительным на сегодня является небольшой очерк сравнительно-исторической грамматики татского языка А. Л. Грюнберга и Л. Х. Давыдовой, вышедший в третьей книге серии «Основы иранского языкознания» (1982), в основу описания которого положены материалы соб-

ственно татского языка, но приводится материал и языка горских евреев.

Литературный татский язык горских евреев начал складываться и продолжает развиваться на основе дербентского диалекта (8, с. 85—86 и др.). Как один из литературных языков Дагестана, он выполняет в настоящее время лишь часть функций, обслуживая культурные потребности горских евреев: на этом языке издается учебная, учебно-методическая, художественная и общественно-политическая литература, выходит республиканская газета на «еврейско-татском» языке «Ватан», ведется радиовещание, ставятся спектакли в Народном татском театре. С 1991/1992 учебного года введено преподавание этого языка в начальных классах отдельных школ г. Дербента, Махачкалы, Хасавюрта, в Дербентском педучилище открыто отделение по подготовке преподавателей «еврейско-татского» языка.

Горские евреи — и дву- и трехязычны: помимо родного языка они пользуются и языками межнационального общения, которыми для них являются: повсеместно — русский, в городах Хасавюрт, Буйнакс — кумыкский, в городах Дербент, Куба, Баку, Огуз, Хачмас — азербайджанский. Русский язык выполняет все более широкие функции и играет все большую роль в жизни горских евреев: он является языком образования, науки, художественной литературы, публицистики, прессы, радио, телевидения и, как указывалось выше, языком межнационального общения.

ФОНЕТИКА

Общая характеристика. В татском языке* противопоставление гласных и согласных фонем происходит по качественному признаку объединяемых ими звуков. В. Ф. Миллер и Р. О. Шор считают, что зачастую смычным согласным *т*, *д* в начале слова и в положении между гласными свойственна аспирация и, следовательно, в этих позициях отмечается оппозиция этих согласных по придыхательности/непридыхательности. Другие, более поздние исследователи считают, что традиционно называемые

---

* Здесь и далее в тексте при описании особенностей «еврейско-татской» языковой единицы будет использоваться термин «татский язык», а при необходимости — оба дифференцирующих термина.

эмфатическими *т, д* в татском языке являются аспирированными согласными.

В татском языке имеются верхнефарингальные семитские согласные *гʲ, хь*, которые встречаются не только в составе семитской лексики — заимствованиях из иврита, арамейского, арабского языков. Верхнефарингальная артикуляция распространяется и на отдельные иранские слова, напр., *тэхъл* «горький», *гʲэсб* «лошадь» и др. Эти согласные в отдельных словах выступают в роли сонантов, слогообразующих звуков, напр.: *мэгр* «традиционный обряд венчания по канонам иудаизма», *тэхъл* «горький» и др.

Ударение. В татском языке ударение связанное и силовое. Как почти во всех новоиранских языках, в татском языке в простых непроеизводных словах всех частей речи ударным выступает последний слог, напр.: *сипй* «белый», *асмү* «небо», *ве-гурдѣ(н)* «братъ». Словообразовательные и словоизменительные аффиксы у именных частей речи бывают ударными (*-гьō* — суф. мн. ч.; *-лѣ* — уменьшит.-ласкат. суф. существительных; *-тѣ* — суф. сравн. степени прилагательных) и безударными (*би-* — словообразоват. префикс прилагательных; *-ре, -ревоз* — падежные форманты). Ударение в глагольных формах значительно сложнее: неспрягаемые формы глагола подчиняются общему правилу об ударении; ударение в личных глагольных формах подчиняется определенным закономерностям. Глагольные слово- и формообразовательные аффиксы бывают ударными (*-յн* словообразоват. суф.; *бй-/бў-/бий* — формообразующая приставка; *нѣ-/нѣй-, нѡ-/нѡ-, мѣ-/мѣй-/мѡ-* — префиксы глагольного отрицания) и безударными (*ве-/ва-/во-/вор-, фу-/фур-, де-/до-/дир-* — словообразоват. префиксы; *ми-/му-/муь-/мий-* — формообразующая приставка). Словесное ударение в татском языке, как и в других западноиранских языках, относительно слабое, несильное. Большую роль в языке играет фразовое ударение, за которым словесное ударение почти не выявляется.

Вокализм. В татском языке имеется шесть гласных: *а, е, о, и, у, уь*. Качественную характеристику гласных фонем создают три признака: ряд, степень подъема языка, участие губ. Гласные переднего ряда — *уь, и* (верхний подъем), *е* (средний подъем), среднего ряда — *а* (нижний подъем), заднего ряда — *о* (средний подъем), *у* (верхний подъем). Гласные заднего ряда — *у, о* и

переднего ряда — уь — огубленные. В языке отсутствует фонологическая долгота гласных; гласные звуки, независимо от их места по отношению к ударению и независимо от влияния соседних звуков, не подвергаются чередованию, всегда сохраняют свою качественную определенность.

Консонантизм. В татском языке 23 согласных фонемы. В соответствии с классификацией по способу и месту образования выделяются следующие согласные фонемы:

I. шумные:

1) смычные:

а) простые губные — п, б

переднеязычные — т, д

заднеязычные — г, к

увулярный — гь

верхнефарингальный — г/

б) аффрикаты: переднеязычные — ч, ж (*ḡḡ*)

2) щелевые:

губно-зубные — в, ф

переднеязычные — с, з, ш

среднеязычный — й

увулярный — х

верхнефарингальный — хь

нижнефарингальный — гь

II. сонанты:

носовые: губной — м

переднеязычный — н

боковой — л

дрожачий — р.

Большинство согласных в отношении твердости/мягкости нейтральны и в зависимости от окружающих гласных могут артикулироваться с палатализацией и без нее.

Фонетические процессы. Наиболее характерными и существенными для татского языка являются следующие фонетические процессы среди гласных: ассимиляция гласных звуков, подобная тюркскому сингармонизму, но не столь регулярная (в силу этого некоторые аффиксы имеют несколько вариантов — с гласными переднего и заднего рядов); вставка гласных (в начале и в середине слова); выпадение гласных; слияние, стяжение глас-

ных; перестановка гласных. Среди согласных происходят следующие фонетические процессы: ассимилятивные (особенно в диахронии, способствуя упрощению консонантных групп), отпадение конечных согласных; оглушение конечных согласных; озвончение смычных после глухих щелевых; перестановка согласных; упрощение групп согласных за счет утраты одного из них; вставка среднеязычного спиранта *й* для устранения зияния.

Слог. В татском языке выделяются следующие типы слогов: Г, СГ, ГС, ГСС, СГС, СГСС. Имеется тенденция избегать больших стечений согласных, особенно в начале слова. В середине и в конце слова стечение согласных допускается. Как для многих средне- и новоиранских языков, для татского характерна тенденция к закрытию слога, к согласному исходу.

МОРФОЛОГИЯ

Существительное имеет грамматические категории падежа, числа, атрибутивности, определенности/неопределенности. В языке отсутствует грамматическая категория рода и деление существительных по грамматическим классам. Морфологически различаются два числа — единственное и множественное; три падежа — прямой, объектный и орудийно-комитативный; формы атрибутивности — качественности и относительности — у существительного, выступающего в функции определения в предложении. Существительные могут образовывать притяжательные комплексы, близкие по значению к падежной форме.

Морфологическая структура имен существительных. Присоединение всех аффиксов к корню осуществляется в строгой последовательности: сначала словообразовательные аффиксы, затем функционально-грамматические (аффиксы атрибутивности), после них — словоизменятельные в следующем порядке: аффикс числа, аффикс падежа. При выпадении какого-либо форманта порядок агглютинации не нарушается.

Категория числа строится на бинарной оппозиции формы немаркированного ед. ч. и формы мн. ч. Показателем мн. ч. для большей части существительных служит суффикс *-гьо* (*одоми-гьо* «люди», *дор-гьо* «деревья»), но сохранился и суффикс мн. ч. *-ун/-у*, имеющий узкую сферу применения: он образует мн. ч. только от терминов родства и некоторых других слов (*кук-ун* «сыновья», *бирор-ун* «братья», *джугьур-ун* «евреи»), которые параллельно образуют форму мн. ч. и с помощью суф. *-гьо*

(*кук-гьо, бирор-гьо, джугур-гьо*). По соотношению значений между формами ед. и мн. числа татский сходен с персидским и рядом других иранских языков. Форма прямого падежа ед. ч., не будучи оформлена какими-либо показателями или определениями, является обычно обозначением неопределенного, нерасчлененного множества, совокупности предметов (исключением являются существительные, определенные по своей природе, — имена собственные, термины родства и др.). Форма мн. ч. обозначает совокупность ряда определенных, единичных, поддающихся счету предметов. Существительные, обозначающие вещество как таковое (типа *глов* «вода», *ну* «хлеб»), во мн. ч. не употребляются, за исключением тех случаев, когда они обозначают совокупность различных сортов, разрядов и т. п. одного и того же вещества.

Категория падежа представлена тройной оппозицией: прямой п. — не маркированный, функционально не специализированный, противопоставляется объектному и орудийно-комитативному падежам. Объектный п. образуется с помощью безударного показателя *-ре/-е*, орудийно-комитативный п. — *-ревоз/-евоз*. Падежные окончания являются едиными для всех склоняемых слов в ед. и мн. ч., употребление фонетических вариантов (*-ре/-е*, *-ревоз/-евоз*) зависит от качества конечного звука основы (гласного/согласного). Падежные и числовые форманты — категориально однозначны, поэтому происходит раздельное обозначение числа и падежа, а падежная система характеризуется как агглютинативная. Склонение имени унифицированное, стандартизованное, так как употребляются единые падежные форманты для обоих чисел и для всех типов именных основ. См.: падежно-числовую модель парадигмы склонения существительного на конкретном примере (*назу* «кошка», *дор* «дерево»):

Прям. п.	<i>назу, дор</i>	<i>назу-гьо, дор-гьо</i>
Объектн. п.	<i>назу-ре, дор-е</i>	<i>назу-гьо-ре, дор-гьо-ре</i>
Оруд.-комит. п.	<i>(э)назу-ревоз (э)дор-евоз</i>	<i>(э)назу-гьо-ревоз, (э)дор-гьо-ревоз.</i>

Форманты падежа могут получать известную автономность по отношению к основе слова и оформлять целые именные словосочетания — существительное с пре- и постпозитивными

определениями, передвигаясь на конечную позицию такого атрибутивного комплекса и образуя так называемую групповую флексию, свойственную многим иранским языкам. Напр.: *Тоб доре не дануьсде, асда-асда фушенд гуруне сер хуьшде-ре* — «Не сумев ответить, потихоньку опустил свою тяжелую голову» (Ю. Семенов).

Формы трех падежей служат для выражения более абстрактных грамматических значений, таких, как субъект действия, орудийность, прямой объект, принадлежность и др. Однако эти формы не позволяют выразить всего разнообразия синтаксических отношений имен. Выражение отдельных конкретных синтаксических значений — пространственная, временная ориентация предмета и некот. др., а также определенных абстрактных грамматических значений (принадлежность, качественность, релятивность) — берет на себя контекст, синтаксис. Пространственная, временная характеристики предметов, а также ряд других выражаются посредством использования предлогов, послелогов, частиц при существительных. Напр.: *Мелке рафд э зир дор, но э хори чуькле бухчелере* — «Мелке прошла под дерево, положила на землю маленький мешочек» (М. Бахшиев); *Овосуней эн «Шомоил Дербенди» гъзерсуьз омбор гешде э глэрей джугьурун Дербенд нен Махачкала* — «Сказка «Шамаил из Дербента» очень известна у евреев Дербента и Махачкалы» (Х. Авшалумов); *Э кин келедедей гьеме омо эз чуьклеи бирор бэгъэй* — «К бабушке все пришли, кроме младшего брата».

Принадлежность (и шире — релятивность) и качественная характеристика предмета выражаются средствами притяжательного комплекса и двух типов определительной конструкции. В языке отмечается широкое использование существительных в атрибутивной функции. Притяжательный комплекс образуется при употреблении существительного с притяжательной частицей *эн* и характеризует принадлежность: *эн эл* «принадлежащий народу», *эн бебе* «принадлежащий отцу». Подобные комплексы проявляют тенденцию к слиянию в единую словоформу (в составе определительной конструкции), поэтому с точки зрения их функций и места в системе именного словоизменения ее рассматривают как тенденцию к образованию вторичной падежной формы генитива. Притяжательный комплекс образуется в основном с одушевленными именами существительными, а также с

отдельными абстрактными именами, которые называют неотделимые от человека понятия. В этом проявляется «скрытая» категория отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности, отмеченная во многих иранских языках.

В татском языке образуется два типа определительной конструкции с существительным в функции определения: качественная конструкция с препозицией определения (типа *захмете кор* «трудное дело», *домбуле чумгьо* «сливовидные глаза») и притяжательная конструкция с постпозицией определения (*ленгеригьой муysi* «медные подносы», *хушей онгур* «гроздь винограда», *десдечуй Мердэхее* «трость Мардахая»).

В именной системе татского языка функционирует категория атрибутивности, представленная двумя смыслоразличительными суффиксами определений: суффикс качественности *-е*, оформляющий зависимое существительное в качественной конструкции (*эврьюшум-е муйгьой* «шелковые волосы», *бэгли-е ловгьо* «вишневые губы»), и суффикс притяжательности *-и*, оформляющий определение в притяжательной конструкции (*шол эврьюшум-и* «шелковый платок», *мирабо домбул-и* «сливовое варенье», *богьгьой онгур-и* «виноградные сады»).

Выражение определенности/неопределенности. Средства выражения определенности и неопределенности тесно переплетаются со средствами выражения единичности и множественности. Для выражения неопределенной единичности употребляется числительное *е* «один», выполняющее функцию неопределенного артикля. Числительное *е* употребляется препозитивно по отношению к именам: *е одоми омореi* «какой-то человек пришел». Числительное *е*, употребленное в этой служебной функции, имеет значение «некий», «какой-то». Для выражения определенности используется указательное местоимение *и(н)* «этот», употребляемое в таком случае в функции определенного артикля: *и мерд оморебу* «приходил этот мужчина».

Прилагательное в татском языке не имеет категориальной деривации числа и падежа и, соответственно, форм числа и падежа. Форма числа (мн.) у прилагательных служит признаком их субстантивного употребления: *гиснегьо-тешнегьо* «бедняки», *пойбирэхьнегьо* «голодранцы». У группы качественных прилагательных имеется категория степени сравнения и формы интенсификации. В функции приименного определения в предложении в

составе определительной конструкции прилагательное оформляется суффиксом качественности определения -е. По морфологическому составу прилагательные подразделяются на простые и производные. К простым прилагательным относятся названия основных качеств, такие, как *хуб* «хороший», *шор* «радостный», *зерд* «желтый», *дураз* «длинный», *сэхд* «твердый», *рушум* «жидкий». Производные прилагательные образуются чаще всего от существительных с помощью ряда словообразовательных суффиксов исконно иранского или заимствованного происхождения: *гїзил-и* «детский», *сал-ин* «годовой», *хуне-луй* «домашний», *эгьуль-менд* «умный», *пенж-вой-не* «пятикратный», *сэхьиб-суьз* «бесхозный».

Категория степени сравнения у качественных прилагательных имеет морфологическое и синтаксическое выражение. Морфологически сравнительная степень образуется при помощи суф. -те, присоединяемого к основе прилагательного: *чуькле* «маленький» — *чуькле-те* «меньше», *рач* «красивый» — *рач-те* «красивее». Синтаксически сравнительная степень прилагательного образуется описательными оборотами разных типов: 1) при помощи предлога *эз* «из» и имени, называющего предмет сравнения, прилагательное — в положительной или сравнительной степени: *эз ме келе-те* «старше меня», *эз туь гьундуьри* «выше тебя (ростом)»; 2) при помощи послелога *хуно* «наподобие, как, вроде» и имени, обозначающего предмет сравнения с суф. -е, прилагательное — в положительной степени: *сипи верф-е хуно* «белый как снег», *ширин гїэсел-е хуно* «сладкий наподобие меда». Превосходная степень выражается синтаксически — описательными конструкциями: 1) при помощи предлога *эз* «из», местоимения *гьеме* «все» и прилагательного в положительной или сравнительной степени с суф. -й: *эз гьеме келе-й/эз гьеме келе-те-й* «самый старший», «старше всех»; 2) при помощи наречия *лап* «очень» и прилагательного в положительной степени с суф. -и: *лап чуькле-и* «самый младший», «самый маленький»; 3) при помощи местоимения *чин* «самый» и прилагательного в положительной степени с суф. -и: *чин келе-и* «самый старший», *чин чуькле-и* «самый младший», «самый маленький».

Формы интенсива. Небольшая группа качественных прилагательных образует формы интенсива качества: морфологически — частичной, неполной редупликацией основы: *тип-темиз* «чистый-пречистый», *гьип-гьирмизи* «очень красный», *зеп-зерд*

«очень желтый», *шип-шит* «совершенно пресный»; и синтаксически — постановкой перед прилагательным наречия *лап* «очень» или частицы *диеш* «еще»: *лап дуз* «очень правильный», *лап рач* «очень красивый», *диеш герми* «еще жарче».

Форма атрибутивности. В функции приименного определения прилагательное употребляется в особой форме атрибутивности — с суффиксом качественности определения -е, так как в предложении качественные и относительные прилагательные используются только в роли препозитивного качественного определения, при этом относительные прилагательные переосмысливаются, подвергаются метафоризации: *савз-е чумгьо* «зеленые глаза» (*савз* «зеленый»), *тахтеин-е мэхьа* «тупая голова» (*тахтеин* «деревянный»).

Местоимение. По значению выделяются следующие разряды местоимений: личные, возвратное, указательные, определительные, неопределенные, отрицательные, вопросительные, собирательные.

Личные местоимения — *ме* «я», *туь* «ты», *у* «он», «она», «оно», *иму* «мы», *ишму* «вы», *ишу*, *угьо* «они» — образуют формы прямого, объектного и орудийно-комитативного падежей с теми же показателями, что и у существительных (в функции личных местоимений 3 л. употребляются указательные местоимения). Морфологическую форму мн. ч. имеет только местоимение 3 л. *у* — *у-гьо*, другие имеют специальные основы для мн. ч. Подобно существительным, личные местоимения с притяжательной частицей *эн* образуют притяжательные комплексы: *эн ишму* «принадлежащий вам». В функции приименного определения личные местоимения приобретают значение притяжательных, употребляясь в постпозиции к имени: *дефтер ме* «моя тетрадь», *хьовир туь* «твой товарищ». Возвратное местоимение *хуьшде(н)* «сам» грамматически сходно с существительным: принимает те же падежные форманты, употребляется в функции приименного определения, приобретая при этом притяжательное значение и находясь в постпозиции к существительному: *мугьбет э Ватан хуьшде* «любовь к своей Родине». Указательные местоимения различают две степени близости — *и(н)* «этот», *у(н)* «тот». Эти местоимения изменяются по падежам так же, как и существительные; употребляются в роли приименного определения, выступая в препозиции к имени: *ди мере усиб* «дай мне то яблоко». При помощи выделительной частицы *гье* «вот», «как раз», «толь-

ко» образуются производные эмфатические указательные местоимения: *гье* и «вот этот», *гье* у «вот тот». Определительные местоимения: *гьер* «каждый», «всякий», *гьеме* «весь», «все», суффиксальное — *-ге/-иге* «другой» (*хуней-ге* «другой дом», *сал иге* «другой год»), тюрк. *бэшгэз* «другой». Эти местоимения употребляются в функции препозитивного приименного определения (кроме суффиксального). Неопределенные местоимения: *киниге* «кто-то», *чуьниге* «что-то», *екимигьо* «некоторые», *екигьо* «некоторые» (о людях), *филонкес* «некто», «имярек». Отрицательные местоимения: *гьич* «ничего», «никакой», *екиш* «никто», *ечиш* «ничто». Вопросительные местоимения: *чуь?* «что?», *ки?* «кто?», *комин?* «какой?», «который?» (по отношению к живым существам), *чендин?* «который?» (по отношению к вещам), *ченгэзде?* «сколько?», *чуьтам?* «какой?». Местоимения *чуь?* и *ки?* по грамматическим признакам близки к существительным, изменяются по падежам, имеют форму мн. ч., образуют притяжательные комплексы. Собираательные местоимения: *гьердуюеки* «двое вместе», «оба», *гьерсееки* «трое вместе», «втроем», *гьерпенжеки* «пятеро вместе», «впятером».

Числительное. Выделяются следующие разряды числительных — количественные, порядковые, дробные и разделительные.

Количественные числительные первого десятка (от 1 до 10) имеют каждое свою основу, унаследованную юго-западноиранской общностью: *е/еки* «один», *дуй/дуюдуй* «два», *се/сесе* «три» (формы *еки*, *дуюдуй*, *сесе* используются только при счете), *чор* «четыре», *пенж* «пять», *шеш* «шесть», *хьофд* «семь», *хьэшд* «восемь», *нугь* «девять», *дегь* «десять». Числительные второго десятка (от 11 до 19) — исторически производны: *яздегь* «одиннадцать», *дваздегь* «двенадцать», *сиздегь* «тринадцать», *чордегь* «четырнадцать», *паздегь* «пятнадцать», *шаздегь* «шестнадцать», *гьевдегь* «семнадцать», *гьездегь* «восемнадцать», *наздегь* «девятнадцать»; этимологически производны и названия целых десятков: *бисд* «двадцать», *си* «тридцать», *чуьл* «сорок», *пенжогь* «пятьдесят», *шаст* «шестьдесят», *хьофтод* «семьдесят», *хьэштод* «восемьдесят», *навад* «девяносто». В названиях целых десятков представлена десятичная система счета. Названия сотен: *сад* «сто», *дивист* «двести», *сасад* «триста», *чорсад* «четыреста», *пансад* «пятьсот» и т. д. «Тысяча» — *гьозор*, «две тысячи» — *дуй гьозор* и т. п. При образовании смешанных, составных числительных свыше двадцати названия единиц сле-

дуют за названиями десятков. Когда соединяются числительные разных степеней, то на первое место ставится большее число, за ним — следующее по порядку. При сочетании количественных числительных с существительными последние употребляются в ед. ч. При этом иногда используются различные нумеративы: *тек* «штука», *доне* «штука», *сер* «голова», *десд* «комплект», *муьшд* «горсть» и др., напр.: *е доне донду* «один зуб», *дуй десд партал* «два комплекта одежды».

Порядковые числительные, кроме числительного *суьфдеи* «первый», образуются от соответствующих количественных с помощью суф. *-имуьн*: *сеимуьн* «третий», *паздегимуьн* «пятнадцатый» и т. п. Относительное прилагательное *суьфдеи* «начальный», «передний», используемое в значении «первый», — суффиксальное образование от семитского наречия *суьфде* «начало», «вначале», «вперед». Реже в этой же роли используется и другое семитское прилагательное *гъзвели* «начальный» (*гъзвел* «начало», «вначале», «раньше»). Синтаксически эти числительные выступают как препозитивные определения к существительным, в составе именного сказуемого, в качестве обстоятельства.

Дробные числительные образуются сочетанием количественных числительных: постановкой числителя перед знаменателем, оформленным суффиксом *-и* (*дуй пенжи* «две пятых») — или описательно, при помощи предлога *эз* перед знаменателем (*дуй эз пенж*). Разделительные числительные образуются редупликацией количественного: *еки-еки* «по одному», *сеи-сеи* «по три».

Глагол. По структуре выделяются глаголы: непрямые, состоящие из неразложимой глагольной основы: (*бире(н)* «быть», «становиться», *доре(н)* «давать», *норе(н)* «класть», *хисире(н)* «спать» и др.); производные, имеющие в своем составе словообразовательные аффиксы (*бей-унде(н)* «заморозить», *де-берде(н)* «занести» и др.); сложные глаголы, к которым относятся устойчивые словосочетания, состоящие из глагольного компонента в сочетании с именами или другими словами (*глайб сохте(н)* «стыдить», *вози сохте(н)* «играть», *вир бире(н)* «потеряться», «исчезнуть», *огол зере(н)* «звать», *сер гирде (н)* «начинать» и др.).

В глагольной системе имеется специальный словообразовательный суф. *-ун-*, который придает глаголу каузативное значение. Каузативный по происхождению суф. *-ун-* образует

производные основы с переходным значением от непроизводных основ с непереходным значением: *бейсте(н)* «замерзать» — *бей-ун-де(н)* «заморозить», *варастен(н)* «кончиться» — *варас-ун-де(н)* «кончить»; он присоединяется также и к переходным непроизводным основам, образуя другую переходную основу, прибавляя каузативность к значению глагола: *хурде(н)* «есть», «питаться» — *хор-ун-де(н)* «кормить», *данусте(н)* «знать» — *дан-ун-де(н)* «доводить до сведения». Но каузативные формы производятся не от каждого непереходного глагола: глаголы *бире(н)* «быть», «становиться», *мунде(н)* «оставаться», *оморе(н)* «приходить» и др. не принимают суф. *-ун-*.

Простые глагольные формы (личные и неличные) образуются от двух основ — основы прошедшего времени и основы настоящего времени. По типу соотношения между ними все простые глаголы делятся на четыре класса. К первому классу относятся в основном непереходные глаголы, основа прош. вр. которых отличается от основы наст. вр. наличием суффиксов *-ист-/у-ст-/у-ьст-*, а инфинитив оканчивается на *-исте(н)/-усте(н)/-уьсте(н)*: *собусте(н)* «тереть», «мазать», *зигьисте(н)* «жить». Ко второму классу относятся в основном непереходные глаголы, основа прош. вр. которых отличается от основы наст. вр. наличием суф. *-ир-*, а инфинитив оканчивается на *-ире(н)*: *венжире(н)* «рубить», «крошить», *гуфтире(н)* «говорить», «сказать». К третьему классу относятся переходные глаголы в основном с производными основами наст. вр., образованными от непроизводных с помощью каузативного суф. *-ун-*, при этом наращение конечного *-д* дает основу прош. вр., инфинитив таких глаголов оканчивается на *-унде(н)*: *бейунде(н)* «заморозить», *вомухунде(н)* «поучать», *нуьшунде(н)* «усадить». К четвертому классу относятся все глаголы с основами прош. вр. несуффиксального образования, как переходные, так и непереходные. Внутри этого класса выделяется несколько подгрупп: а) глаголы с основой прош. вр. на *-хт-*, имеющие основу наст. вр. с исходом на *-х*: *вихте(н)* «выбирать», *сохте(н)* «делать»; б) глаголы с основой прош. вр. на *-ст-*, *-шт-*, имеющие основу наст. вр. на *-с-*, *-ш-*: *куьште(н)* «убивать», *хосте(н)* «просить»; в) глаголы с основой прош. вр. на *-фт-*, имеющие основу наст. вр. на *-ф-*: *офте(н)* «находить», *рафте(н)* «идти», «ехать»; г) глаголы с основой прош. вр. на *-рд-*, *-нд-*, имеющие основу наст. вр. на *-р-*, *-н-*, соответственно: *муьрде(н)* «умирать», *повунде(н)* «цедить»; д) глаголы с основой прош. вр.

на *-ир-*, имеющие основу наст. вр. на *-ин-*: *гуфтире(н)* «говорить», *вамасире(н)* «опухать». Имеется также группа неправильных глаголов, которые не могут быть отнесены ни к одной из выше-названных групп: *доре(н)* «давать», *бесте(н)* «связывать», *оморе(н)* «приходить» и др.

Глаголу присущи следующие грамматические категории: наклонение (изъявительное, сослагательное, повелительное, условное, желательное), время (категория времени построена на оппозиции настоящего-будущего времени и прошедшего), залог (действительный и страдательный), лицо и число (ед. и мн.). Эти грамматические категории находят свое выражение в личных формах глагола, в синтетических и аналитических. Состав всех форм глагола представляет собой комбинацию след. элементов: основа глагола (наст. или прош. вр.), грамматические префиксы, глагольные отрицания, личные окончания; в образовании аналитических форм участвуют глагол-связка и вспомогательный глагол.

К числу синтетических относятся простые личные глагольные формы: императив (только во 2 л. ед. и мн. ч.), оптатив, аорист, будущее потенциальное время, простое прошедшее, прошедшее многократное и все неличные, неспрягаемые формы глагола действительного залога — инфинитив, причастие, герундив, имя деятеля, деепричастие.

Простые личные глагольные формы образуются от разных глагольных основ. Форма аориста образуется от основы настоящего времени с добавлением личных окончаний, см. образец спряжения в аористе глагола *берде(н)* «уносить», «нести»: ед. ч.: 1 л. *бер-ум*, 2 л. *бер-и*, 3 л. *бер-у*; мн. ч.: 1 л. *бер-им*, 2 л. *бер-ит*, 3 л. *бер-ут*. Аналогично от основы наст. вр., но при помощи глагольной приставки *ми-* образуется форма будущего потенциального времени, см. образец спряжения: ед. ч.: 1 л. *ми-бер-ум*, 2 л. *ми-бер-и*, 3 л. *ми-бер-у*; мн. ч.: 1 л. *ми-бер-им*, 2 л. *ми-бер-ит*, 3 л. *ми-бер-ут*.

Формы простого прошедшего времени и прошедшего многократного образуются от основы прошедшего времени. Форма простого прошедшего времени образуется от указанной основы присоединением личных окончаний, см.: ед. ч.: 1 л. *берд-ум*, 2 л. *берд-и*, 3 л. *берд*; мн. ч.: 1 л. *берд-им*, 2 л. *ерд-ит*, 3 л. *берд-ут*. Форма прошедшего многократного образуется от этой же основы прош. вр. присоединением тех же личных окончаний и

глагольной приставки *ми-*, см. образец спряжения: ед. ч.: 1 л. *ми-берд-ум*, 2 л. *ми-берд-и*, 3 л. *ми-берд*; мн. ч.: 1 л. *ми-берд-им*, 2 л. *ми-берд-ит*, 3 л. *ми-берд-ут*.

Императив во 2 л. ед. ч. совпадает с основой настоящего времени (*бер!*), 2 л. мн. ч. совпадает со 2 л. аориста (*берит!*). Парадигма спряжения опатива имеет следующий вид: ед. ч.: 1 л. *бер-ом*, 2 л. *бер-ош*, 3 л. *бер-о*; мн. ч.: 1 л. *бер-ойм*, 2 л. *бер-ошит*, 3 л. *бер-ошут*.

Для образования некоторых глагольных форм употребляется приставка *ми-/му-/мий-* (фонетич. варианты), которая придает глагольному действию оттенок длительности, многократности. Отрицательные формы глагола образуются присоединением отрицаний: *не-/ней-/но-/на-* (фонетич. варианты), *ме-/мей-/мо-/ма-* (этот префикс участвует в оформлении отрицательно-запретительных форм повелительного и желательного наклонений). Для форм опатива имеются специальные личные окончания.

Неспрягаемые формы глагола — глагольные имена — образуются от основы прош. вр.: 1) причастие: основа прош. вр. + суф. *-е* (*берде*); 2) имя деятеля: основа прош. вр. + суф. причастия *-е* + суф. *-гор* (*бердегор*); 3) инфинитив: основа прош. вр. + суф. *-е(н)* (*берде(н)*); 4) герундив: основа прош. вр. + суф. инф. *-ен* + суф. *-и* (*бердени*); 5) деепричастие: основа прош. вр. + суф. инф. *-ен* + суф. *-ки/-ге/-де* (*берденки, берденге, берденде*).

К числу аналитических относятся сложные глагольные формы: настоящее время, перфект, преждепрошедшее, прошедшее предположительное и все личные и неличные формы пассива. Формы перфекта, преждепрошедшего и прошедшего предположительного образуются от причастия.

Форма перфекта — сочетание причастия с краткой формой наст. вр. недостаточного глагола бытия — *гыст* «быть». Краткая форма глагола-связки, используемого в сложных глагольных формах, имеет два варианта личных окончаний, в зависимости от гласного или согласного исхода основы: а) после согласного исхода в ед. ч. *-ум/уьм, -и, -и*; во мн. ч. *-им, -ит, -ут/-уьт*; б) после гласного исхода в ед. ч. *-м, -й, -й*; во мн. ч. *-йм, -йт, -йут*. См. образец спряжения в перфекте: ед. ч.: 1 л. *берде-м*, 2 л. *берде-й*, 3 л. *берде-й*; мн. ч.: 1 л. *берде-йм*, 2 л. *берде-йт*, 3 л. *берде-йут*.

Формы преждепрошедшего и прошедшего предположительного образуются также от причастия при помощи вспомогательного глагола *бире(н)* «быть», «становиться». Вспомогательный глагол *бире(н)* имеет две парадигмы спряжения — от основы наст. вр. *бир-*, которая используется при образовании формы преждепрошедшего времени, и от основы прош. вр. *бош-*, которая употребляется при образовании формы прошедшего предположительного. См. образец спряжения в указанных глагольных временах: 1) преждепрошедшее время: ед. ч.: 1 л. *берде бир-уьм*, 2 л. *берде бир-и*, 3 л. *берде бу*; мн. ч.: 1 л. *берде бир-им*, 2 л. *берде бир-ит*, 3 л. *берде бер-уьт*; 2) прошедшее предположительное: ед. ч.: 1 л. *берде бош-ум*, 2 л. *берде бош-и*, 3 л. *берде бош-у*; мн. ч.: 1 л. *берде бош-им*, 2 л. *берде бош-ит*, 3 л. *берде бош-ут*.

Настоящее время представляет собой сочетание инфинитива с личными окончаниями (из краткой формы связи): ед. ч.: 1 л. *берден -ум*, 2 л. *берден-и*, 3 л. *берден-и*; мн. ч.: 1 л. *берден-им*, 2 л. *берден-ит*, 3 л. *берден-ут*.

Отрицательные сложные глагольные формы образуются присоединением к ним отрицательных частиц *нис*, *ние*, *нисе*, которые ставятся перед смысловым глаголом. Видовая характеристика действия — однократность/многократность, длительность/законченность — выражается не морфологически, а лексически, в контексте (различными обстоятельственными словами типа *ебо* «один раз», *е руз* «однажды», *ебош* «ни разу», *чендбо* «сколько раз», *ченд гиле* «сколько раз», *дубо* «дважды»), а иногда и семантикой самого глагола.

Переходный глагол образует 2 ряда залоговых форм — действительного и страдательного залогов. Грамматическая категория залога проходит через всю систему личных и именных форм. Страдательный залог имеет те же формы, что и действительный, которые образуются при помощи причастия смыслового глагола и соответствующей формы одного из вспомогательных глаголов (*оморе(н)* «приходить», *бире(н)* «быть», «становиться»): *фурсоре(н)* «посылать» — *фурсоре омор(н)* «быть посланным». При спряжении глагола в пассивной форме меняется только вспомогательный глагол, при выражении отрицания в отрицательной форме ставится этот же глагол.

Наречие. Собственно наречий, вполне обособившихся от других разрядов слов, в татском языке немного. По значению

выделяются следующие их разряды: 1) временные: а) иранские: *ди* «вчера», *пери* «позавчера», *пор* «в прошлом году», *дир* «поздно», *эхир* «наконец», «в конце концов»; б) семитские: *себэхь* «завтра», *гъэвел* «сначала», *бэгъде* «потом»; в) тюркские или заимствованные через их посредство: *бирден* «вдруг», *гьелем* «еще», «пока»; 2) места (иранские): *дур* «далеко», *э буру* «снаружи», «вне», *э пушо* «впереди», *э песо* «сзади». Эти наречия могут сочетаться с предлогами; 3) образа действия: а) иранские: *зу* «быстро», *тек* «в одиночку», *асда* «тихо», «медленно», *евош* «потихоньку», «тайком», «медленно», *негьогъ* «зря», «напрасно», «бесцельно»; б) тюркские: *бэшгъэ* «иначе», *энжэгъ* «только», *гене* «снова»; 4) меры и степени: а) иранские: *кем* «мало», *зиёд* «много», *хэйли* «много»; б) тюркские: *лап* «очень», *буьтуьн* «целиком», «весь»; неясно происхождение наречия *омбор* «много»; 5) вопросительные: *эже?* «куда?», «где?», *кей?* «когда?».

В языке имеются и производные наречия, образованные суффиксально, префиксально, суффиксально-префиксально и посредством композиции: 1) временные (иранские): *имо-гьо-й* «теперь», *гье-мише* «всегда», *гье-мише-луйг* «навечно», *кей-не* «давным-давно»; 2) места: *ун-жо* «там», *ин-жо* «здесь», *пушо-во* «вперед», *песо-во* «обратно», «назад»; 3) образа действия: *ду-бо-ре* «снова», «повторно», *еки-еки* «по одному»; 4) меры и степени: а) иранские: *ду-бо* «дважды», *е-кем* «немного», *дуборе-муьн-жи* «во-вторых», *дуйимуьн-бо* «второй раз», «вторично»; б) семитские: *филан-гъэдер* «много», *гъэвели-муьн-жи* «во-первых»; в) смешанное — ирано-семитское: *ин-гъэде* «столько».

К наречиям относятся слова, производные суффиксально и префиксально от существительных и посредством композиции из адвербиализованных сочетаний существительных с существительными, наречиями, частицами: *иму-руз* «сегодня утром», *ими-шев* «сегодня ночью», *себэхь-мунде* «утром», *зуй-себахь* «рано утром», *гьей-сеглэт* «сейчас», «сегодня». Недостаток наречий восполняется широко распространенным в новоиранских языках использованием в обстоятельственной функции существительных и прилагательных со значением времени, качества, обстоятельства: *Себэхь иму мирайм э дерьегъ* — «Утром мы пойдем на море»; *Коре хуб сох!* — «Хорошо выполняй работу!».

Некоторые наречия и слова в адвербиальной функции могут принимать суффикс сравнительной степени *-те*: *зуй-те* «еще быстрее», *омбор-те* «еще больше», *хуб-те* «еще лучше». Неболь-

шая группа наречий (в том числе и имен в обстоятельственной роли) качественной семантики может выражать степень интенсивности качества, то есть образовывать формы интенсификации качества: морфологически — редупликацией основы (*асда-асда* «очень тихо», «очень медленно», *евош-евош* «очень осторожно») и синтаксически — при помощи наречия *лап* «очень» или частицы *диеш* «еще»: *лап дир* «очень поздно», *диеш асда* «еще тише», *лап герми* «очень жарко».

Служебные слова. Предлоги подразделяются на: простые, первичные: *э* «в», «к», «на», «с»; *эз* «из», «с»; *эри* «для»; *те* «до»; составные, вторичные: *э сер* «наверх ч.-л.», *эз зир* «снизу ч.-л.», *э руй* «на поверхность ч.-л.», *э дер* «внутри ч.-л.», *э пушой* «впереди ч.-л.», *э товун* «о», *э посой* «за чем-л.», *э гъэд* «внутри», *э хотур* «ради», *бэгъдовой* «спустя» и др. Пример: *У гофгъой урусире э пичире зугъун хушдерево гъэриш сохде э гофгъой джугъурирево здембу фугъунде эри зен гьерчуь эз лэгъэй ю омо* — «Он своей корявой речью, смешивая русские и еврейские слова, укорял жену всем, что срывалось с его языка» (Х. Авшалумов).

Послелог: *бэшгъэ* «кроме», *бэгъэй* «кроме», *хуно* «наподобие как, вроде», *гуьре* «подобно», «ради», *гирде* «после», напр.: *э у гуьре мебош* «подобно ему не делай», *эз туь бэгъэй* «кроме тебя».

Союзы по функциям подразделяются на сочинительные и подчинительные. Сочинительные союзы, которые употребляются для связи отдельных частей сложносочиненного предложения: энклитический союз *-иш* «но», «и», «а», «хоть», *оммо* «только», «но», «однако»; *энжэгъ* «только», «к тому же»; составной союз *екиш*. Пример: *Энжэгъ, э гуш ю шинохое гофгъо «рабигъо», «моллагъо», «кешушгъо», «нумаз», «зэхметкеш» дарафденге, ми-гуиге, лов бисдо дуьл Борух* — «Только он услышал знакомые слова «раввины», «мулла», «поп», «синагога», «трудящийся», словно сердце Боруха распахнулось» (Ю. Семенов). Сочинительные союзы, используемые для связи предложений в составе сложносочиненного предложения и однородных членов простого предложения: *не(н)* «и»; энклитический союз *-иш...-иш* «и...и»; двойные *хьем...хьем* «и...и»; *йе...йе* «или...или», «либо...либо»; *не...не* «ни...ни»; *гогъ...гогъ* «то...то». Подчинительные союзы: *ки* — вводит разные типы придаточных; *эгер* «если» (условные); *чуь* «что» (определятельные и дополнительные); *кей, кейки* «когда»

(временные и другие обстоятельственные); *чуьнки* «так как», «поэтому», «потому что» (причинные); *комики*, *комигьореки* «который» (определительные); составные: *ченгъзде* «сколько», *комин ки* «который» (определительные); энклитический союз *-ге* (временные придаточные предложения и инфинитивные обороты с временным значением «когда»); суффиксальный союз *-гьо*, присоединяемый к сказуемому (определительные), напр.: *Эгер мере нихосдге, мигьшд мирафд э екиге* — «Если бы она меня не любила, то оставила и вышла бы замуж за кого-то другого» (Ю. Семенов).

Частицы по значению делятся на звательные (*э*, *йе*, *йа*, *э дедей!* «о мама!», *гьой!* «эй!»); эмоциональные и модальные (*белкем* «может быть», *эхир* «ведь», «же», «в конце концов», *диеш* «вот», «еще», «да», «к тому же», *бегем* «разве», *гье* «вот как», *эле* «ну» и др.); вопросительную (*гьич*); утвердительные (*эри* «да», *гьелбет* «конечно», *бошгу* «ладно», «пусть»); указательно-ограничительную (*гье* «вот», «как раз», «только»); побудительные (*гьери* «ну-ка», «давай», *биё* «давай»); предположительную (*гуйго* «как будто», «словно»). Пример: *Бегем ме туьре фурсоребируьм эри ижире кор сохде?* — «Разве я тебя посылал делать такую работу?».

Междометия: *вир бош!*, *сур бош!* «пропади пропадом!», «прочь!»; *ги!* «на!», *кеш!* «живо!». К кратким выражениям душевных ощущений относятся: *огь!* (радости), *вой!* (горя), *гьей!* (призыв), *гьой!*, *гьуй!* (ответа на призыв). В качестве междометий употребляются различные формы знаменательных частей речи, чаще глагольные формы и краткие предложения: *Худосдори!* «Ради бога!», «Пожалуйста!»; *дур гердо!* «боже упаси!», *согьбоши!* «благодарю!», «до свидания!», «будь здоров!».

Словообразование. Основными способами словообразования являются аффиксация и словосложение. Продуктивные суффиксы именного словообразования: *-е*, *-ек*, *-ети*, *-ле*, *-че*, *-и*, *-ине*, *-леме*, *-луг*, *-чи*; суффиксы производных прилагательных: *-и*, *-ин*, *-лу/-луй*, *-суьз*, *-менд*. Словообразование имен тяготеет к суффиксации. Сложные имена состоят из двух и более основ, образуя слова сочинительного и детерминативного типа. В глагольном словообразовании отмечены префиксальный, суффиксальный, префиксально-суффиксальный способы образования, при этом более продуктивной оказывается префиксация. Наиболее продуктивные глагольные префиксы: *ве-/ва-/во-/вор-*

/ви- (фонетич. варианты), де-/да-/до-/дир-/; фу-/фур-; словообразовательный суффикс -ун-.

СИНТАКСИС

Порядок слов в простом предложении не является строго закрепленным: на первое место обычно ставится группа подлежащего, на последнее — группа сказуемого, но возможен и обратный порядок. Обстоятельства времени (реже — места) часто предшествуют подлежащему, прямое и предложное дополнения иногда следуют за сказуемым; инверсия представляет собой частое явление. Используются следующие синтаксические способы связи слов: примыкание, управление, согласование, порядок слов и членение предложения на ритмические группы. Согласованием осуществляется связь подлежащего со сказуемым: полным (в лице и числе), неполным (только в лице). Для связи сказуемого с прямым дополнением и с некоторыми обстоятельствами используется управление. Примыкание служит для связи определяемого с определениями, сказуемого с обстоятельством образа действия, выраженным наречием. Порядок слов значим для строго фиксированного примыкания разных по типу определений к определяемому: качественное и количественное — в препозиции, относительное и притяжательное — в постпозиции (*шоре руз* «радостный день», *дуйимуйн сал* «второй год», *хуней сэнгьи* «каменный дом», *дефтер ме* «моя тетрадь»). Членение предложения на ритмические группы является строевой синтаксической единицей, служит дополнительным средством при объединении слов, тесно связанных между собой по смыслу: такими группами в предложении являются определительные конструкции (качественная и притяжательная), притяжательный комплекс, причастный, деепричастный, инфинитивный обороты и оборот с именем деятеля, которые характеризуются единством выдоха (произносятся в едином речевом потоке, без пауз). Обороты с глагольными именами могут быть достаточно сложными, иметь в своем составе те же члены, что и простое предложение. Формально такое простое предложение оказывается очень сложным по составу и переводится на другой, напр. русский, язык сложноподчиненным или сложносочиненным предложением: *Рузгьой е рузгьо, пушой богъчирегьо, гермигьо екем хуьрд биренге, гьовой шохьонгум, чуьшме э посой догъгьо пэхьнуь биренбугьо възд келе мерд се*

сале невей хуьшдере Марале э гъужогъ възгурде, нуьшдебу э гъейвуй хуне диги-диги зере, эдембу мзг'ни хунде э гъовой хэйтогы — «Однажды, перед сбором винограда, как только слегка спал зной, перед вечером, в то время, когда солнце заходило за горы, старик, взяв на руки свою трехлетнюю внучку Марал, сидел на веранде дома, напевая песню на кайтагский мотив» (М. Бахшиев).

Выражение субъектно-объектных отношений проявляется в противопоставлении типов глагольной семантики (переходный — непереходный), что отражается на противопоставлении падежа субъекта и падежа объекта: падеж субъекта — прямой, объекта — объектный. Структура простого предложения в татском характеризуется как номинативная, так как в конструкции с переходным глаголом маркируется падеж объекта и не маркируется падеж субъекта. В языке распространены и сложные предложения, отдельные части которых соединяются между собой посредством сочинительных и подчинительных союзов. В составе сложноподчиненных предложений выделяются следующие основные типы придаточных: определительные, дополнительные, условные, уступительные, времени, цели, причины и следствия.

ЛЕКСИКА

Основной лексический фонд составляют в целом собственно иранские слова: *зигъисте(н)* «жить», «существовать», *оморе(н)* «приходить»; *менг* «луна», *глов* «вода», *ну* «хлеб», *г'эсб* «лошадь», *духдер* «дочь», «девочка», *мерд* «мужчина», *сер* «голова», *верф* «снег»; *рач* «красивый», *буьлуьнд* «высокий»; *еки* «один», *сад* «сто» и др.

Значительный слой лексики, который составляет немалую часть активного словаря языка, является семитским по происхождению*. Этот пласт относится к общеупотребительной лексике, включает в себя общенародную литературно-книжную и разговорно-бытовую лексику: *г'эил* «ребенок», *мозол* «счастье», *хьовир* «друг», *шуьлхэн* «стол», *кирси* «стул», *мол* «скотина», *кекуьл* «чуб», *г'уьлом* «мир», *гъовре* «могила», *г'они* «бедный»,

---

* Наличие языковых явлений семитского происхождения фиксируется исследователями и на других языковых уровнях, однако систематическое их изучение — задача дальнейших исследований.

филонкес «некто», суьфдеи «первый», себэхь «утро», «завтра», гьэвел «сначала»; личные имена и др. Немалый лексический слой составляют заимствования из различных языков: арабского (в-тан «родина», хэлгь «народ»), персидского, тюркских, особенно из кумыкского и азербайджанского (божоногь «свояк», демирчи «кузнец», ягьлово «сковорода»), дагестанских, из русского и через русский (интернациональная лексика). Имеется и довольно обширный пласт лексики, которая не может быть на данном этапе изученности языка отнесена ни к одному из вышеперечисленных разрядов заимствований (кук «сын», келе «большой», омбор «много» и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Грюнберг А. Л. О месте татского среди иранских языков // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 106—114.
2. Грюнберг А. Л., Давыдова Л. Х. Татский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982. С. 231—286.
3. Грюнберг А. Л. К вопросу о языковом взаимодействии (на материале языка североазербайджанских татов) // Краткие сообщения Института народов Азии. Языкознание. М., 1961. Т. 40. С. 11—23.
4. Миллер В. Ф. Очерк фонетики еврейско-татского наречия. М., 1900.
5. Миллер В. Ф. О семитском элементе в татском наречии горских евреев // Древности восточные: Труды Вост. комис. Моск. археол. общ. М., 1903. Т. 2. Вып. 3. С. 160—168.
6. Шор Р. О. О спорных вопросах в консонантизме говора татов-евреев // Языки Северного Кавказа и Дагестана. М.; Л., 1949. Вып. 2. С. 127—139.
7. Грюнберг А. Л. Язык североазербайджанских татов. Л., 1963.
8. Мусаханова Г. Б. Татская литература. Махачкала, 1993.
9. Давыдова Л. Х. К вопросу о простых гласных фонемах современного татского языка (На материале языка татов Северного Кавказа) // Исследования по адыгским языкам. Нальчик, 1977. Вып. 1. С. 122—127.
10. Давыдова Л. Х. Язык татов Северного Кавказа: Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1982.
11. Назарова Е. М. О конструкции изафетного типа в еврейско-татском языке в сравнении с другими иранскими языками // Вопросы иранистики и алановедения: Тез. докл. Владикавказ, 1990. С. 15—16.
12. Назарова Е. М. О дифференциации атрибутивных признаков в определительных словосочетаниях еврейско-татского языка // Семантика. Типология. Социолингвистика. М., 1991. С. 65—67.
13. Beresin I. Recherches sur les dialectes Persans. Casan, 1853.

14. *Dorn B.* Caspia. St.-Petersburg, 1875. Ser. VII. T. 23. № 1.
15. *Миллер В. Ф.* Татские этюды. Ч. I. М., 1905.
16. *Миллер В. Ф.* Татские этюды. Ч. II. Опыт грамматики татского языка // Тр. Лазаревского ин-та вост. языков. Вып. 26. М., 1907.
17. *Грюнберг А. Л.* Система глагола в татском языке // Иранский сборник. М., 1963. С. 121—149.
18. *Миллер В. Ф.* Очерк морфологии еврейско-татского наречия. М., 1901.
19. *Миллер В. Ф.* Материалы для изучения еврейско-татского языка. Введение, тексты, словарь. СПб., 1892.
20. *Жузе П. К.* К выяснению значения слова «тат» // Известия Азерб. гос. науч.-исслед. ин-та: Отделение языка, лит-ры и искусств. Баку, 1930. Т. 1. Вып. 3. С. 11—15.
21. *Minorsky V.* Tat.-Enzyklopedie des Islam. Bd. IV. Leiden; Leipzig, 1934.
22. *Люшкевич Ф. Д.* Термин «тат» как этноним в Средней Азии, Иране и Закавказье // Советская этнография. 1971. № 3. С. 25—32.
23. *Миллер В. В.* О кубинском говоре татского наречия горских евреев Кавказа // Записки Ин-та востоковедения АН СССР. Т. 1. Л., 1933.
24. *Назарова Е. М.* О морфологических средствах выражения априорности в татском языке // Морфемный строй дагестанских языков. Махачкала, 1988. С. 127—147.
25. *Назарова Е. М.* О различиях в системах атрибутивных словосочетаний в диалектах татского языка // Диалектологическое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1992. С. 163—171.
26. *Anisimov N. A.* Grammatik zuhun tati. Maskov, 1932.
27. Терминологический словарь. Даггосиздат, 1941 (тат. яз.).
28. *Гаврилов Б. Г., Изгияева А. Б.* Орфографический словарь татского языка. Махачкала, 1995 (тат. яз.).

В. Хитерер (Киев)

ЕВРЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1917—1920 гг.)

Годы существования Украинской Народной Республики (УНР) (1917—1920) ассоциируются в сознании украинского еврейства лишь с бедствиями гражданской войны и кровавыми еврейскими погромами.

Но период существования УНР был также временем больших надежд и ожиданий для украинского еврейства, которым, увы, не суждено было сбыться.

В УНР — впервые в Восточной Европе — была сделана попытка обеспечить права национальных меньшинств. 9 января 1918 г. Центральная рада* приняла закон о «национально-персональной» автономии¹. В соответствии с этим законом еврейское население Украины, как и другие национальные меньшинства, проживавшие на ее территории, получило «право на самостоятельное устройство своей национальной жизни»², что фактически означало свободу действий в области организации общинного самоуправления, образования и культуры.

В правительство УНР входил секретарь (министр) по делам национальностей, у которого было три вице-секретаря по еврейским, русским и польским делам. В январе 1918 г. после провозглашения полной независимости Украины еврейский вице-секретариат был преобразован в Министерство по еврейским делам УНР³. Министерство по еврейским делам УНР ведало вопросами еврейской культуры, еврейского образования и организации еврейского общинного самоуправления на местах.

Таким образом, еврейское образование было одним из ключевых направлений деятельности Министерства по еврейским делам. Все еврейские учебные заведения в УНР подчинялись этому министерству. Одним из трех департаментов

---

* Центральная рада — парламент УНР.

Министерства по еврейским делам был Департамент народного образования, включавший в себя три отдела: административный, средних школ и статистико-экономический⁴.

Три еврейские социалистические партии: Бунд, Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия и Поалей Цион, из представителей которых было сформировано Министерство по еврейским делам, настаивали на возможности решения еврейской проблемы «через достижение полного равенства прав и внутренней автономизации еврейской жизни»⁵.

Правительство УНР со своей стороны было также очень заинтересовано в развитии еврейского образования, так как еврейское население Украины было в значительной степени аккультурировано русскими и, по мнению правящих кругов УНР, являлось носителем русификаторских тенденций на Украине. Поэтому инициативы Министерства по еврейским делам в области развития еврейского образования находили всяческую поддержку со стороны правительства УНР⁶.

Прежде чем обратиться к тем изменениям, которые произошли в области еврейского образования в период существования УНР, рассмотрим состояние еврейского образования на Украине в начале XX в.

До провозглашения национальной независимости в январе 1918 г. Украина входила в состав Российской империи. В Российской империи в начале XX в. существовали государственные (начальные еврейские училища) и частные еврейские учебные заведения (хедеры, Талмуд-Торы, иешивы). Перед первой мировой войной появилось большое количество еврейских частных средних учебных заведений с правами правительственных гимназий и частных еврейских гимназий. Их возникновение и бурное развитие было обусловлено стремлением еврейского юношества к получению среднего образования, в то время как практиковавшаяся в общих средних учебных заведениях процентная норма заметно ограничивала доступ туда еврейской молодежи.

На территории Украины накануне Февральской революции 1917 г. существовали еврейские частные средние заведения с правами правительственных гимназий в Киеве, Лубнах, Проскурове, Жмеринке, Виннице, Полтаве, Прилуках, Гайсине, Радомысле, Макарове, Могилев-Подольском, Бердичеве, Белой Церкви и в других городах⁷.

Но и в начальных еврейских училищах, и в частных еврейских гимназиях в Российской империи основное внимание уделялось преподаванию общеобразовательных предметов. Преподавание велось на русском языке.

Министерство народного просвещения Российской империи пыталось также регламентировать и контролировать процесс обучения еврейского юношества в хедерах и Талмуд-Торах. Обучение в этих учебных заведениях должно было вестись по учебным пособиям и программам, разработанным Министерством народного просвещения. В хедерах вводилось обязательное изучение русского и немецкого языков. Но правительственный контроль в этих учебных заведениях, как правило, превращался в фикцию и в источник дохода для чиновников. Большинство меламедов в хедерах перешли в Российской империи на нелегальное положение, откупаясь от местных властей⁸.

Тем не менее политика властей Российской империи, направленная на ассимиляцию еврейского населения, принесла свои плоды, и к моменту провозглашения независимости УНР часть еврейского населения, особенно в крупных городах Украины, была в значительной степени русифицирована.

Чтобы устранить влияние русской культуры на еврейское население Украины, Народное министерство по делам образования УНР издало в 1918 г. циркуляр о переводе всех еврейских начальных училищ на еврейский язык обучения⁹. Комиссариат по делам Киевского учебного округа дал следующие руководящие указания директорам высших начальных еврейских училищ:

«1. В первом классе обучение на еврейском языке должно начаться со следующего (1918—1919) учебного года.

2. В остальных классах переход к обучению на еврейском языке должен проводиться постепенно, считаясь с педагогическими возможностями и целесообразностью.

3. В каждом классе должно быть отведено 10—12 недельных часов для еврейского, древнееврейского языков и еврейской истории, распределяя их, например, таким образом: 4—5 часов для еврейского языка (идиш), 4—5 часов для древнееврейского языка (иврит) и 2 часа для еврейской истории»¹⁰.

Как видно из этого распоряжения, первостепенное внимание в высших начальных еврейских училищах УНР, в отличие от начальных еврейских училищ Российской империи, уделялось преподаванию еврейских предметов.

Надо отметить, что вопрос о языке преподавания в еврейских учебных заведениях вызвал бурную дискуссию в Министерстве по еврейским делам УНР между сторонниками языка идиш — представителями Бунда и Объединенной еврейской социалистической рабочей партии, с одной стороны, и представителями Поалей Цион — приверженцами иврита — с другой¹¹. Одержали победу в этой дискуссии сторонники преподавания в еврейских учебных заведениях на идиш. Но до конца на практике это решение так и не было реализовано¹². Этому помешали гражданская война и сопротивление (или игнорирование) введению преподавания на языке идиш части администрации еврейских учебных заведений и, возможно, родителей учащихся.

Министерство по делам образования УНР выделило ссуду в 50 тыс. карбованцев Министерству по еврейским делам для Союза демократических еврейских учителей и для публикации учебников на языке идиш¹³. Затем Министерством по делам образования УНР было ассигновано полмиллиона карбованцев для начальных еврейских училищ¹⁴. Правительство УНР, как будет показано далее, также оказывало финансовую поддержку созданным в период существования Украинской Народной Республики Киевскому Еврейскому Народному университету и Еврейской учительской семинарии.

Правда, Министерству по еврейским делам* далеко не всеми ассигнованными суммами удалось воспользоваться из-за частой смены властей на Украине и временного прекращения работы самого министерства¹⁵.

Работа еврейских учебных заведений в УНР происходила в условиях крайней политической нестабильности. Весной 1918 г., в мирный период правления Центральной рады на Украине, начались еврейские погромы. «Под предлогом обвинения в большевизме украинские сечевики** захватывали и расправлялись с евреями, которых им почему-либо хотелось убрать. В

---

* После прихода к власти гетмана П.П. Скоропадского в апреле 1918 г. Министерство по еврейским делам было упразднено. Вновь Министерство по еврейским делам УНР было образовано после установления власти Директории в декабре 1918 г. Окончательно Министерство по еврейским делам было ликвидировано после установления власти большевиков на Украине в конце ноября 1919 г.

** Сечевые стрельцы — одно из военных подразделений Центральной рады.

самом Киеве имел место целый ряд таких самосудов; в провинции, естественно, дело обстояло еще хуже. Были случаи пыток и издевательств. Все это оставалось безнаказанным...»¹⁶ Что уж говорить о погромах и убийствах евреев во время бесконечной смены властей на Украине.

Несмотря на столь тяжелые и неблагоприятные условия, различные еврейские общества и организации создали немало новых еврейских учебных заведений. В эти годы развернуло свою деятельность на Украине еврейское общество «Культур-Лига», целью которого было развитие и распространение еврейской светской культуры. Центральный комитет этого общества находился в Киеве¹⁷ Общество «Культур-Лига» создало еврейские учебные заведения нового типа, аналогов которых не существовало в Российской империи: светские еврейские школы (в том числе школы для взрослых), Еврейскую учительскую семинарию и Еврейский Народный университет в Киеве.

Только в Киеве «Культур-Лигой» было создано пять еврейских школ: три для взрослых и две для подростков от 13 до 17 лет. В этих школах обучалось более 300 взрослых и около 150 подростков¹⁸. В одной из еврейских школ для взрослых, находившейся на улице Ярославской, 40, преподавал идиш и русский язык ставший впоследствии известным еврейский поэт Давид Гофштейн¹⁹. Кроме идиша и русского языка, в еврейских школах, созданных «Культур-Лигой», преподавались общеобразовательные предметы и еврейская история. Занятия проводились по вечерам, что давало возможность учащимся совмещать учебу с работой. По субботам в школах проводились литературно-научно-популярные чтения. При некоторых из этих школ были организованы библиотеки²⁰ «Культур-Лигой» также была открыта Еврейская гимназия в Киеве, находившаяся на ул. Владимирской, 85. В гимназии работали 11 преподавателей, обучение велось на идише, занятия проходили во вторую смену²¹

Киевский Еврейский Народный университет был учрежден «Культур-Лигой» в мае 1918 г. (во время правления гетмана П.П. Скоропадского)²². Целью университета было «широкое распространение научных знаний среди тех элементов еврейского населения, которые либо вовсе не получили систематического образования, либо желали пополнить полученное образование, привести его в научную систему...»²³. Занятия в университете

проходили в трех группах: естественно-математической, гуманитарной и группе еврейских знаний. Курс обучения в каждой из групп был рассчитан на два года. В естественно-математической и гуманитарной группах еврейские дисциплины не изучались. В группе еврейских знаний студенты изучали такие предметы: еврейская литература, еврейская филология, древнееврейский язык и литература, Библия и библейская критика, еврейская история, история еврейского национального самоуправления, история еврейской культуры²⁴. Всего в университете обучалось 300 студентов²⁵.

Студентами Киевского Еврейского Народного университета могли быть все желающие «лица обоего пола не моложе 16 лет», вносившие плату за обучение²⁶.

По объему изучения общеобразовательных дисциплин Киевский Еврейский Народный университет более соответствовал средним учебным заведениям, чем высшим. В уставе университета было сказано: «Еврейский Народный университет в Киеве устраивает, в зависимости от средств, систематические и эпизодические курсы по всем отраслям научного знания с объемом преподавания как превышающим курс средних учебных заведений, так и равным ему, распределяя эти курсы по трем группам...»²⁷

Управление Киевским Еврейским Народным университетом осуществлял попечительский совет университета, в состав которого входили директор университета, его заместитель по хозяйственной части и три члена университетского совета²⁸. Исполняющим должность директора Киевского Еврейского Народного университета на протяжении всего его существования (1918—1920 гг.) был Моисей Зильберфарб*, бывший министр по еврейским делам УНР²⁹.

М. Зильберфарб преподавал в этом университете государственное и административное право; Чешкес — социологию и

---

* Моисей Зильберфарб (1876—1934) — политический деятель и писатель, один из основателей Социалистической еврейской рабочей партии в России (1906 г.). После революции 1917 г. стал лидером Объединенной еврейской социалистической рабочей партии (Фарейнингте). Был первым министром по еврейским делам УНР (с сентября 1917-го до января 1918 г.) и одним из авторов законопроекта о национально-персональной автономии. В 1918—1920 гг. — один из руководителей «Культур-Лиги» в Киеве. В 1921 г. Зильберфарб эмигрировал в Польшу, где скончался.

психологию; И. Френкель — политическую экономию; И. Ландау — историю развития хозяйства и финансовое право; Ш. Гольдельман — внешнюю экономическую политику, торговые соглашения; еврейский публицист и литературный критик Моисей Литваков* — еврейскую литературу; З. Кальманович — историю Древнего Востока, библеистику, еврейское (идиш) и древнееврейское (иврит) языковедение; Бенцион Динабург** — еврейскую историю (он также читал лекции по этому предмету в Киевской Еврейской учительской семинарии); А. Коральник — всемирную литературу; И. Гинзбург — геологию; С. Бронштейн — химию; М. Добин — ботанику; Б. Сегал — анатомию и физиологию человека; Ш. Ашкинази — математику; Е. Рейн — зоологию.

Занятия Киевского Еврейского Народного университета проходили пять дней в неделю с 7 до 9 вечера в здании зубоучебной школы врачей Л. Головчинера и С. Лурье (ул. Крещатик, 50)^{29а}.

Финансирование Киевского Еврейского Народного университета осуществлялось за счет взносов учащихся за обучение (по 100 рублей за учебный год), а также субсидии, предоставляемой Отделом народного образования Киевской городской управы³⁰.

Финансирование других еврейских учебных заведений, находившихся в ведении «Культур-Лиги», осуществлялось за счет субсидий, предоставляемых «Культур-Лиге» Отделом народного образования Киевской городской управы³¹.

Работал в 1918 г. Еврейский Народный университет и в Одессе, в котором лекции читались на иврите. Так, еврейский историк Саул Боровой*, который посещал лекции в Одесском

---

* Моисей Литваков (1875—1939) — один из основателей Объединенной еврейской социалистической рабочей партии, член Центральной рады УНР. С 1921 г. — член КП(б)У, один из наиболее активных деятелей Евсекции ВКП(б), редактор газеты «Эмесь».

** Бенцион Динабург (Динур; 1884—1973) — член Поалей Цион, один из основателей Еврейской историко-археографической комиссии (1919 г.) В 1921 г. уехал в Палестину. Ведущий израильский историк середины XX в., профессор Иерусалимского университета. В 1951—1955 гг. был министром просвещения и культуры Израиля. Бенцион Динур был инициатором создания и первым председателем правления мемориального института Яд Вашем.

*** Саул Боровой (1903—1989) — советский еврейский историк. Занимался изучением истории российского и украинского еврейства.

Еврейском Народном университете, пишет в своих воспоминаниях, что из университетских лекций ему запомнились лекции Х.-Н. Бялика по истории еврейской средневековой поэзии, лекции раввина Осовского по истории еврейской средневековой культуры, а также лекции по алгебре (фамилию преподавателя С. Боровой не запомнил)³². Других сведений о работе Одесского Еврейского Народного университета, к сожалению, найти не удалось.

«Культур-Лига» открыла в Киеве в 1919 г. еврейские художественную и театральную студии, организовывала проведение выставок еврейских художников, концертов еврейской музыки, представления еврейских спектаклей³³.

Для новых типов еврейских учебных заведений, появившихся в годы существования УНР, нужны были преподаватели с соответствующей подготовкой. По постановлению Центральной рады 1 июля 1918 г. в Киеве была открыта Еврейская учительская семинария для подготовки учителей начальных еврейских школ Украины³⁴. Киевская Еврейская учительская семинария была средним учебным заведением с четырехлетним курсом обучения и подготовительным отделением. Согласно уставу Киевской Еврейской учительской семинарии, в этом учебном заведении должны были изучаться следующие предметы: еврейские языки (идиш, иврит) и литература, еврейская история, общеобразовательные предметы (в том числе украинский язык и литература, история Украины), педагогика, дидактика и методика преподавания в начальных еврейских школах³⁵. Преподавание всех предметов в Киевской Еврейской учительской семинарии велось на языке идиш. В Киевскую Еврейскую учительскую семинарию принимались юноши и девушки не моложе 16 лет (в подготовительный класс — с 15 лет), которые окончили высшую начальную школу и сдали вступительные «экзамены по еврейскому и древнееврейскому языкам и еврейской истории»³⁶. В Киевской Еврейской учительской семинарии работало 9 преподавателей и обучалось 48 студентов³⁷. Музыку и пение в семинарии преподавал студент Киевской консерватории Моисей Яковлевич Береговский, ставший впоследствии известным музыковедом и фольклористом³⁸.

После установления советской власти на Украине Киевская Еврейская учительская семинария была преобразована в сен-

тябре 1920 г. в Еврейскую педшколу с трехлетним курсом обучения. Никаких педагогических дисциплин в Еврейской педшколе уже не преподавалось, программ обучения по предметам не существовало³⁹.

Одновременно с Еврейской учительской семинарией в Киеве существовали Еврейские фребелевские курсы*, открытые еврейским обществом «Тарбут» в 1918 г. Фребелевские курсы также осуществляли подготовку преподавателей для начальных еврейских учебных заведений. На фребелевских курсах преподавались иудейская религия, еврейская история, педагогика, общеобразовательные предметы (в том числе украинский язык)⁴⁰.

В годы существования УНР интересные метаморфозы произошли с некоторыми еврейскими учебными заведениями, работавшими на Украине еще с дореволюционных времен. Так, в киевскую частную мужскую гимназию А.М. Козаринского и радомысльское частное среднее еврейское учебное заведение А.-М. З.-Н. Шнеерсона по распоряжению их администрации и с согласия Министерства по делам образования и Министерства по еврейским делам УНР был разрешен прием детей без различия вероисповеданий и национальностей. При этом частная мужская гимназия А.М. Козаринского перестала быть еврейским учебным заведением, а радомысльское частное среднее еврейское учебное заведение продолжало оставаться таковым⁴¹.

По всей видимости, А.М. Козаринский открыл в 1916 г. частную еврейскую гимназию в Киеве только потому, что законы Российской империи запрещали евреям открывать какие-либо иные учебные заведения, кроме еврейских, и запрещали обучение христианских детей в еврейских учебных заведениях⁴². При первой же возможности А.М. Козаринский преобразовал свое частное еврейское учебное заведение в общеобразовательное.

Иначе обстояло дело с радомысльским частным средним еврейским учебным заведением, владельцем и заведующим

---

* Фридрих Вильгельм Август Фребель (1782—1852) — немецкий педагог, теоретик системы дошкольного воспитания. Фребелевские общества, существовавшие в России и на Украине в начале XX в., занимались вопросами дошкольного воспитания и начального образования. Имело ли Киевское фребелевское общество (1908—1920) отношение к Еврейским фребелевским курсам, организованным в Киеве еврейским обществом «Тарбут», или же курсы были просто названы в честь Фребеля, установить не удалось.

которого был радомысльский общественный раввин А.-М. З.-Н. Шнеерсон. Родители-христиане обратились к раввину Шнеерсону с просьбой принять их детей в радомысльское частное среднее еврейское учебное заведение, которым он заведовал⁴³. Почему родители-христиане хотели отдать учиться своих детей именно в среднее еврейское учебное заведение, мы можем только догадываться. Возможно, что в другие средние учебные заведения Радомысля было тогда сложно поступить, а Шнеерсон с готовностью встретил предложение родителей-христиан о приеме их детей в принадлежащее ему учебное заведение, вероятно, имея в виду, что обучение христианских детей поднимало престиж его учебного заведения среди местного населения и придавало ему больше стабильности, устойчивости.

В радомысльском частном среднем еврейском учебном заведении, как и в других средних еврейских учебных заведениях, преподавались иудейская религия, еврейские языки (идиш, иврит), еврейская история, общеобразовательные предметы (в том числе и украинский язык)⁴⁴.

Всего в этом учебном заведении в 1917/1918 учебном году обучался 201 ученик (105 мальчиков и 96 девочек)⁴⁵. В годы существования УНР во многих еврейских учебных заведениях было введено совместное обучение мальчиков и девочек.

Управление еврейскими учебными заведениями осуществлялось на демократических началах. Во многих еврейских учебных заведениях директора избирались родительскими комитетами⁴⁶.

Большинство преподавателей и заведующих еврейских гимназий были с высшим образованием, некоторые — со средним специальным. В средних еврейских учебных заведениях УНР преподавали мужчины и женщины, евреи и христиане⁴⁷.

В период существования Украинской Народной Республики много было сделано для образования взрослого еврейского населения. Кроме упомянутых выше трех еврейских школ для взрослых в Киеве, Министерство по еврейским делам открыло 40 вечерних еврейских школ для взрослых в провинции⁴⁸.

Еврейское общество «Тарбут» также открывало различные курсы для взрослого еврейского населения и курсы повышения квалификации для учителей еврейских учебных заведений. Так, общество «Тарбут» открыло курсы повышения квалификации

(«повторительные курсы») для учителей еврейских предметов (иврита, истории евреев и истории еврейской литературы) в Киеве и Одессе⁴⁹.

В Киеве общество «Тарбут» открыло курсы для изучения иврита, истории евреев и истории еврейской литературы, куда принимали всех желающих. Эти курсы, в отличие от фребелевских курсов и курсов повышения квалификации учителей, были платные. Во всех учебных заведениях, организованных обществом «Тарбут», преподавание велось на иврите⁵⁰.

В УНР продолжала существовать и традиционная система еврейского образования: хедеры, Талмуд-Торы, иешивы. Традиционные еврейские учебные заведения составляли большинство еврейских учебных заведений на Украине в период существования УНР. Но мы практически не имеем сведений об их работе, так как хедеры, Талмуд-Торы и иешивы не подчинялись Министерству по еврейским делам УНР и не получали от него финансирования (поэтому не сохранилось документов и отчетности об их работе в эти годы). Работники Департамента народного образования весьма негативно относились к работе такого рода учебных заведений, хотя и не запрещали их существования. Так, директор Департамента народного образования Министерства по еврейским делам УНР Фиалков Х. Х. писал в своем докладе о традиционных еврейских учебных заведениях: «Единственные средства их существования — плата за обучение и благотворительные сборы... Плата обеспечивает в школах место более состоятельным за счет менее состоятельных, благотворительный характер школы ставит ее в зависимость от симпатий и вкусов благотворителей... Еврейская буржуазия ревностно охраняла в школах затхлые остатки отжившей религиозной старины»⁵¹.

Далее Х.Х. Фиалков предлагал развивать сеть еврейских светских школ, противопоставляя их еврейским религиозным учебным заведениям⁵². Такая позиция директора Департамента народного образования и всего Министерства по еврейским делам в целом не вызывает удивления, так как в его состав входили преимущественно представители социалистических еврейских партий. Работники этого министерства связывали будущее еврейского образования с новыми видами еврейских светских учебных заведений, появившихся в годы существования УНР, в которые они и вкладывали имеющиеся в их распоряжении

средства. Тем не менее средств, ассигнованных правительством УНР на еврейское образование, было крайне недостаточно. К тому же из-за огромной инфляции они обесценивались с каждым днем. Материальное положение учащихся и преподавателей еврейских учебных заведений в годы существования УНР было очень тяжелым. Многие учащиеся вынуждены были прерывать обучение и устраиваться на работу, чтобы выжить⁵³. Работа еврейских учебных заведений УНР часто прерывалась во время военных действий, смены властей и еврейских погромов. Все эти обстоятельства, а также внутренние конфликты в Министерстве по еврейским делам между представителями различных партий привели к весьма печальным последствиям в области еврейского образования. Газета «Фолкцайтунг» — орган Бунда — писала в марте и апреле 1919 г. о деградации еврейской школы на Украине и углубляющейся пропасти между двумя еврейскими культурами — ивритской и идишистской⁵⁴.

По мнению историка еврейской автономии в УНР Соломона Гольдельмана*, Министерство по еврейским делам достигло в области еврейского образования скромных результатов⁵⁵. Но при оценке деятельности Министерства по еврейским делам в области еврейского образования мы должны учитывать те крайне тяжелые условия и политическую ситуацию на Украине, при которых работало министерство. И все же если сравнивать состояние еврейского образования в УНР с ситуацией в предыдущий и последующий периоды (в Российской империи и Советском Союзе), то становится очевидным, что в этой области за короткий период существования украинского государства было сделано довольно много.

С ликвидацией жесткой регламентации еврейского образования, существовавшей в Российской империи, и с предоставлением национально-персональной автономии национальным меньшинствам, проживающим в УНР, на Украине появилось много новых видов еврейских учебных заведений, программы преподавания в которых стали более разнообразными. В существовавших ранее еврейских учебных заведениях стало больше внимания уделяться преподаванию еврейских предметов, языком обучения во многих из них стали идиш и иврит.

---

* Соломон Гольдельман был министром труда в правительстве УНР.

Управление еврейским образованием в УНР находилось всецело в компетенции Министерства по еврейским делам, и украинское государство выделяло средства для его финансирования.

В то же время не следует забывать, что Министерство по еврейским делам, находившееся под контролем еврейских социалистических партий, негативно относилось к системе традиционного религиозного еврейского образования. В годы существования УНР ничего не было сделано для поддержки религиозных учебных заведений, которые в то время составляли большинство всех еврейских учебных заведений на Украине.

В годы советской власти традиционная система еврейского образования была ликвидирована, хедеры, Талмуд-Торы и иешивы закрыты, как клерикальные еврейские учебные заведения.

В те же годы был закрыт Киевский Еврейский Народный университет (точная дата его ликвидации неизвестна, последние упоминания о его работе относятся к январю 1920 г.)⁵⁶. Все еврейские школы и гимназии, находившиеся в ведении «Культур-Лиги», были переподчинены с 1920-х гг. губернским отделам народного образования и Наркомату просвещения УССР, а затем преобразованы в Единые трудовые школы⁵⁷. В конце 40-х гг. все еврейские учебные заведения в Советском Союзе были закрыты.

---

¹ Закон про національно-персональну автономію // Архіви України. 1992. № 1-3. С. 70—71.

² Там же.

³ Очерк истории еврейского народа / Под редакцией проф. Ш. Эттингера. Иерусалим, 1990. Т. 2. С. 626.

⁴ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины), ф. 1748, оп. 1. Документы в описи разделены на следующие структурные части, отражающие структуру Министерства по еврейским делам УНР:

1. Департамент общих дел.
2. Департамент национального самоуправления.
3. Департамент народного образования:
  1. Административный отдел.
  2. Отдел средних школ.
  3. Статистико-экономический отдел.

⁵ Goldelman S. Jewish National Autonomy in Ukraine 1917—1920. Chicago, 1968. P. 67.

⁶ Ibidem. С. 69—70.

⁷ Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИА Украины), ф. 707, оп. 85, д. 61, 62, 63, 81, 102, 114, 145, 173, 180, 199, 205, 236, 240; оп. 313, д. 30, 31 и др.

⁸ *Марек П.С.* Очерки по истории просвещения евреев в России (Два воспитания). М., 1909. С. 141.

⁹ ЦГИА Украины, ф. 707, оп. 311, д. 2, л. 195. Циркуляр Народного министерства по делам образования УНР еврейской высшей начальной школе, 1918 г.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Goldelman S.* Op. cit. P. 68.

¹² *Ibidem* P. 68—69.

¹³ *Ibidem* P. 69.

¹⁴ *Ibidem*.

¹⁵ *Ibidem*.

¹⁶ *Гольденвейзер А.А.* Из киевских воспоминаний (1917—1920 гг.) // Революция на Украине. По мемуарам белых. М.; Л., 1930. С. 29.

¹⁷ Государственный архив г. Киева, ф. 163, оп. 21, д. 1425. Дело о регистрации пяти еврейских школ (3-х для взрослых и 2-х для подростков) общества «Культур-Лига» (1919 г.), л. 2. Устав общества «Культур-Лига».

¹⁸ Там же, лл. 3—7. Сведения о еврейских школах г. Киева, организованных обществом «Культур-Лига».

¹⁹ Там же, л. 7.

²⁰ Там же, лл. 10—11. Докладная записка эксперта по еврейским городским школам С.И. Левина в Комитет по народному образованию от 12.09. 1919 г.

²¹ Государственный архив Киевской области (ГАКО), ф. Р-142, оп. 1, д. 383, л. 9. Школьная анкета гимназии «Культур-Лиги», 1919 г.

²² Государственный архив г. Киева, ф. 163, оп. 52, д. 868. Устав, учебный план, смета расходов Киевского Еврейского Народного университета (1918—1919 гг.), л. 4. Письмо и.о. председателя Центрального Комитета общества «Культур-Лига» Д. Бергельсона в Киевскую городскую управу от 21.07. 1918 г.

²³ Там же, лл. 11—15. Устав Еврейского Народного университета в г. Киеве.

²⁴ Там же, л. 7. Общая схема учебных планов Еврейского Народного университета в г. Киеве.

²⁵ Там же, л. 3. Доклад Отдела народного образования Киевской городской управы от 29.01. 1919 г. о работе Киевского Еврейского Народного университета.

²⁶ Там же, лл. 11—15. Устав Еврейского Народного университета в г. Киеве.

²⁷ Там же, лл. 11—12.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, лл. 9—10. Прощение и.д. директора Киевского Еврейского Народного университета доктора М. Зильберфарба в Киевскую городскую управу от 7.09.1918 г.; Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1982. Т. 2. С. 556.

^{29а} ЦГИА Украины, ф. 707, оп. 86, д. 282, л. 8. Заявление товарища

председателя Центрального Комитета организации «Культур-Лига» в Комиссариат по делам Киевского учебного округа, 1918 г.

³⁰ Государственный архив г. Киева, ф. 163, оп. 52, д. 868, л. 3.

³¹ ГАКО, ф. Р-142, оп. 1, д. 69, л. 15. Извлечение из протокола заседания Совета губернского Отдела народного образования о выделении средств «Культур-Лиге» на содержание культурно-образовательных учреждений от 3.01.1920 г.

³² *Боровой С.* Воспоминания. М.; Иерусалим, 1993. С. 84.

³³ «Известия» — «Вісті» Киевского Губревкома. 1920. 6 янв.; ГАКО, ф. Р-142, оп. 1, д. 374, л. 31. Сообщение Бюро печати и информации губернского Отдела народного образования от 17.01. 1920 г. о возобновлении работы театральной студии «Культур-Лиги».

³⁴ ЦГИА Украины, ф. 707, оп. 311, д. 1. Дело с циркулярными распоряжениями Министерства народного образования (1918 г.), л. 204. Закон, утвержденный Центральной радой 11 апреля 1918 г., о Киевской Еврейской учительской семинарии.

³⁵ Там же, лл. 204—206. Устав Киевской Еврейской учительской семинарии.

³⁶ Там же.

³⁷ ГАКО, ф. Р-142, оп. 2, д. 53, лл. 1, 18, 19, 23. Анкетные данные о Еврейской педшколе, январь 1921 г.

³⁸ Там же, лл. 8—9, 12—13. Ведомости о персональном составе педсовета Еврейской педагогической школы, декабрь 1920 г.

³⁹ Там же, лл. 1, 18, 19, 23.

⁴⁰ ЦГИА Украины, ф. 707, оп. 86, д. 77. Киевские фребелевские курсы общества «Тарбут» (1918 г.), лл. 1—4. Переписка Центрального Комитета общества «Тарбут» с Учебным комиссариатом УНР об открытии в г. Киеве Еврейских фребелевских курсов, 1918 г.

⁴¹ ЦГИА Украины, ф. 707, оп. 85, д. 173. Киевская частная еврейская гимназия Козаринского (1917 г.), л. 14. Отношение заведующего частной мужской гимназией Козаринского А.М. попечителю Киевского учебного округа от 13.10.1917 г.; д. 83. Радомысльское среднее еврейское учебное заведение Шнеерсона (1917—1918 гг.), лл. 5, 7. Переписка заведующего частного еврейского учебного заведения для лиц обоего пола Шнеерсона М.Н. с комиссаром по еврейским делам УНР, 1917—1918 гг.

⁴² Государственный архив г. Киева, ф. 179. Киевская еврейская частная мужская гимназия А.М. Козаринского, оп. 1, д. 1. С циркулярами попечителя Киевского учебного округа (1916 г.).

⁴³ ЦГИА Украины, ф. 707, оп. 85, д. 83, лл. 5, 7.

⁴⁴ Там же, л. 1. Прошение радомысльского общественного раввина А.-М. З.-Н. Шнеерсона попечителю Киевского учебного округа от 6.06. 1917 г.

⁴⁵ Там же, л. 10. Отношение заведующего радомысльским частным средним еврейским учебным заведением А.-М. З.-Н. Шнеерсона попечителю Киевского учебного округа от 7.10. 1917 г.

⁴⁶ Там же, оп. 313, д. 48. Переписка с родительским комитетом Уманской еврейской гимназии о выборах директора гимназии (1919 г.).

⁴⁷ Там же, оп. 85, д. 199. Проскуровская общественная еврейская мужская

гимназия (1917 г.), л. 8. Список преподавателей гимназии; д. 240. Бердичевская еврейская мужская гимназия Шварцмана (1907—1917 гг.), л. 1. Прощение содержания Бердичевской еврейской мужской гимназии Шварцмана; д. 145. Белоцерковская частная еврейская мужская гимназия М.Н. Митлина (1917 г.), лл. 8—9. Список учителей Белоцерковской частной мужской еврейской гимназии и другие дела.

⁴⁸ ЦГАВО Украины, ф. 2060 (Министерство по еврейским делам УНР), оп. 1, д. 42. Доклад директора Департамента народного образования Министерства по еврейским делам УНР и сообщения еврейских высших и средних школ о положении еврейского школьного дела и об ассигновании средств на их содержание (1919 г.), л. 16. Ведомость о еврейском образовании для взрослых для Киева и провинции.

⁴⁹ ЦГИА Украины, ф. 707, оп. 86, д. 148. Киевские учебные заведения Еврейского культурно-просветительного общества «Тарбут» (1918 г.), лл. 2, 10. Переписка Центрального Комитета общества «Тарбут» с Комиссариатом по делам Киевского учебного округа; оп. 811-А, д. 23. Дело с перепиской по еврейским училищам (1918 г.), л. 110. Отношение заведующего еврейскими педагогическими курсами Е.Д. Кантора в Комиссариат по делам Киевского учебного округа от 6.09. 1918 г.

⁵⁰ Там же, ф. 707, оп. 86, д. 148, лл. 3—7. Устав Еврейского культурно-просветительного общества «Тарбут».

⁵¹ ЦГАВО Украины, ф. 2060, оп. 1., д. 42, лл. 36—38. Доклад директора Департамента народного образования Министерства по еврейским делам УНР Фиалкова Х.Х.

⁵² Там же.

⁵³ ГАКО, ф. Р-142, оп. 2, д. 53, л. 14. Ведомость о материальном положении учителей и преподавателей Еврейской педшколы.

⁵⁴ *Frankel J. The Dilemmas of Jewish National Autonomism: the Case of Ukraine 1917—1920 // Ukraine-jewish Relations in Historical Perspective. Edmonton, 1990. P. 271.*

⁵⁵ *Goldelman S. Op. cit. P. 67—68.*

⁵⁶ ГАКО, ф. Р-142, оп. 1, д. 69, л. 15. Извлечение из протокола заседания Совета Киевского губернского Отдела народного образования о выделении средств «Культур-Лиге» на содержание культурно-просветительных учреждений от 3.01.1920 г.

⁵⁷ Там же, оп. 2, д. 60, лл. 49—50. Извлечение из протокола заседания Бюро Евсекции Киевского губкома КП(б)У о переподчинении учреждений «Культур-Лиги» Евсекции губернского Отдела наробраз от 12 декабря 1923 г.

**ОЧЕРКИ.
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПОРТРЕТЫ**

Г. Аграновский (Вильнюс)

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ АБРАМА МАПУ

О жизни Абрама Мапу (1808—1867), первого еврейского романиста, сохранилось относительно немного сведений. Пополнить наши знания о знаменитом писателе позволяют некоторые новые находки в Литовском государственном историческом архиве (ЛГИА).

Известно, что несколько лет (1837—1844) писатель провел в России (современный Расейняй, Литва). Там он оставил о себе добрую память. Не случайно в конце 1851 г., когда решался вопрос об открытии в Россиенах казенного еврейского училища, купцы и депутаты Россиенского еврейского общества просили, чтобы в их город был назначен «состоящий ныне учителем в Ковенском казенном еврейском училище Аврам Мапу, который 8 лет сряду занимался в нашем городе обучением еврейского юношества еврейскому закону, первоначальным познаниям русского, немецкого, латинского и французского языков и арифметике, особливо Библии и еврейскому языку, в которых он преимущественно отличается... Таким полезным для юношества занятием учитель Мапу снискал себе доверие нашего общества...»¹.

Доброй славой пользовался писатель и у себя на родине, в Ковно (Каунас). В связи с организацией в Ковно в 1848 г. еврейского училища директор училищ Ковенской губернии Ф. Петровский пишет 5 ноября 1848 г.: «Другим учителем еврейских предметов в г. Ковне я желал иметь Абрама Маппе (то есть Мапу.— Г. А.), который проживал некоторое время в г. Ковне, заслужил особенное одобрение всех почетнейших жителей-евреев; но как он находится в г. Вильне у купца Опатова, то я не могу представить требуемых об нем документов»².

По-видимому, нужные документы были представлены, так как уже через месяц (3 декабря 1848 г.) министр народного просвещения разрешает открыть училище 1-го разряда в Ковно и принять учителями Шульдинера и Маппе³.

Большую часть своей жизни писатель проработал учителем. В «Списке чиновников и преподавателей казенных еврейских училищ 1-го и 2-го разрядов, находящихся в Ковенской дирекции училищ» фамилию Мапу мы встречаем дважды: Авраам Мапу числится с 3 декабря 1848 г. учителем «обрядов еврейского закона и религиозно-нравственных установлений» в училище 1-го разряда в Ковно, а Абрам Мапу с 28 октября 1854 г.— учителем «еврейских предметов» в Тельшевском (современный

Тельшай, Литва) училище 1-го разряда. Ошибка чиновников? Или были два Абрама Мапу — оба учителя, оба родились в пригороде Каунаса Слободке (Вилиямполе)?⁴ Правда, не совпадают отчества. Отца писателя звали Екутиель⁵, полное имя «второго Мапу» — Абрам Шимха Пейсахович⁶. К сожалению, в большинстве найденных документов отчества отсутствуют.

Наличие в архивах документов двух учителей с одинаковыми именами и фамилиями осложняет индивидуализацию документов писателя и затрудняет их поиск. Целый ряд документов на имя А. Мапу по различным косвенным признакам приходится относить к тельшевскому Мапу. Последнее упоминание о наличии тезки писателя в Тельшае мне удалось найти в письме из Тельшай писателя И. Л. Гордона от 6.08.1867 г.: «прогуливался с учителем Мапу»⁷.

Архивные документы позволяют ответить на вопрос, почему был запрещен роман А. Мапу «Хозе Хезионот» («Духовидцы»). Особый интерес представляет письмо писателя с описанием содержания своих романов:

«Давно уже я имел на уме ввести в еврейскую литературу нравописательные и сатирические оригинальные романы для развития в единоверцах своих эстетического чувства в противоположность всему приторному и безвкусному, единственному источнику превратного смысла во всех отношениях, и искажения Священного Писания. Смотря с этой точки зрения, я начал отрицательным действием в первом моем сочинении «Любовь Сиона», изданного мною в 1853 году. 1200 экземпляров этого сочинения, разобранные и очень охотно читаемые, мне порукою в достижении желаемого успеха. В сердца самых закостенелых фанатиков вкрались безотчетные чувства к прекрасному, и за недостатком подобных книг благомыслящие отовсюду просят меня продолжить мое предприятие, и отзыв газеты «Дер Югендум» был для меня самый лестный, что и побудило меня двигаться вперед.

В 1856 году предпринял я сатирический роман в три тома. Из них первый под названием «Пестрая птица или ханжа» издан мною в Вильне 1857 года. Из 2000 напечатанных экземпляров сбыто 800. Цель этого сочинения есть уже положительная — представить фанатизм, все закостенелые предрассудки, нелепости и коварное ханжество, отчасти в смешном, отчасти в гнусном их виде. Напротив того, все доброе и удобное правительству, как трудолюбие и сельская жизнь представляются в прелестных картинах. Этим сочинением накликал я на себя неприязнь всех

тех, которые видят отражение злых нравов своих в зеркальности сцен.

Наконец, я имел в виду так называемых хасидимов или скаунов, составляющих почти $\frac{2}{3}$ еврейского народонаселения. Эта секта образовалась в конце предпоследнего столетия и дала Священному Писанию и всем богословским книгам мистические истолкования, приводящие их в исступление. Эта секта подразделяется на многие виды, из коих каждый признает главу или предводителя своего священным лицом, которое, располагая спасением душ своих приверженцев, извлекает великие выгоды. Иные из них считаются чудотворцами. Толпа их обожателей враждебна всякой учености, как затеям сатаны. Я нашел разительное сходство их странностей в лице Шабтай Цви, жившего в 1644 году, который мистическими науками своими свел с ума почти всех евреев, странствовавших к нему, как к Мессии, каковым он называл себя с уверенением, что в назначенное им время снимет корону с головы султана. Впоследствии султан дал ему выбор: принять стрелу в грудь или магометанскую веру. Лжемессия согласился на последнюю. Однако верные почитатели его втайне сохраняли его лжеучение, которое перешло из рода в род и с изменениями в главных понятиях к скаунам, этим энтузиастам, осуждающим лжемессию, но заимствующим много из мистического учения его.

Сатирический роман под названием «Духовидцы» в нескольких томах представляется в эпохе этого лжемессии, и все сцены направлены против секты скаунов и их странных обычаев.

Второй том моего сочинения «Пестрая птица» и первая брошюра последнего сочинения «Духовидцы» у меня готовы к изданию. А как напечатание оных в Вильне обходится мне очень дорого, так что труд мой не вознаграждается, то всепокорнейше прошу исходатайствовать мне или дозволение напечатанные в Пруссии экземпляры ввести без пошлины или назначить мне пособие.

В Пруссии цена напечатания листа в 3000 экземпляров с бумагою и доставкой обходится в 13 талеров. Следовательно, за книжку в 10 листов — 130 талеров, которые издатель может заплатить в течение 3 лет. В случае же уплаты пошлины 1 $\frac{1}{2}$ коп. от каждого листа, от сочинения, содержащего в себе 10 листов в 3000 экземпляров, пошлина 450 рублей.

Учитель Ковенского еврейского 1-го разряда училища А. Мапу⁸.

Письмо А. Мапу было передано директору училищ Ковенской губернии, затем по инстанции переслано попечителю Виленского учебного округа и далее 28 сентября 1857 г. отправлено в Петербург министру народного просвещения. Министр в письме от 31 октября того же года потребовал, чтобы ему представили «от автора рукописи его сочинений и отпечатанный в Вильне первый том книги «Пестрая птица».

12 февраля 1858 г. министром был отправлен ответ на письмо А. Мапу:

«Господину Попечителю Виленского учебного округа.

Доставленные при предоставлении помощника Вашего превосходительства от 4 и 14 декабря минувшего года два романа учителя Ковенского казенного еврейского училища 1-го разряда Мапу под названием «Пестрая птица» и «Духовидцы» подвергнуты были обсуждению состоящего при Министерстве народного просвещения Комитета рассмотрения еврейских учебных руководств, который нашел, что первое из этих сочинений, хотя и имеет полезную цель предоставить фанатизм и невежество некоторого класса еврейского народа в смешном виде, но как эта книга, хотя имеющая литературное достоинство, не есть не иное что, как роман, то и не может содержать в себе основательного опровержения изуверия фанатиков и войти в разряд книг, заслуживающих поощрения со стороны Министерства народного просвещения, тем более, что этого рода сочинения мало вообще читаются евреями. Второй же роман, под заглавием «Духовидцы», направлен против класса хасидов, называемых им «скакунов», которые, по мнению автора, заимствовали много из мистического учения лжемессии Шабтай-Цви, но как такое применение настоящих хасидов к последователям Шабтай-Цви, считающимся у евреев самыми безбожными апостатами синагоги, несправедливо и может возбудить сильный ропот и негодование значительной части еврейского населения, составляющей по собственному отзыву учителя Мапу $\frac{2}{3}$ целого еврейского населения в России, то сочинение это не только не может быть поощрено правительством, но и не должно бы быть дозволено к печатанию в настоящем виде (подчеркнуто мною. — Г. А.). Почему Комитет заключил, что и просьба учителя Мапу о дозволении ему напечатать указанное сочинение за границей и ввести оное в Россию, беспošлинно, не может быть удовлетворена. Искусное перо г. Мапу могло бы быть с пользою употреблено в существенном сочинении для опровержения суеверий хасидов или для перевода популярных ученых книг, каковые труды Министерство готово поощрять.

Сообщая об этом Вашему превосходительству, в ответ на представление Ваше от 28 сентября минувшего года, имею честь возвратить при сем означенные сочинения учителя Мапу.

Министр народного просвещения [подпись]⁹.

Роман «Духовидцы» так и не был издан.

---

¹ ЛГИА, ф. 567, оп. 6, д. 6, л. 23.

² Там же, оп. 2, д. 5864, л. 38.

³ Там же, л. 70.

⁴ Там же, оп. 6, д. 417, лл. 23—24.

⁵ *Patterson D. Abraham Mapu L.*, 1964.

⁶ ЛГИА, ф. 567, оп. 6, д. 188, л. 73.

⁷ Там же, д. 1187, л. 23.

⁸ Там же, д. 567, лл. 1—2.

⁹ Там же.

Л. Полонский (Баку)

БАНКИРСКИЙ ДОМ РОТШИЛЬДА В БАКУ

«Если нефть королева, то Баку ее трон», — писал в начале века Уинстон Черчилль. В конце XIX столетия и в первые годы века XX-го был период, когда Россия, опередив Америку, занимала ведущее место в мире по добыче нефти и вывозу ее в другие страны. А основная доля жидкого горючего, извлекаемого из недр, приходилась на Баку, где был и крупнейший центр переработки нефти.

Город в Закавказье на Апшеронском полуострове рос необычайно быстрыми темпами, каких не знали ни Россия, ни вообще Европа. «Баку принято считать городом американской складки, то есть интенсивность его развития так же головокружительна, как и рост крупных городов Америки»¹. Со всех концов России, из-за границы в Баку стекались люди разных национальностей в поисках работы и счастья. Среди них было немало евреев. Численность евреев в Баку лишь за шесть лет с 1897 до 1903 г. более чем удвоилась. Евреи занимали пятое место, впереди них были только турки азербайджанские, русские, персы и армяне. В 1901 г. в администрации нефтяных компаний и обществ насчитывалось 64 еврея. Сказалось и то, что в Баку евреям предоставлялись сравнительно широкие возможности для производственной и коммерческой деятельности, и то, что доминирующее положение в бурно развивавшейся нефтяной отрасли с 80-х гг. XIX в. на Апшероне занял парижский банкирский дом «Бр. Ротшильд». Это, в частности, было подмечено исследователем А. Кадырли², назвавшим имена компаньонов и дельцов, последовавших в нефтяной Баку за Ротшильдом, — Гален, Шумахер, Бродский, Лебединский, Мейснер, Гальперин, Быховский, Каплан, Цейтлин, Дембот, Мукович, Каген, Лейтес, Гитис, Целяк, Дагер и др.

Говоря о роли Ротшильда в добыче и реализации нефти в мире, Ейдельс, автор книги «Отношение германских крупных банков к промышленности, в особенности металлургической», вышедшей в Лейпциге в 1905 г., отмечал: «Керосиновый рынок

мира и теперь еще поделен между двумя крупными финансовыми группами: американским «Керосиновым трестом» («Standard Oil») Рокфеллера и хозяевами русской бакинской нефти Ротшильдом и Нобелем». Ротшильды немало способствовали росту Баку, подъему его экономики и культуры. Их огромная и многогранная деятельность чрезвычайно благоприятно сказывалась на жизни еврейской общины города, на отношении к евреям со стороны как коренного, так и пришлого населения. Показательно, что Баку и в самые мрачные дореволюционные годы, связанные с разгулом реакции, не знал антисемитизма.

16 мая 1883 г. произошло высочайшее утверждение новой в Баку фирмы — Каспийско-Черноморского нефтепромышленного и торгового общества. Оно полностью принадлежало баронам Ротшильдам.

Заинтересованность в бакинской нефти, как и в нефти вообще, проявил преемник Джемса Ротшильда — Альфонс, возглавивший с 1868 г. парижский банкирский дом. В Баку им был послан Ротшильд-младший, под руководством которого и предпринимались первые шаги вновь образованного Каспийско-Черноморского нефтепромышленного и торгового общества. В обзоре фабрик и заводов Бакинской губернии, сделанном крупным чиновником Министерства финансов России инженером-технологом С. Гулишамбаровым и опубликованном в 1890 г. в Тифлисе, давалась довольно красноречивая, а главное, объективная оценка начала деятельности дома Ротшильдов в Баку: «Вступление Ротшильда в среду бакинских нефтепромышленников многими ожидалось с большим нетерпением, в надежде, что он своим капиталом даст сильнейший толчок всему нефтяному делу. Капитал Ротшильда в то время для многих представлялся весьма заманчивым, так как в Баку чувствовалось страшное безденежье. Действительно, появление названного торгового дома значительно оживило бакинскую нефтяную промышленность. Открыв многим предпринимателям широкий кредит в десятки и сотни тысяч рублей, они помогли им выйти из крайне затруднительного положения, а некоторых даже спасли от полного разора». Имея в бакинских сейфах 6 миллионов (золотых) рублей и 25 миллионов франков основного капитала, Ротшильды со свойственной им энергией и размахом взялись за дело. Пробным был рейс наливного судна «Фергессен» из Баку в Антверпен. Не прошло и года как ими была отправлена первая партия керосина в Лондон и дистиллята в Австрию, затем пошел керосин, разлитый в

специальные жестяные, тщательно герметизированные ящики, в Турцию, а с 1885 г.— на рынки Дальнего Востока. В Батуме Ротшильды соорудили резервуарный парк и вместительные склады для приемки и хранения керосина, ими была намного увеличена мощность жестяночного завода в Батуме, выпускавшего соответствующую тару — металлические ящики. Жестяночнотарный завод С. Палашковского и А. Бунге в Батуме был первоначально рассчитан на производство 12 тыс. металлических ящиков и 6 тыс. деревянных ящиков в сутки, но с переходом к Ротшильду и резким ростом экспорта выпуск продукции утроился. За короткий срок компания Ротшильда распространила свое влияние на 135 мелких и средних нефтяных предприятий. Ротшильд скупал у них керосин для отправки на внутренние рынки России и в другие страны. Заключались договора на комиссионную продажу керосина, заводчикам Ротшильд через Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое общество открывал крупный кредит на льготных условиях. Если в 1884 г. вывоз бакинских нефтепродуктов за границу составлял 2,4 млн. пудов, то в 1889 г. он поднялся до 30 млн. пудов.

Во властных структурах России к проникновению Ротшильда в нефтяной Баку, как и вообще к иностранным инвестициям, отношение было неоднозначным. Да и ряд потесненных местных компаний поднимали шум, что чужеземцы, мол, не дают дышать исконным российским промышленникам. Давали себя знать в столичном Петербурге, в Государственном совете и министерствах юдофобские настроения. Однако за свободу предпринимательства для иностранных фирм активно выступил наместник Кавказа князь М. Голицын. «Кавказ находится в ином положении,— писал он,— и пока без иностранных капиталов обходиться затруднительно, в особенности при малой предприимчивости здесь со стороны русских капиталистов. Отсутствие свободных капиталов, зачаточное состояние заводской и фабричной промышленности, низкий уровень сельского хозяйства, недостаток технических знаний и слабая предприимчивость местного населения еще долго будут тормозить экономический рост края. При таких условиях не приходится отказываться от участия иностранцев в экономической жизни Кавказа, а между тем безусловное воспреещение им приобретать недвижимое имущество повлекло бы за собой прекращение прилива в край иностранных капиталов, к явному ущербу его хозяйственных интересов»³. Из приведенных доводов следовало, что «всякое безусловное ограничение деятель-

ности иностранных предпринимателей на Кавказе было бы равносильно серьезной задержке в промышленном процветании страны».

С М. Голицыным солидаризировался министр финансов России С. Витте, выступавший за беспрепятственное приобретение иностранными компаниями нефтеносных земель, недвижимости на Кавказе, в Баку.

Относительно Ротшильда дал заключение заведующий акцизными сборами Закавказского края и Закаспийской области тайный советник С. Марков. На запрос из Петербурга он отвечал: «Дело, мне кажется, сводится не к борьбе с Ротшильдом, деятельность которого хотя и не бескорыстна, но все-таки приносит громадную пользу государству, завоевывая все больше и прочнее заграничные рынки для наших осветительных масел...»⁴

Победил здравый смысл, и в итоге новыми правилами, принятыми с июня 1892 г.⁵, предусматривалось, что иностранные общества и евреи могут приобретать в пользование ими собственность, нефтеносные земли. Правда, имелась оговорка: «но не иначе, как с особого каждый раз разрешения Министерства государственных имуществ, по соглашению с министерствами внутренних дел и финансов и с главноначальствующими гражданской частью на Кавказе».

В подавляющем большинстве случаев эти требования не мешали расширению деятельности частных иностранных фирм и предпринимателей-евреев. Ротшильды быстро приступили к приобретению и разработке нефтеносных земель на Апшероне, взятию их в аренду. Они покупали участки, еще не тронутые бурением, площади с заброшенными, оставшимися исчерпанными нефтяными колодцами, промыслы, не оправдавшие надежд их прежних владельцев. Уже на первых порах Каспийско-Черноморским нефтепромышленным и торговым обществом были куплены и арендованы промыслы, ранее принадлежавшие княгине Анастасии Гагариной, предпринимателю Кабакову, товариществу «Дружба» и другим. Комиссия приобретала обширные нефтеносные земли в Балаханах, Сабунчах, Раманах, на Биби-Эйбате, в Сураханах и незамедлительно бралась за их освоение, эксплуатацию. Поднимались нефтяные вышки, оборудовались площадки скважин, сооружались насосные, компрессорные, амбары и резервуары, прокладывались нефтепроводы к сборным пунктам и нефтеперегонным заводам.

Небольшой керосиновый завод Батумского нефтепромыш-

ленного и торгового общества (БНИТО), доставшийся от С. Палашковского и А. Бунге, Ротшильды скоро реконструировали, намного увеличили его производительность, подняли качество выпускаемого керосина, а на окраине Баку, в Белом городе, они соорудили крупнейшее нефтеперерабатывающее предприятие. Это был целый промышленный комплекс с тремя отдельными заводами: керосиновым, бензиновым и масляным, выпускавшим смазочные масла. Помимо того, производились газолин, гудрон, солярка.

Ротшильдами были также построены и оснащены в Баку газовый завод на Бйби-Эйбате, электрическая станция, опреснители морской воды, механические мастерские с большим числом рабочих и техников, по сути, заводы, ремонтировавшие нефтепромысловое оборудование и трубы, изготавливавшие запасные части и бурильные инструменты.

Производственной, коммерческой деятельности Ротшильдов в Баку были присущи масштабность, всеохватность, способность оперативно и целенаправленно решать узловые, актуальные проблемы. Что сдерживало в 80—90-х гг. прошлого века вывоз керосина, других нефтепродуктов, удорожало их стоимость для покупателей, влекло за собой различные издержки и неудобства? Острый недостаток вагонов-цистерн, которые тогда были новинкой. При открытии Закавказской железной дороги в наличии было лишь 600 вагонов-цистерн. В Петербурге особая комиссия при Министерстве путей сообщения пришла к убеждению о необходимости поставить туда 750 наливных вагонов. Вывод комиссии одобрили Комитет министров и Государственный совет. Однако исполнения не последовало. Казна, ссылаясь на нехватку средств, воздержалась от поставки вагонов. Аждать было нельзя, и Ротшильды, предприняв немалые усилия, преодолев чиновничье-бюрократические рогатки, добились от властей права частным лицам на свои деньги приобретать вагоны-цистерны и обеспечивать ими железную дорогу. Считанные месяцы спустя Ротшильды стали ссужать заводчиков деньгами, достаточными для приобретения и поставки железнодорожникам еще 1500 вагонов-цистерн. В общей сложности благодаря Ротшильдам количество цистерн на дороге довели до 3500.

Максимум 6% годовых брали Ротшильды со своих должников, их кредит был самым дешевым в Баку. Сконцентрировав у себя вывоз нефтепродуктов, переведя хранение и транспортировку грузов на индустриальную базу, они избавили многие средние и

маломощные компании от дополнительных хлопот. В «Обзоре фабрик и заводов Закавказского края»⁶ отмечалось, что главным экспортером является Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое общество, которое реализовало 26% общего вывоза, затем шло товарищество «Бр. Нобель» — 18%, остальной экспорт распределялся между другими отправителями. Нефтепродукты отправлялись из Баку в Великобританию, Австрию, Бельгию, Индокитай, Турцию, Японию, Грецию, Китай, Германию, Голландию, Францию, на Мальту, в Португалию, Алжир, на Филиппинские острова, в Придунайские княжества. 27 млн. 600 тыс. пудов керосина было вывезено Ротшильдами из Баку через Батум.

Явно злопыхательским, игнорирующим реальность и рассчитанным на то, чтобы подорвать престиж созданной парижским банкирским домом фирмы, был доклад, посланный чиновником особых поручений Министерства финансов М. Лазаревым правительству: «Вся нефтяная промышленность, за исключением Нобеля, попала в руки Ротшильда. Этого результата он достиг спекулятивной игрой на ценах, и все почти производители вместе со своими источниками и заводами вследствие полученных ссуд попали в руки Ротшильда. Он является вместе с тем главным распределителем вагонов-цистерн и наливных судов».

Независимо от Ротшильда, да и другой ведущей фирмы — товарищества «Бр. Нобель», в Баку шел закономерный для рынка процесс: одни компании набирали силу, выигрывали в конкурентной борьбе, другие — просто держались на плаву, третьи — терпели крах. Чтобы не оказаться банкротами, часть компаний объединялась, входила в состав более богатых или функционировала в тесном союзе. И среди азербайджанских нефтепромышленников доминирующие позиции заняли такие миллионеры и мультимиллионеры, как Гаджи Зейналабдин Тагиев, Муса Нагиев, Шамси Асадуллаев, Муртуза Мухтаров, Исабек Гаджинский.

В ходе концентрации в Баку, где в 1890 г. имелось 148 нефтеперерабатывающих заводов, по преимуществу мелких, зачастую примитивных и полукустарных, к 1905 г. осталось уже 87 заводов⁷. К 1917 г. их число сократилось на треть.

Нисколько не сбавляя темпов экспорта, Ротшильды принялись и за овладение внутренним емким рынком России. Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое общество открыло свои конторы в волжских городах — Астрахани, Царицыне, Самаре, Нижнем Новгороде, оно создало свои хозяйства

и на Балтике — так называемые Рижские резервуары, и в Белоруссии — Витебские резервуары, и в Польше — Варшавские резервуары. Нефтепродукты туда доставлялись водным путем, эту задачу выполняло ротшильдовское торгово-транспортное общество «Мазут», начавшее действовать с 1898 г. Несколько лет спустя оно превратилось в крупнейшее нефтеэкспортное и нефтеторговое объединение, располагавшее к тому же своим бензиновым заводом.

Каспийско-Черноморское нефтепромышленное общество и его дочерняя фирма «Мазут» держали теснейшую связь с «центром» — парижским банкирским домом «Бр. Ротшильд». Подробные отчеты посылались из Баку в Париж на улицу Лаффит, где с 1817 г. находился старомодный особняк семейного банка «Ротшильд Фрер». Вплоть до своей смерти в 1905 г. барон Альфонс Ротшильд держал под своим контролем бакинские дела. Ими занимался и барон Эдмонд Ротшильд. А на Жоржа Арона, главного инженера парижского дома «Бр. Ротшильд», было возложено непосредственное руководство нефтяными предприятиями, вывозом и продажей нефти и нефтепродуктов. В один из своих приездов на Кавказ (а их было немало), 2 декабря 1896 г., Жорж Арон как представитель дома Ротшильдов, наделенный чрезвычайными полномочиями, писал директору Международного коммерческого банка в Петербург А. Ю. Ротштейну: «Я проехал много более или менее диких мест (на Кавказе), и вот уже неделя как нахожусь в центре моего поля деятельности — в Баку, где благодаря гостеприимству г. Фейгля я веду жизнь в семейной обстановке и полную комфорта... Нефтяная промышленность со времени моего предыдущего посещения, то есть за три года, получила громадное развитие, и я думаю, что по причине возрастающего потребления жидкого топлива в районах России, связанных с Волгой, мы увидим, что в будущем прогресс будет еще большим».

В течение одного года (1888—1889) в Баку на углу улиц Губернской и Персидской по проекту инженера К. Скуревича выросло импозантное здание в неоготическом стиле. Великолепно выполненное из белого апшеронского известняка, оно явилось одной из архитектурных доминант площади. В этом доме, собственности Ротшильдов, и разместилось Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое общество. В вершине его административной пирамиды было правление в составе трех директоров — Маврикия (Мориса) Иохимовича Ефрусси, светлейшего

князя Георгия Александровича Грузинского и Арнольда Михайловича Фейгля.

Судя по всему, князь Грузинский проходил по разряду «свадебных генералов» и нужен был компании для поддержания марки; Ефрусси был доверенным лицом банкирского дома, членом семьи, — его связывали брачные узы с дочерью Альфонса Ротшильда Беатрисой. Зять Ротшильда-старшего неоднократно выступал и в качестве официального представителя Каспийско-Черноморского общества. Именно его подпись стоит под нижеследующим документом, адресованным 9 мая 1889 г. министру финансов России И. А. Вышеградскому: «Цель, которую преследовало Общество при заключении договоров, не состоит в том, чтобы воспользоваться более или менее значительной комиссией, но в том, чтобы соединить все интересы промышленников Кавказа для положения предела существовавшей между нами конкуренции и продажи керосина на заграничных рынках на наивыгоднейших условиях, по примеру Америки. Председатель Каспийско-Черноморского нефтепромышленного и торгового общества М. И. Ефрусси»⁸. (Речь шла о контрактах с другими бакинскими керосинозаводчиками о монопольном вывозе фирмой Ротшильда нефтепродуктов.)

Всей будничной черновой и представительской работой по руководству Обществом занимался третий член правления — потомственный почетный гражданин, коммерции советник А. Фейгль. Авторитет его был велик: он возглавлял Совет съезда бакинских нефтепромышленников, был товарищем председателя биржевого комитета, избирался гласным Бакинской городской думы. А. Фейгль независимо от Ротшильда имел и собственную относительно небольшую группу действующих нефтяных скважин.

В архиве сохранились алфавитные списки рабочих, инженерно-технических работников и служащих принадлежавших Ротшильдам бакинских компаний. Состав их в целом интернациональный, и в то же время на решающих участках управления и производства предпочтение часто отдавалось специалистам-евреям. Нередко это были те, кто вследствие дискриминации в Европейской России не мог применить на практике свои знания, способности, умение плодотворно трудиться. Назовем фамилии людей, занимавших наиболее ответственные должности в Каспийско-Черноморском нефтепромышленном и торговом обществе.

Управляющие Общества: инженер-механик Бардский Казимир Людвигович и инженер-технолог Гухман Адольф Аркадьевич (кстати, А. Гухман был членом Совета Бакинского отделения Императорского Русского технического общества). Управляющий промыслами — инженер-технолог Ландау Давид Львович. Заведующий мастерскими — инженер-механик Фин М. О. Заведующий электрическим отделением — инженер-технолог Пилькевич И.

Нефтяные участки в Балаханах, Сабунчах, Раманах, в Забрате, на Биби-Эйбате, в Сураханах возглавляли Шейнтин Б. М., закончивший Санкт-Петербургский лесной институт, инженер-механик Кон М. Г., инженер-механик Френель И. В., инженер-технолог Георгенбергер С. Е.

Показательна и картина административно-технического персонала главного керосино-масляного завода в Белом городе: управляющий Гинис Самуил Петрович, помощник управляющего Галлай Максим Маркович, технический директор Парижер М. В. Отделениями завода руководили Цукович Л. Е., Каган Х. Н., Лейтес Л. М., Фиш А. М., Готлиб Наум Лазаревич.

В состав правления ротшильдовского общества «Мазут» входили уже известный нам Эфрусси М. И., директор-распорядитель Поляк М. Г., а также Дейтш Э. А., Арон Ю. А., Поляк С. Г.

Остановимся для иллюстрации на личности Давида Львовича Ландау, отца будущего великого физика, нобелевского лауреата Л. Д. Ландау. По общему мнению, Давид Львович был талантливым инженером, яркой личностью. Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое общество нашло его кандидатуру подходящей для руководства своими нефтепромыслами и позвало в Баку. В город нефти Ландау переехал из Петербурга вместе с молодой женой Любовью Веняминовной Гаркави. Оба они поначалу жили и работали в нефтяном пригороде Балаханы, где Любовь Веняминовна врачевала как акушер-гинеколог, а затем перебрались в центр Баку, заняв третий этаж красивого дома на углу улиц Торговой и Красноводской. Ландау-сын родился в Баку и до революции учился в коммерческом училище, в попечительский совет которого, кстати, входил инженер Давид Львович Ландау. В августе 1917 г., уже после Февральской революции, Ландау от лица нефтепромышленников вел далеко не простые переговоры с рабочими Бакинского района о заключении коллективного договора. Посредником в этих переговорах явился прибывший из Петрограда министр труда Временного правительства М. И. Скобелев.

В Каспийско-Черноморском нефтепромышленном и торговом обществе работал и брат Арнольда Фейгля — купец 1-й гильдии Леопольд Фейгель. Он был членом городского железнодорожного комитета по распределению вагонов-цистерн.

Деловыми партнерами Ротшильдов в Баку были два-три десятка малых фирм, действовавших в нефтяном производстве и принадлежавших евреям. Без авансов, выдаваемых Ротшильдом, без его льготных кредитов и постоянного технического содействия они вряд ли бы выжили в острых конкурентных баталиях, не смогли бы устоять под напором крупных и богатых нефтепромышленных компаний. Это нефтепромышленные фирмы «И. Г. Гальперин и компания», «Дуэль Н. Г.», «Дембот и бр.», «Поляк Г. А. и семья», «Шумахер М. М.», нефтепромышленное и торговое общество «Л. Идкович и Петроль». У фирмы Гальперина было всего 9 скважин на старом, давно эксплуатируемом участке в Балаханах. И. С. Дембот, у которого заведовал конторой С. И. Гинзбург, обладал 30 скважинами в Балаханах и Сабунчах. «Апшеронское нефтяное общество» оказалось на краю банкротства, и Ротшильд, спасая его, взял под свою опеку. В «Ежегоднике Баку и его районов»⁹, изданном в 1911 г., приводится состав администрации этого общества: Ламеранер, Гендлер, Клейман, управляющий конторой Адольф Львович Вольф.

В контакте с ротшильдовской фирмой вели свое дело предприниматели и специалисты-нефтяники Л. М. Цейтлин, К. В. Кальман, С. Л. Шифрин, Ю. М. Гиттис, Е. О. Канцель, Ю. Л. Лев, О. Е. Лейтес, О. С. Дембо, чей доход был относительно скромнен, а также подрядчики буровых работ братья Лев и Владимир Гальперины. У Ю. Л. Льва был небольшой перегонный завод, на котором было всего 15 рабочих. Н. М. Цейтлин также выпускал керосин на заводе с 24 рабочими. П. Г. Гальперин, однофамилец подрядчиков-буровиков, был владельцем небольшого керосинового завода «Эсмеранс». Савелию Шифрину принадлежал сернокислый и гудроновый завод, имевший также и керосино-масляное отделение.

К концу XIX в. на Апшероне было 38 нефтепроводов общей протяженностью 390 верст. Возникла мысль соединить магистральным нефтепроводом Баку и Батуми, установить по трассе насосные станции с тем, чтобы перекачивать нефть с Апшерона к Черному морю для погрузки ее на суда. В правительственных кругах к такому проекту в принципе отнеслись благожелательно. Еще в 1884 г. Министерство земледелия России дало добро на

сооружение транскавказского нефтепровода. Однако в Петербурге полагали, что основные средства на проектно-изыскательские и строительные работы выделяют ведущие нефтепромышленные фирмы. 16 января 1887 г. Людвиг Нобель направил министру государственных имуществ России М. Н. Островскому письмо, в котором пытался обосновать вредные последствия для нефтяной промышленности сооружения Баку-Батумского нефтепровода. «Я относился безразлично к этому вопросу, — подчеркивал он, — потому что не верю в возможность выгодной эксплуатации подобного нефтепровода, так как не могу допустить, чтобы правительство захотело преднамеренно разорить русскую нефтеобрабатывающую промышленность дозволением свободного вывоза за границу сырой нефти»¹⁰.

Диаметрально противоположной точки зрения придерживались Ротшильды. Они понимали, что у нефтепровода большое будущее, что с ним связан технический прогресс в нефтяной отрасли, да и не только в ней.

Ротшильды готовы были взять концессию на строительство нефтепровода Баку—Батуми, о чем, в частности, приводя впечатляющие аргументы, писал в газете «Каспий»¹¹ зять Альфонса Ротшильда М. Ефрусси. Ротшильды настойчиво добивались от правительства права проложить магистральный нефтепровод, они оказали финансовую поддержку инженеру В. Шухову в разработке проекта. Львиную долю средств на устройство нефтепровода выделил парижский дом Ротшильдов. И недаром литератор в Петербурге по этому поводу писал: «Парижская пресса оповещала о блестящих результатах, достигнутых Ротшильдом в деле соглашения с русским правительством по устройству нефтепровода между Баку и Батумом, и предвещала Ротшильду нефтяную монополию, каковая была бы бесспорно достигнута в случае утверждения сделанного предложения».

19 апреля 1897 г., в канун начала главных работ, Альфонс Ротшильд писал в Петербург: «У меня есть все основания надеяться, что дело, которое мы желаем предпринять, даст прибыль на вложенные в него капиталы и что оно будет содействовать промышленному и коммерческому развитию страны».

Тогда же член правления Каспийско-Черноморского нефтепромышленного и торгового общества, один из его директоров Арнольд Фейгль был избран председателем союза керосинозаводчиков. В 1907 г., ровно через 10 лет с начала постройки, нефтепровод на всем своем протяжении вступил в действие.

Официальное его открытие с правительственной комиссией по приемке, с благодарственными словами в адрес Ротшильда состоялось 24 июля в Тифлисе.

Новаторским по замыслу и духу было освоение нефтяных богатств, скрытых под дном Каспийского моря, в акватории Биби-Эйбатской бухты. На такое еще нигде в мире не осмеливались. Требовались огромные капиталовложения, мобилизация ресурсов для того, чтобы отгородить дамбою часть моря, так называемый «ковш», и произвести засыпку. В Нижнем Новгороде был сформирован караван землечерпалок «Сормово», приобретена техника, арендованы баржи для доставки песка. Создали исполнительный комитет по отводу части Биби-Эйбатской бухты под добычу нефти, заместителем председателя которого явился ротшильдовский представитель А. М. Фейгель.

Каспийско-Черноморское общество было в числе инициаторов нового способа прохода скважин — вращательного, впервые примененного в Сураханах, где у Ротшильдов имелись свои участки.

Бакинская фирма Ротшильдов была нацелена на творческий поиск, всячески поддерживала передовую творческую мысль, открывала новые грани применения нефти и нефтепродуктов в промышленности и сельском хозяйстве, в быту. Так, в 1889 г. на Всемирной парижской выставке демонстрировалось множество отменных красок, полученных из бензола, приготовленного на Бакинском керосино-масляном заводе Каспийско-Черноморского нефтепромышленного и торгового общества¹².

Прогресс, подчас невероятный для тех лет, достигался и в рациональной организации труда, в усилении заинтересованности рабочих в делах предприятия и снятии социальной напряженности.

В обществе «Нефть» и «Биби-Эйбатском нефтяном обществе», вошедших в начале века в ротшильдовскую группу нефтепромышленных предприятий, обычные наградные заменили участием рабочих в прибылях нефтепромыслов. Появились зародыши будущего «народного капитализма».

Ротшильдовское Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое общество не скупилось отпускать крупные суммы на благотворительные цели. На свои средства Общество построило и содержало в промышленных районах Баку, Белом городе и на Баилове, две школы, где преимущественно учились дети рабочих. Обучение было бесплатным. Только в 1890 г.

компания соорудила и отдала новоселам восемь капитальных домов, где плата за проживание была совсем незначительной. Члены правления Общества выступали как попечители городских гимназий и коммерческих училищ, а это неизменно сопровождалось безвозмездными субсидиями для учебных заведений.

Совет съезда бакинских нефтепромышленников за свой счет построил и оборудовал в Баку, главным образом в промысловых и заводских пригородах, больницы, амбулатории, народные дома-клубы, библиотеки. Пользовались ими рабочие, техники, инженеры, члены их семей бесплатно. В этот фонд Совета съезда неизменно вносили большие суммы Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое общество и торговое общество «Мазут».

Ротшильд был щедр в оказании помощи Бакинскому еврейскому обществу. В начале века при синагоге, находившейся в центре города, были мужское училище с четырехгодичным курсом, женское профессиональное училище, а также субботние вечерние классы. Вносить плату не требовалось, более того, всем учащимся бесплатно давали чай, а дети из бедных семей обеспечивались одеждой, обувью, учебными пособиями. Многие тысячи томов насчитывались в библиотеке-читальне.

В Баку также функционировало отделение Еврейского литературного общества, ставившее своей задачей содействие изучению и развитию научной и изящной еврейской литературы на иврите, идише и других языках, и Общество для распространения просвещения среди горских и грузинских евреев.

Все они, а также Бакинское еврейское благотворительное общество регулярно получали твердую материальную поддержку от ротшильдовских фирм, его представителей на местах. Это отмечали в своих публичных заявлениях председатель правления Бакинское еврейское общества раввин Л. М. Бергер, председатель отделения Еврейского литературного общества М. М. Троп, председатель Общества для распространения просвещения среди горских и грузинских евреев М. Ю. Глахентау.

Великолепные здания оставил Ротшильд в Баку. Украшением городского ансамбля остается главная контора Каспийско-Черноморского нефтепромышленного и торгового общества, где ныне размещается прокуратура Азербайджанской республики. На Садовой улице в Баку на деньги Ротшильда по проекту гражданского инженера Н. А. фон дер Нонне, утвержденному в августе 1888 г., был построен особняк Дебура, прекрасное здание дворцового типа с изумительным внутренним убранством. Сейчас

здесь, как и в соседнем доме, приобретенном и переоборудованном Ротшильдом, находится Музей искусств¹³.

Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое общество, как и общество «Мазут» были национализированы в 1918 г. декретами Бакинской коммуны. Но к этому времени парижский банкирский дом Ротшильдов уже не был их полно-властным владельцем. Ротшильд к началу первой мировой войны уступил подавляющую часть своих акций англо-голландскому «Ройял Датч Шелл».

---

¹ *Смирнов В.* Развитие города Баку. Баку, 1923.

² *Кадырли А. М.* История развития дореволюционной бакинской нефтеперерабатывающей промышленности. Баку, 1970.

³ Центральный государственный исторический архив Ленинграда (Санкт-Петербург; далее — ЦГИАЛ), ф. 22, оп. 4, д. 175, л. 3.

⁴ Там же, ф. 575, оп. 11, д. 29, лл. 57—262.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 12. СПб., 1895. № 8659.

⁶ Обзор фабрик и заводов Закавказского края. Тифлис, 1894.

⁷ *Кадырли А. М.* Указ. соч.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 2, д. 1114, л. 47.

⁹ Ежегодник Баку и его районов. Баку, 1911.

¹⁰ ЦГИАЛ, ф. 107, оп. 1, д. 952, лл. 124—144.

¹¹ Каспий, 1888. 22 июля.

¹² *Гулишамбаров С.* Обзор фабрик и заводов Бакинской губернии. Тифлис, 1890.

¹³ *Сулейманов М.* Дни минувшие // Аразм: Альманах. Баку, 1990. № 3.

АРХИВ

ПУБЛИКАЦИИ

В. Алцкан

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЕВ ПОДОЛИИ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВИННИЦКОЙ ОБЛАСТИ (конец XVIII — начало XX в.)

Настоящий обзор посвящен описанию документальных источников по истории евреев Подолии конца XVIII — начала XX в., хранящихся в фондах Государственного архива Винницкой области (г. Винница).

Территория современной Винницкой области в различные исторические периоды входила в состав Галицко-Волынского княжества (до середины XIV в.), Великого княжества Литовского (до объединения Литвы с Польшей по Кревской унии 1385 г.), Польши (Речь Посполитая) как часть Брацлавского и Подольского воеводств и, наконец, с конца XVIII в. — в состав Российской империи.

В 1796 г. была образована Подольская губерния с административным центром в Городе Каменец-Подольский. Вплоть до начала первой мировой войны Винница являлась уездным городом Подольской губернии. Первые документальные данные о еврейском населении Винницы относятся к середине XVI в. Согласно первой всероссийской переписи населения в 1897 г., в городе проживало 11689 евреев, или 36% всего числа жителей Винницы, а в уезде — около 32 тыс. В Виннице имелось 13 синагог и молитвенных домов.

Состав документов Государственного архива Винницкой области (далее — ГАВО) отражает историю лишь части Подольской губернии, а именно Брацлавского, Винницкого, Гайсинского, Литинского, Могилевского, Ольгопольского и Ямпольского уездов с 1793 г. За более ранний период (польский) имеются только отдельные документы 1782—1792 гг.

Материалы по истории евреев Подолии выделены в фондах городских магистратов, городских дум, рекрутского присутствия, уездного земского суда, раввинатов, еврейских молитвенных (вероисповедных) общин.

Городовые магистраты, созданные в первой четверти XVIII в., являлись органами управления преимущественно торгово-промышленного населения, то есть мещан и купцов. В компетенцию этого учреждения входило решение судебно-административных вопросов (все уголовные и гражданские дела), а также раскладка налогов, их сбор, надзор за отбыванием разного рода повинностей населением города. Формально в ведении магистратов находились и хозяйственные дела, фактически же этими вопросами занимались городские думы.

Городские думы (общие и шестигласные) — также один из главных органов городского общественного управления, выполнявший следующие функции: благоустройство города, развитие торговли и промыслов, защита сословных прав населения, надзор за порядком на торгах и базарах. Дума также подавала ревизские сказки, проводила раскладку налогов, осуществляла выдачу паспортов и торговых свидетельств, разрешений на содержание трактиров, корчем и постоялых дворов.

Уездный суд был первой инстанцией для рассмотрения мелких уголовных и гражданских дел всех сословий уезда.

Помимо вышеназванных учреждений, в губерниях черты оседлости существовали также специальные еврейские учреждения и общественные организации.

Раввинаты. Согласно «Положению о евреях» 1804 г., в обязанности раввинов была вменена чисто чиновничья функция — ведение метрических книг. Метрические книги велись в двух экземплярах. Один из них хранился в самой синагоге, другой — в городских учреждениях. Совокупность метрических книг по данному местечку или уезду составила фонды раввинатов.

Молитвенные (вероисповедные) общины или общества — это общества евреев, постоянно собирающихся в определенную синагогу или молитвенную школу для молитв и совершения религиозных обрядов. Избираемое таким обществом духовное правление ведало делами и хозяйственными вопросами синагоги или молитвенной школы. Кроме того, в синагогах хранились и метрические книги.

От общей характеристики учреждений-фондообразователей, их функций и компетенции обратимся к конкретному описанию источников по истории евреев Подолии.

Обзор материалов начнем с фондов раввинатов и еврейских молитвенных обществ. Состав первых представлен лишь одним видом документов — метрическими книгами (книги записи актов бракосочетания, разводов, рождения и смерти). Совпадение состава фондов раввинатов, костелов, церквей позволило сотрудникам архива объединить указанные фонды в единую архивную коллекцию — «Метрические книги церквей, костелов и раввинатов Подольской и Киевской губерний» (ф. 904).

Метрические книги раввинатов и еврейских молитвенных обществ (часть их также включена в указанную коллекцию) перечислены в описях 29 и 30 фонда 904.

В ГАВО имеются метрические книги следующих раввинатов (оп. 29):

- Боршаговского (88 ед. хр., 1844—1862)
- Дашевского (10 ед. хр., 1847—1861)
- Дзюньковского (1 ед. хр., 1901)
- Китайгородского (8 ед. хр., 1838, 1854—1861)
- Плисковского (26 ед. хр., 1853—1863)
- Тульчинского (2 ед. хр., 1844—1855)
- Улановского (49 ед. хр., 1844—1862, 1882).

Метрические книги следующих молитвенных общин местечек и городов (оп. 20):

- м. Ворошилово (30 ед. хр., 1841—1872)
- м. Жабокричи (3 ед. хр., 1861)
- м. Кузьминское (3 ед. хр., 1861)
- м. Жорнище (71 ед. хр., 1854—1883)
- м. Лодьжин (3 ед. хр., 1861)
- м. Межиров (13 ед. хр., 1856—1865)
- м. Сальников (22 ед. хр., 1854—1862).

Кроме названной коллекции, имеется еще восемь самостоятельных фондов, выделенных из-за наличия в их составе еще одного вида документов — книг прихода-расходных сумм молитвенных обществ:

- г. Винница (ф. 397, оп. 1, 1902—1915)
- г. Юзвин Винницкого уезда Подольской губернии (ф. 404, оп. 1, 1854—1907; 30 ед. хр.; оп. 2, 1902—1907; 6 ед. хр.)
- м. Браилов Винницкого уезда Подольской губернии (ф. 171, оп. 1, 1836—1853; оп. 2, 1902—1915; 51 ед. хр.)
- м. Пиков Винницкого уезда Подольской губернии (ф. 170, оп. 1, 1902—1906; только книги прихода-расходных сумм)
- м. Тывров Винницкого уезда Подольской губернии (ф. 402, оп. 1, 1836—1910; 47 ед. хр.)
- м. Станиславчик (ф. 401, оп. 1, 1891—1906; 13 ед. хр.)
- м. Янов Гайсинского уезда Подольской губернии (ф. 400, оп. 1, 1853—1914; 108 ед. хр.)
- м. Ильинцы Липовецкого уезда Киевской губернии (ф. 407, оп. 1, 1843—1882; 107 ед. хр.).

В ГАВО имеется также небольшой фонд Могилев-Подольского товарищества помощи бедным евреям (ф. 793, оп. 1, 1915—1919; 3 ед. хр.).

Следующий комплекс материалов и документов по истории евреев Подолии отложился в фондах городских магистратов и городских дум. Это прежде всего судебные дела — гражданские и уголовные. Описи фондов городских магистратов, как правило, состоят из одних и тех же разделов: 1) кашцелярия (внутренние делопроизводственные документы); 2) гражданские дела; 3) уголовные дела. Два последних раздела описи имеют несколько подразделов, в соответствии с которыми мы и построим описание фондов городских магистратов на примере г. Винницы (ф. 391, оп. 1, 1796—1860).

1. Гражданские дела:

а) дела о совершении купчих крепостей и установлении права наследства. Например:

д. 188 — об установлении права наследства на дом умершего Лейзера Бороды (1823—1843);

д. 194 — о совершении купчей крепости помещиком Василевским на продажу дома мещанину Розману (1844);

б) дела по искам на денежные суммы, имущество и т. д. Например:

д. 336 — по иску мещанина г. Винницы Арона Хазина к вдове Гринберг Малке и сыновьям ее Шломе и Арону за долги (1847).

2. Уголовные дела:

а) о неподчинении органам власти, «буйствах», ложной присяге. Например:

д. 538 — по обвинению членов еврейского общества м. Тырнова в выступлении против свечного сбора (1849—1856);

д. 540 — по обвинению мещанина Рутфайна в ложном показании и неподчинении полиции (1859—1861);

б) дела об уклонении от воинской повинности (наиболее многочисленные). Например:

д. 548 — об уклонении от воинской повинности Фира Пинхоса и Могильнера Абрама (1843—1859).

В подразделе «антирелигиозные выступления» дел, связанных с евреями, нет, но огромное их количество имеется в следующем подразделе уголовных дел, связанных с преступлениями по должности, подлогам, изготовлением фальшивых денег и т. д. Например:

д. 636 — по обвинению старосты Кельмана, кагалных Рябого Довида и Годмеера в присвоении казенных денег (1840—1844);

д. 637 — о незаконной отдаче еврейской общиной г. Винницы на воинскую службу Бейлина Кельмана (1841—1845);

д. 648 — о незаконном переходе границы Нухимом Лейбовичем;

в) дела о драках, убийствах. Например:

д. 694 — по обвинению в убийстве мещанского мальчика Мещанюка Ф. Пилявским, Фаерманом и др. (1835—1854);

д. 699 — об учинении драки евреем Борухом в Муравской корчме (1844—1847).

Значительное количество дел связано с конокрадством (д. 741, д. 817, д. 819, д. 847 и др.).

Подобный состав документов отложился и в небольших фондах городских магистратов г. Могилев-Подольского (ф. 475, оп. 1, 1796—1861), г. Брацлава (ф. 495, оп. 1, 1791—1861), совсем незначительная группа материалов в фондах магистратов г. Литина (ф. 496, оп. 1, 1813—1861), г. Гайсина (ф. 494, оп. 1, 1813—1861).

Названия вышеуказанных дел, приведенных в качестве примеров, в полной мере раскрывают содержание этих и подобных им материалов. Поэтому перечислим только некоторые виды документов, встречающиеся в этих делах. Это прежде всего делопроизводственный материал (переписка с различными государственными учреждениями), многочисленные прошения обвиняемых и их родственников, а также целых общин, протоколы допросов, листы присяг, приговоры и т. д. Физическое состояние дел удовлетворительное. Чтение документов вызывает серьезные затруднения, так как почерк многих из них крайне неразборчив. Это относится в основном к «внутренним документам» — протоколам допросов. 95% материалов этих фондов на русском языке.

Несомненный интерес представляют для изучения истории евреев Подолии фонды городских дум г. Винницы (ф. 262, оп. 1—3, 1846—1920), г. Гайсина (ф. 392, оп. 1, 1885—1906), г. Могилев-Подольского (ф. 508, оп. 1), г. Бара (ф. 501, оп. 1). В фондах городских дум содержатся протоколы заседаний, книги записи договоров, обязательств, маклерские дела, характеризующие активное участие еврейского населения уезда в торгово-промышленной, хозяйственной жизни городов и местечек Восточной Подолии. В числе наиболее ценных и интересных документов этих фондов следует отметить посемейные списки жителей Винницкого уезда за 1852 г. (ф. 262, оп. 3, д. 18).

Подводя итоги тематического обзора фондов Винницкого государственного архива по истории евреев Подолии в XIX в., следует отметить, что названные выше документы и материалы дают представление лишь об отдельных сторонах жизни еврейского населения. Кроме того, указанные материалы и документы в основной своей массе отражают крайне субъективные взгляды, их содержание не выходит за рамки сугубо официального отношения к евреям в России. Несмотря на эти существенные недостатки, архивные материалы ГАВО являются важным элементом источниковой базы по истории евреев Подолии в конце XVIII — начале XX в.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Формуляр посемейных списков (1852)

1. Номер ревизской сказки
2. Имена членов семьи (только мужчины)
3. Возраст
  - а) по переписи
  - б) настоящий (разница, как правило, в 2 года)
4. Число членов семьи женского пола
5. Род занятий (каким делом промышляет)
6. Недвижимость (с кратким описанием)
7. Доказательства владения недвижимостью
8. Место постоянного жительства
9. Примечания.

Кроме посемейного списка имеется также свидетельство о владении недвижимостью с указанием общей суммы оценки имущества, а также прошение главы семьи.

Данные посемейные списки составлялись в 1852 г. в соответствии с требованиями печально известных «Временных правил 1851 года» о разборе евреев на разряды «полезных» и «бесполезных» подданных России.

«ШАЛОСТЬ» ВЛАДИМИРА ЖАБОТИНСКОГО

Известную русскую писательницу и мемуаристку Нину Берберову¹ связывали с Жаботинским, по ее словам, «многолетние дружеские отношения». «Я знала наизусть его перевод «Ворона» Эдгара По,— писала Берберова в своей известной книге «Курсив мой»,— который он сделал, когда ему, кажется, еще не было двадцати лет, и который мне попался в каком-то Чтеце-декламаторе, когда мне самой было пятнадцать. Этот перевод во много раз лучше брюсовского и лучше перевода Бальмонта, хотя у Бальмонта есть свои достоинства. Впервые мы встретились в редакции «Последних новостей»², куда он зашел, и потом вышли вместе; прощаясь, он совершенно серьезно сказал мне:

— Запишите в поклонники.

— Запишите в поклонницы,— смеясь, ответила я.

Мы стали с ним видаться изредка. Он был небольшого роста с некрасивым умным лицом, энергичным и оригинальным, лицом, «обожженным» не европейским солнцем. Выправка была военная. Он был одним из умнейших людей, каких я знала, если умным человеком называть такого, который, во-первых, сполуслова понимает собеседника и, во-вторых, сам, в течение любого разговора, живет, меняется, творит, меняет других и «говорит глазами». У него был юмор, внимание, даже жадность к собеседнику, и я часто буквально пила его речь, живую, острую, яркую, своеобразную, как и его мысль³.

Неизвестно, насколько всерьез «записался» Жаботинский в поклонники Берберовой: некоторым женщинам кажется, что в них все влюблены. Однако след их литературного флирта остался в виде двух листочков с автографами Жаботинского, сохранившихся среди бумаг Берберовой в архиве Гуверовского института в Стэнфордском университете. Листки (записки) находятся в одной папке, хотя, по-видимому, были пересланы Жаботинским адресату в разное время. Ниже публикуется их текст.

В. Е. Жаботинский — Н. Н. Берберовой

Paris, 31 октября [19]31

Многоуважаемая Нина Николаевна.

Все думал ответить на Ваши буримэ как-нибудь гениально, в стихах. Но вижу, что куда мне, поденщику,— даже рифмы придумать не могу.

Спасибо: буримэ выше всяких похвал. «Изящный торс» меня прямо тронул: сразу узнал себя, Калишевича и Гронского⁴. И будет чудесно, если «судьбы могучий перст» действительно скоро сведет нас. Заранее прошу записать за мною стул рядом с Вами.

Ваш В. Жаботинский.

Hoover Institution Archives,
Stanford University, Stanford,
California, USA.

Boris Nicolaevsky Collection.
Box 402. Folder 48. Автограф.
Подлинник.

В. Е. Жаботинский — Н. Н. Берберовой

[Без даты.]

Нина, вот тебе секрет мой: старый дом и новоселье⁵,
Тель-Авив или чужбина, царь Давид и Чан-Кай-Шек⁶,
И пощечина, и ласка, высший подвиг и безделье,
Брань и слава — все мне нудно, прошлогодний талый снег.

А ведь было! Были шпоры — Молли, пегая кобыла —
Грохот пушек за Иорданом — Бах и Моцарт, Дант и Кант —
И развязывали пальцы на груди высокий бант —
А ргорос⁷, не на твоей ли? Все равно. Душа забыла⁸.

В. Ж.

Только чур не сердиться; и прошу помнить — это мой секрет.

Там же. Автограф.
Подлинник.

Полагаю, что публикация буриме Жаботинского более полувека спустя после его ухода из жизни не противоречит литературной этике. Эта поэтическая шалость, талантливая, как и все, что выходило из-под его пера, возможно, добавит еще один штрих к его «портрету».

---

¹ Берберова Нина Николаевна (1901—1993) — с 1922 г. в эмиграции, жила во Франции, затем в США. Ее проза и стихи часто публиковались в эмигрантских изданиях. Наиболее известные ее книги — мемуары «Курсив мой» (1972), полумемуары-полуисследование «Железная женщина» (1981) и «Люди и ложи: Русские масоны XX века» (1986).

² «Последние новости» — наиболее популярная газета «русского зарубежья»

либерально-демократического направления; издавалась в Париже с 1920 по 1940 г. под ред. П. Н. Милюкова.

³ Берберова Н. Курсив мой. М., 1996. С. 331.

⁴ Калишевич (Словцов) Н. В., Гронский П. П. — журналисты, сотрудники «Последних новостей».

⁵ Жирным шрифтом выделены слова, «заданные» Берберовой Жаботинскому для написания буриме. В буквальном переводе с французского буриме означает «рифмованные концы».

⁶ Принятое в то время написание имени китайского диктатора Чан Кайши.

⁷ Кстати (франц.).

⁸ В последних трех строках Жаботинский переменял порядок заданных окончаний: первоначально было «бант, забыла, Кант».

Вступление, публикация и комментарий О. БУДНИЦКОГО.

ВОСПОМИНАНИЯ

Г. Гонтмахер

СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ ОФИЦЕРА ЗАПАСА (Еврей в Советской Армии)

Я прослужил в армии 34 года — от курсанта военного училища до подполковника, заместителя редактора ежедневной армейской газеты. Все, о чем я рассказываю, произошло со мной лично или с людьми, которых я хорошо знал.

В армию я пошел добровольно. Для меня, как и для миллионов мальчишек, чье детство совпало с войной и первыми послевоенными годами, армия всегда была овеяна ореолом романтики и героизма. Да и могло ли быть тогда иначе?

Два двоюродных брата мамы погибли под Ленинградом. Третий был военным медиком, отличился в боях у озера Хасан, прошел всю войну и вернулся в звании полковника медицинской службы, среди его наград был орден Ленина.

До войны наша семья жила в Ленинграде. Лишь весной 1942 г., пережив блокадную зиму, мы были эвакуированы из города на барже через Ладожское озеро, а потом в теплушках — до Челябинска. В городе располагалось много воинских частей, возле которых всегда крутились пацаны, считавшие за счастье поговорить с солдатом, нередко фронтовиком. А походы на свалки с трофейной техникой и оружием! Охраны не было практически никакой, и такие «игрушки», как покореженные «шмайсеры», обгоревшие пистолеты, бинокли без стекол, пулеметные ленты и снарядные гильзы, имелись у каждого уважающего себя мальчишки.

А военные фильмы! А наши школьные учителя — боевые офицеры А. И. Александров, В. Н. Иваницкий, А. С. Бакалов, Я. И. Сушков, А. В. Данилов! В дни праздников они надевали парадные кители, украшенные боевыми наградами и нашивками за ранения. Это были люди, агитировавшие за армию всем своим видом, манерой разговора, выправкой, пунктуальностью. Для

учеников мужской школы они служили непререкаемым авторитетом. Было в порядке вещей, что только из нашего 10 «А» четвертая часть выпускников поступила в военные училища.

В сентябре 1953-го я стал курсантом Новосибирского военного пехотного училища. Правда, у мандатной комиссии возникли некоторые сомнения: в училище принимали с семнадцати лет, мне же до этого возраста оставалось почти полгода. И все же я убедил начальника училища генерала Г. Шолева, и он дал «добро» на мое курсантство, предупредив, однако, чтобы «не ныл».

Командиром первой курсантской роты был майор Мейлах Зеликович Домнич. Круглоголовый, словно вылитый из металла крепыш, он прошел всю войну, имел ранения и награды и хорошо знал, как из разнородной, расхлябанной ватаги сколотить жизнеспособный и монолитный курсантский коллектив. Домнич наизусть, как мне казалось, знал требования всех уставов и наставлений, требовал от нас их неукоснительного выполнения. Он был невысокого роста и потому, разговаривая с кем-либо, смотрел снизу вверх, слегка задрав при этом голову. Однако даже у самого длинного курсанта создавалось впечатление, что Мейлах Зеликович смотрит на него с высоты как минимум двухметрового роста. Он был отличным строевиком, метко стрелял из всех видов стрелкового оружия и обладал командирским голосом (немаловажное достоинство офицера-строевика), приводившим в трепет даже самых недисциплинированных курсантов.

Майор Домнич был родом из Белоруссии, многие его родственники погибли в годы фашистской оккупации. Он ненавидел немцев и войну и не скрывал этого.

В отношениях с курсантами Мейлах Зеликович избегал сантиментов, так как был искренне убежден, что пехотный офицер должен избегать «всяких интеллигентских штучек». Ему прежде всего необходимо быть физически развитым, уметь владеть оружием, быть способным выпить достаточно много, оставаясь при этом стопроцентно дееспособным. В разговорах с нами он нередко и достаточно смачно ругался матом. Не им придуманная, но часто повторяемая фраза о том, что пехотный офицер должен в совершенстве владеть двумя языками — командирским и матерным, — принималась нами как руководство к действию.

Курсанты уважали Мейлаха Зеликовича. За твердый характер, за то, что не придирался по мелочам, не был злопамятным. Все считали его строгим, но справедливым. Однако его неистребимый местечковый акцент мастерски пародировал чуть ли не каждый курсант. Его грубость воспринималась как нарочитая.

— Евреи не такие, — рассуждал степенный сибиряк Непомнящих. — Они народ интеллигентный, матом не ругаются. А Домнич — он хитрый, как будто простой, а на самом деле...

Но Домнич не был хитрым. Он был офицером и, как любой офицер, стремился продвинуться по службе, понимая, что должность командира курсантской роты дает ему шанс подняться на одну ступень. Он не хотел упускать этого шанса и потому не подчеркивал своего еврейства, но любой антисемитской выходке, несомненно, дал бы отпор.

Я не считался образцовым курсантом. Мне было тяжело чисто физически, и немоту свою я пытался прикрыть иной раз и неприкрытым неповиновением. Наверное, майор Домнич это понимал. Однажды он вызвал меня в канцелярию роты и, выслушав мой доклад о прибытии, ледяным голосом произнес:

— Товарищ курсант Гонтмахер! На вас поступают жалобы от сержантов, что вы постоянно опаздываете на построения, пререкаетесь. Я буду вынужден вас наказать.

Я промолчал, а Мейлах Зеликович неожиданно смягчил тон и добавил:

— Нас в роте двое евреев. Таки ты меня не позорь. Ясно?

— Так точно! Разрешите идти?

— Теперь второе. Садись, — перешел он совсем на неофициальный тон. — У тебя комсомольский билет выписан на фамилию Шестаков, по всем остальным документам ты — Гонтмахер. Это красивая фамилия, но с такой фамилией в армии тебе будет трудно, понимаешь?

Домнич посмотрел на меня и, не дожидаясь ответа, продолжал:

— Сейчас есть возможность переписать все твои документы, будешь Шестаковым...

...В 43-м мама вторично вышла замуж за Петра Семеновича Шестакова. Наверное, в пятом или шестом классе я самовольно присвоил себе его фамилию, чтобы избавиться от изощренных шуток одноклассников, не устававших упражняться в подборе рифм к моей фамилии. Позже, вступая в комсомол, я заполнил анкету на фамилию отчима, мне вручили билет. Однако паспорт мне выписали на фамилию родителей, указанную в свидетельстве о рождении. Признаюсь, что в те годы мне очень хотелось быть Шестаковым. Но в паспортном столе в ответ на мою осторожную просьбу милицейский чин задал мне встречный вопрос: «Что, замаскироваться хочешь?»

Я рассказал об этом Мейлаху Зеликовичу, заметив, что менять фамилию не хочу.

— Ну, тогда свободен,— сказал мне майор Домнич. По его взгляду я понял, что на этот раз командир мною доволен.

* * *

Пехотные училища тех времен, их программы были просты и незатейливы. За два года из нас должны были выбить гражданскую дурь, сделать беззаветно преданными Советской родине и Коммунистической партии, морально устойчивыми и идеологически выдержанными, владеющими основами организации современного общевойскового боя, техникой и вооружением,— и с лейтенантскими погонами на плечах выпустить в войска, расположенные на огромном пространстве от Прибалтики до Чукотки. Жесткий ритм учебы не оставлял времени для занятий какими-либо другими делами, не вписывавшимися в систему подготовки станового хребта советских вооруженных сил — лейтенантов, командиров взводов.

Отбой в двенадцать, в семь — подъем.
И так проходит день за днем...—

пелось в курсантской песне. Основу программы составляли четыре главных предмета: марксистско-ленинская подготовка, тактические занятия, огневая и физическая подготовки... Занятия в классе — праздник. Можно подремать под негромкий голос лектора, таинственно повествующего об устройстве атомного ядра: занятия сверхсекретные! В основном же, как и должно быть, командирские кадры ковались в поле, в обстановке максимально приближенной к реальной. Так, например, программой было предусмотрено проведение зимних подвижных лагерей. Под утро раздавался сигнал тревоги, и с полной выкладкой мы уходили в поле почти на две недели. Мы пробегали на лыжах десятки километров, разыгрывали учебные атаки, переходили к обороне, ночевали в палатках или норах, вырытых в глубоком снегу и выстланных соломой. Мы разогревали банки с тушенкой на костре, варили чай из талой воды, крошили малыми саперными лопатками смерзшийся в рюкзаках хлеб. Офицеры роты делили с нами все трудности. Так же как и мы, они ночевали в палатках, ели ту же пищу. В поле все были равны, и авторитет утверждался не должностью, не знанием, а способностью в экстремальной обстановке оставаться в постоянной готовности к действиям, не распускаться, не

киснуть. Возрастные и служебные грани стирались. В поле были промерзшие, прокопченные дымом костров, почерневшие от мороза, солнца и ветра молодые парни. И когда я слышу разговоры о романтике воинской службы, я вспоминаю прежде всего подвижные зимние лагеря, трескучие сибирские морозы, пронизывающий ветер и курсантское братство...

* * *

Случай, о котором мне хочется рассказать, не является характерным для той атмосферы, что царила в нашей роте. Были в ней русские, мордвины, чувашаи, буряты, татары, украинцы, латыши и еврей. И потому конфликт, случившийся однажды, можно считать из ряда вон выходящим. Мы чистили оружие, переговаривались, шутили. И вот, предвкушая поход в баню, мой сослуживец курсант Толя Дорошенко высказал мысль, что неплохо было бы помыться мылом, сваренным из евреев. Хорошее, говорят, мыло, добавил он со смехом. Я стоял напротив него, по другую сторону стола для чистки оружия. В руках держал сумку с диском от ручного пулемета. Реакция на его слова была мгновенной: сумка с диском, описав дугу, опустилась на голову «шутника». Дорошенко был высоким и, как сейчас говорят, накачанным парнем, а мой удар оказался недостаточно сильным, чтобы «вырубить» Дорошенко. Тем не менее хлынула кровь. Секундное замешательство — и он бросился ко мне, но его удержали ребята. Об инциденте было доложено командованию. Я ждал разбирательства и наказания, но ни того, ни другого не последовало. Через несколько дней ко мне подошел Дорошенко и извинился в присутствии многих ребят. «Извиниться перед евреем — значит стать его лучшим другом», — написал когда-то Иосиф Уткин в своей поэме «Мальчик Мотл». Друзьями мы не стали, но подобного за все время учебы в нашей роте больше не случалось.

Антисемитизм в армии — явление, существовавшее ранее и существующее ныне. Недавно я побывал в гостях у своего бывшего сослуживца. В разгар застолья зашел к нему сосед, офицер-десантник, недавно вернувшийся из бывшей Югославии. Был он в том состоянии, когда то, что у трезвого на уме, у пьяного на языке. Первым долгом он пообещал «разобраться со всеми» после выборов 17 декабря. Затем из «всех» вычленил, конечно же, евреев, обвинив их во всех бедах, в том числе и в Югославском конфликте.

На разных уровнях антисемитизм проявляется по-разному. Солдат-еврей был дисциплинирован, но физически зачастую

значительно отставал от своих сверстников. Как правило, это горожанин из семьи преподавателей, технической интеллигенции, юноша со средним или незаконченным высшим образованием. Таких зачисляли в актив, назначали агитаторами, редакторами стенгазет и боевых листов, избирали комсоргами, а то и секретарями ротных комсомольских организаций. Должности эти привилегий не давали, зависть у сослуживцев не вызывали. А если еврею не завидуют, то зачастую забывают, что он еврей. В частях, где была нормально налажена служба и боевая учеба, представителям всех национальностей трудностей доставалось поровну. Но не дай Б-г, если еврей — солдат или сержант — назначался писарем, завскладом, хлебобрезом, поваром. Это всегда было поводом для упреков: умеют же устраиваться эти «рабиновичи»! Причем скажут об этом не в глаза, потому что от еврея «при должности» можно извлечь пользу. И если еврей в подобном качестве будет даже единственным представителем своей нации в части, разговоры о хитрых, изворотливых жидях, занимающих «теплые местечки», исподволь будут насаждаться, проникать в сознание личного состава.

Я не припоминаю случая, чтобы офицер-еврей, будь он в подразделении или при штабе, взял бы к себе в непосредственное подчинение солдата или сержанта — еврея. Боялись дать повод для разговоров о еврейском «взаимовытягивании».

Евреи всегда с симпатией относились друг к другу, соблюдая, однако, известный издавна принцип: больше трех не собираться. В армии это не было проблемой. Евреев вместе старались не собирать.

В первые годы офицерской службы я долгое время не замечал какого-либо предвзятого отношения к евреям вообще и к себе в частности. Взводные — евреи, русские, армяне, татары сидели в одном окопе на учениях, жили в одном офицерском общежитии, были одинаково обеспечены вещевым и денежным довольствием и одинаково бесправны перед старшими начальниками. Но дальнейшая служба дала понять, что главное преимущество есть у тех, у кого «пятая графа» не была подпорчена нелояльным словом «еврей».

Моим друзьям, — я без тени сомнения называю их друзьями, — отдавалось предпочтение при направлении на учебу, при выдвижении на вышестоящую должность, при отборе кандидатов для прохождения службы за границей. Сначала я воспринимал это как везение. Но шло время, и я разглядел четко и жестко

действовавшую систему отношений к офицерам разных национальностей. Забегая вперед, скажу, что лишь через много лет мне разъяснили положение о процентной квоте на представителей той или иной национальности, которую необходимо было соблюдать при назначении на командные или политические должности. Евреев, например, охотнее всего допускали на инженерно-технические должности, культпросветработниками, замполитами подразделений, преподавателями. Их продвигали на вышестоящие должности до известных пределов. Даже прошедшие войну и сумевшие в первые послевоенные годы получить высшее военное образование редко поднимались выше полковничьего звания. За 34 года календарной службы я не встретил ни одного генерала-еврея. Наверное, просто не повезло.

Существовала и, думаю, существует по сей день своеобразная черта оседлости, за которую евреям вход был запрещен. Это очная учеба в высших военных учебных заведениях, это допуск к определенной категории документов и техники. Ты мог служить примером, получать благодарности и ценные подарки, но годами «сидеть» на одной должности, в одном гарнизоне или в крайнем случае двигаться по горизонтали. Впрочем, иногда и по вертикали, но в пределах черты.

Армия не терпит застоя. Такое понятие, как карьера, в хорошем смысле этого слова, не должно быть чуждо службе. Карьеризм, здоровое честолюбие, стремление к постоянному движению вперед необходимы человеку, посвятившему всю свою жизнь армии. Но, к сожалению, в вооруженных силах царили и наверняка царят протекционизм, кумовство, взяточничество. Это приводит к тому, что часто звания и должности получают люди, далекие от таких понятий и качеств, как способности, порядочность. Сколько племянничков и зятьков прорвались «наверх», сколько абитуриентов военных академий перетаскали преподавателям и членам комиссий даров природы Дальнего Востока, включая и легендарный женьшень, и красную икру, и другие дефициты. А если прибывшего с проверкой в часть окружного или московского начальника ты хорошо встретил, напоил, накормил, сводил в баньку да еще и женщину предоставил для утех — считай, продвижение по службе или перевод в льготный район тебе обеспечены. Все это происходило на глазах у офицеров в разных гарнизонах и уничтожало веру в «светлые идеалы», о которых без устали твердили всем на занятиях по марксистско-ленинской подготовке. Люди становились равнодушными и ши-

ничными, офицерская честь и порядочность — весьма относительными понятиями.

* * *

В газеты я писал всегда — стихи, заметки, репортажи. Профессия журналиста вызывала во мне уважение не только благодаря встречам с приезжавшими корреспондентами. Я читал Симонова и Борзенко, сборники их фронтовых репортажей, воспоминания о годах войны. И поэтому, когда мне предложили должность корреспондента дивизионной газеты, сразу же согласился, несмотря на то, что приближался срок присвоения очередного воинского звания. Должность корреспондента не давала такой возможности. Я понимал, что в генералы мне не выйти, зато в газете, казалось мне, страстным партийным словом я смогу побороться за правду. Газета, думал я, это та точка опоры, при помощи которой я переверну мир. Я заваливал редакцию оперативной информацией, писал не только в свою, но и в окружную газету. Сердце замирало, когда, развернув свежий номер, я видел свой материал. Правда, некоторые критические да и положительные материалы, бывало, не публиковались: толстые «фолианты» цензорских перечней были заполнены многочисленными «нельзя». Я продолжал «творить», и меня заметили. Начальник отдела окружной газеты Закавказского военного округа майор П. К. Горовой предложил работать у него. Я с радостью согласился, а он сказал мне, чтобы я не тянул со сборами, дело будет сделано быстро. Наивный Петр Кузьмич даже не предполагал, на какие рифы он натолкнется. По телефону он сообщил мне, что составлен проект приказа о моем назначении, поздравил меня. А после этого наступило молчание. Проходили дни и недели, я уже понял, что ситуация изменилась, но все еще надеялся на благоприятный исход. Вскоре все прояснилось.

В наш гарнизон в командировку приехал корреспондент окружной газеты Олег Сарин (ныне генерал-майор запаса). Он и рассказал мне, почему приказ о моем назначении так и не был подписан. В момент его окончательного обсуждения выступил заместитель редактора подполковник А. В. Рогач. В присутствии членов редколлегии, среди которых были и представители отдела кадров округа, Рогач сказал, что в редакции и без Гонтмахера «гонтмахеров» хватает. Вроде бы пошутил подполковник, но эта антисемитская «шуточка» раз и навсегда определила мое отношение к той среде, в которой я пробыл три с лишним десятилетия. Это была первая пощечина, первый удар по самолюбию. Но даже

и тогда я все еще считал происшедшее частностью и расценил поступок Рогача как личную неприязнь конкретного антисемита к конкретному еврею, хотя лично с ним мы не были знакомы.

Служба шла своим чередом. Вроде бы забылось несостоявшееся назначение, но чувство национальной ущербности сначала преследовало меня, а потом переросло в скрытую озлобленность, которая не находила выхода, но не была направлена на кого-либо. Я оставался интернационалистом. Люди, окружавшие меня вне службы, — это были местные жители, армяне, — они относились к евреям по-иному, нежели мои русские сослуживцы. Уже в начале 60-х гг. они говорили о независимости своей республики и с явным одобрением отзывались об Израиле как о примере стойкости и свободолюбия.

...Мне было ясно, что в службе меня будут придерживать. Примеры тому были. Я помню офицеров-евреев, которые, перешагнув тридцатилетие, все еще были старшими лейтенантами. Я не хотел этого и потому решил направить силы на учебу, подал рапорт с просьбой разрешить мне обучение на факультете журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Снова началось писание характеристик, служебных и партийных, оформление других документов. Снова появилась надежда, которой не суждено было осуществиться. Снова был звонок из отдела кадров и смущенное: «Не получилось, разнарядка снята...» «На евреев?» — спросил я, но ответа не получил.

Спустя несколько лет мне довелось-таки поучиться на трехмесячных курсах этого училища. Я напрямик спросил у кого-то из офицеров училища, есть ли среди курсантов-журналистов евреи? Мне дали отрицательный ответ.

Шел 1965 год. Хрущевская оттепель постепенно превращалась в брежневские заморозки. К нам поступали директивы из Главного политического управления вооруженных сил, в которых перед работниками идеологического фронта ставилась задача: всю воспитательную работу направить на достижение политического единomyслия личного состава армии и флота. Кажется, именно в это время в советской прессе поднялась кампания против Евгения Евтушенко, опубликовавшего статью в одном из западных журналов. Называлась она, по-моему, «Биография рано созревшего человека». Евгения Александровича в духе лучших имперских традиций сослали на Кавказ, где он должен был пройти стажировку в качестве корреспондента одной из дивизионов. Но по прибытии в Тбилиси поэт был тепло встречен

редактором окружной газеты Михаилом Кузьмичом Головастиковым. И ссылка превратилась в триумфальную поездку опального Евгения Евтушенко в сопровождении полковника Головастика по гарнизонам Закавказского военного округа. Залы, в которых он выступал, были переполнены, люди затаив дыхание слушали замечательные стихи, острые, злободневные и проникновенные строки о любви. Для людей моего поколения Евтушенко был примером свободолюбия, правдивости. «Поэт в России больше, чем поэт...»

Дорога из Грузии в Армению пролежала через Пушкинский перевал. Во времена Пушкина он назывался Бзовдальским. Именно этот перевал описал великий поэт в «Путешествии в Арзрум». «— Кого везете? — Грибоеда...»

До сих пор на перевальной точке существует горельеф, запечатлевший печальную встречу двух гениев.

Вдохновленный поездкой, Евгений Александрович написал поэму «Пушкинский перевал» с посвящением М. К. Головастикову. Впервые она была напечатана в газете, которую он редактировал. Армейские идеологи и литературоведы в штыки встретили саму поэму — и факт ее публикации в военной газете, и посвящение. Особенно возмутительной и вызывающей раздражение была в их восприятии строка: «Полковник мне значение придавал...»

Главное политическое управление вооруженных сил быстро и без особого шума решило судьбу искреннего почитателя поэтического таланта Евгения Евтушенко. Полковник Головастик, насколько я помню, был переведен к новому месту службы и вскоре уволен в запас.

А об «отщепенце Евтушенко» долго еще говорилось на разного рода сборах пропагандистов и семинарах политработников. Уже на Дальнем Востоке на одном из таких собраний мне довелось слышать, как окружной комсомольский божок Биленко привел «образец творческой деградации Евтушенко» — замечательное стихотворение, посвященное Юрию Казакову:

Комаров по лысине размазав,
Попадая в топи там и сям,
Автор нежных дымчатых рассказов
Шпарил из двустоволки по гусям,
И грузинским тостам не обучен,
Речь свою за водкой и чайком

Уснашал великим и могучим
Нецензурным русским языком...

Стихи были опубликованы, кажется, в журнале «Охота и рыболовство». «Видите,— говорил Биленко, потрясая журналом,— нигде его не печатают, кроме таких вот изданий».

В войсках царило относительное затишье. Дедовщина еще только зарождалась, полным ходом шло «выполнение интернационального долга»: разминирование минных полей в Алжире, действия расчетов зенитных ракетных комплексов во Вьетнаме, доходили слухи о развертывании бригады на Кубе, об отправке танковых подразделений в Египет. Начинались советско-китайские разборки, травля Солженицына... А в нашу редакцию пришло анонимное письмо со стихами, из которых запомнились строки: «И вот сижу в казарме я, все во мне убито, висит на шее армия, как кусок гранита...»

Уволили из армии редактора нашей дивизионки Станислава Савельева с формулировкой: «за систематическое пьянство, нездоровые антисоветские высказывания и поведение, дискредитирующее звание советского офицера-политработника». Станислав Савельев закончил Ставропольское суворовское, а затем и общевоинское училище. Он был эрудированным, образованным человеком, воспитан в лучших традициях русского офицерства. Заочно учился и стал юристом, писал стихи и прозу. В свои тридцать лет был убежденным холостяком, жил в офицерском общежитии, охотно участвовал во всех застольях. Станислав раньше нас разглядел и понял лживость господствующей идеологии, говорил об этом открыто. Солженицына называл великим писателем, цитировал высказывания китайских лидеров, утверждавших, что в СССР полным ходом идет реставрация капитализма, читал свои стихи молодым офицерам о времени, «когда шеголяла подлость в погонах и орденах». Мы часто спорили с ним. В то время я еще был уверен, что партия все видит, все знает, а вот местные деятели ставят палки в колеса. Именно тогда Станислав сказал мне, что меня «держат» не столько местные кадровики, сколько негласно проводимая политика государственного антисемитизма.

В довершение ко всему Станислав написал рапорт с просьбой об увольнении из армии, мотивируя свое решение отсутствием служебной перспективы и несогласием с существующими порядками в армии и государстве. Это, конечно же, был мужественный

поступок. Это был поступок весьма авторитетного среди части офицеров человека, который мог стать примером для подражания. Редактор газеты, даже дивизионной, в известной мере мог повлиять на общественное мнение. В те годы офицер не мог уволиться со службы по собственному желанию. Надо было или серьезно заболеть, или демонстративно нарушать дисциплину, пьянствовать. О диссидентствующих офицерах не было ни слуху ни духу. Именно поэтому начальство всячески старалось погасить конфликт. Савельева вызывали «на ковер», увещевали, уговаривали, но он твердо стоял на своем и потому был опасен. Его исключили из партии и практически уволили с «волчьим билетом». Много позже я понял, как прав был Савельев, но в те дни, кроме личного сочувствия, кроме того, что я воздержался, когда его исключали из партии, я ничем не помог ему.

* * *

У военных газетчиков дивизионного звена было мало перспектив для продвижения по службе. Вообще в армии, если ты не член партии, не имеешь высшего образования, вряд ли будешь расти. Если же приплюсовать к перечисленному еврейскую национальность — вообще можешь «засохнуть». Я это хорошо понимал, как и то, что учиться в высших военных учебных заведениях мне не дадут. Предлог для отказа всегда найдется. Помог мне ныне покойный армянский писатель Андраник Овсепян, бывший в те годы проректором заочного отделения Ереванского пединститута.

Для поступления в гражданский вуз офицеру необходимо было заручиться разрешением командования и справкой министерского образца.

— Какие справки? — искренне удивился Андраник Рубенович, когда я рассказал ему о своих проблемах. — Аттестат есть? Тогда пиши заявление на мое имя, иди сдавай экзамены и учись на здоровье.

Три курса я закончил нелегально, используя очередные отпуска для экзаменационных сессий. Когда об этом узнал начальник политотдела, он хотел запретить мне учиться, но я сказал, что в таком случае подам рапорт об увольнении из армии. Меня оставили в покое, а вскоре предложили должность редактора дивизионной газеты, но... на Дальнем Востоке. Высказано это предложение было примерно в такой форме: отношения между СССР и КНР предельно обострились, партия и правительство

принимают меры по укреплению дальневосточных границ. Вам, как члену КПСС, оказано доверие. И далее в том же ключе. Я ответил, что готов ехать хоть на край света. Тяга к странствиям, «охота к перемене мест» всегда были чертой моего характера.

Быстро пролетел очередной отпуск, и с женой и дочкой мы целую неделю путешествовали по Транссибирской магистрали. Наконец, Хабаровск, Уссурийск и — Смоляниново, поселок в Приморском крае. Здесь располагалась знаменитая своим участием в боях у озера Хасан дивизия. Во времена хрущевской эпохи миролюбия и проявления братских чувств к великому китайскому народу дивизия была переведена на сокращенный штат. Офицерским составом соединение было укомплектовано, штатные техника и вооружение были поставлены на длительное хранение, солдат же было ровно столько, чтобы хватало для несения караульной службы и поддержания порядка в казармах и на территории гарнизона. Офицеры называли такие формирования «пасекой без пчел». Так оно, в сущности, и было. Жизнь текла спокойно и размеренно, служба перемежалась охотой, рыбалкой, выездами в тайгу за дикоросами да на прекрасные пляжи тихоокеанского побережья Приморского края. Коллективно отмечались праздники, гарнизонные дамы напропалую флиртовали с молодыми офицерами, отвлекаясь от скуки и безработицы.

На станционном перроне нас встретил рослый светлоглазый, как многие рыжеволосые люди, офицер.

— Майор Кондратюк, начальник дивизионной партийной школы, — представился он полным титулом. Я не успел ответить, а он уже задал вопрос: — Фамилия у тебя редкая. Немец, что ли?

— Еврей, — ответил я.

— Еврей? — переспросил он удивленно. — И редактором на майорскую должность? Тебе сколько лет?

— Двадцать девять.

— Ишь ты! — снова удивился Кондратюк. — Так ты умный или тебя по блату назначили?

Майор был старше меня лет на десять. Бесцеремонность его меня не удивила. Обычный в частях стиль общения между старшим и младшим.

— И умный, и по блату. У меня тесть, — соврал я, кивнув в сторону жены, — генерал.

— Понятно, — хмыкнул Кондратюк. — Начпо приказал встретить. Сейчас я вас в гостиницу отвезу, а завтра к 9.00 приказано прибыть в штаб и представиться начальству.

Дорога до гарнизона заняла минут десять. Лето в тот год было дождливым, гнилым и душным. После чистого горного воздуха Закавказья, белеющих снежных вершин — духота, морось, сопки, покрытые таежным мелколесьем. Дальневосточные субтропики, широта крымская, долгота колымская — так определяли особенности здешнего климата старожилы.

Ровно в девять я прибыл в штаб дивизии. Начальник политотдела полковник Козаченко искренне обрадовался моему прибытию. Спокойный и рассудительный человек, участник войны, опытный политработник, он помог мне устроиться с жильем, ввел в курс местных дел. Говорил он негромко, с сильным украинским акцентом, не исчезнувшим даже после многолетней армейской службы.

— Я с газетой дела не имел, — признался Иван Петрович. — А ты, я смотрю, дело знаешь, человек грамотный, интеллигентный. И это хорошо, что учишься. Так вот, если меня за газету ругать не будут, и я тебя ругать не буду. Но если наоборот, то сам понимаешь.

Я очень благодарен этому человеку. За поддержку, за житейскую мудрость, за помощь, за то, что в трудные минуты защищал от нападков. Распоряжения он отдавал спокойно, ровным тоном, в полной уверенности, что все его указания будут неукоснительно выполнены. Пока Иван Петрович был начальником политотдела, в коллективе всегда была спокойная, деловая атмосфера. Козаченко не был ортодоксом от идеологии. Зачитывая какую-нибудь директиву вышестоящего политоргана, полковник Козаченко говорил: «Тут, конечно, все правильно. Но армейская жизнь, товарищи офицеры, она зачастую по-иному складывается, надо учитывать коррективы, которые вносит жизнь».

Кончалось лето 1966 года. В помещении, которое было отведено под редакцию, шел ремонт. Солдаты-наборщики вместе с начальником типографии проходили практику в редакциях уже действующих газет. Времени хватало не только для выполнения административных обязанностей, но и для чисто журналистской работы. Я посылал материалы в армейскую и окружную газеты. Требования цензуры не позволяли мне подписывать материалы, публиковавшиеся в армейской газете, своей фамилией. Окружная газета таких требований не выдвигала. Но однажды под моей корреспонденцией, опубликованной в «Суворовском натиске», я увидел чужую фамилию. Связался с редакцией, чтобы выяснить причины. Сотрудник, на чье имя я постоянно высылал матери-

алы, смущаясь, объяснил, что это указание редактора, который посчитал, что моя фамилия «не смотрится» на страницах окружной печати. Я попросил редактора В. Л. Грушецкого опубликовать мои материалы под моим именем или вообще не публиковать. Конфликт был улажен.

Газета наша выходила регулярно, пользовалась определенной популярностью, часто отличалась в лучшую сторону на разного рода служебных совещаниях. Хвалили Ивана Петровича за умелое руководство печатным органом, он, естественно, не скупился на добрые отзывы о редакции.

Редакция располагалась в центре гарнизона, и у нас всегда было много народа. Кто по делу приходил, а кто — просто так, поговорить. Говорить было о чем, но главной темой тех дней была война на Ближнем Востоке. Армия Израиля одерживала победу в Шестидневной войне, мы оживленно обсуждали ход боевых действий, многие офицеры негодовали по поводу поражений, которые терпели египтяне, жалели технику, особенно танки, захваченные Израилем в качестве трофеев. Ходили слухи, что сразу после образования государства Израиль офицеры его армии учились в советских военных академиях. Поэтому, мол, и проигрывает войну Египет. Называли фамилии генералов израильской армии, якобы бывших советских военачальников. В разговорах вольно или невольно проскальзывало чувство симпатии к маленькому свободолюбивому государству — Израилю.

Наверняка о разговорах в редакции кто-то проинформировал особый отдел. И не случайно в один из дней начальник особого отдела дивизии Иван Михайлович Бартун пригласил меня зайти. Он встретил меня в дверях кабинета, пригласил присесть. Спросил о работе, потом еще о чем-то незначительном и, наконец, перешел к делу. Спросил, что я думаю о ближневосточном конфликте. Я сказал, что действия израильской армии достойны восхищения, что необходимо изучать ее боевой опыт, поскольку, несмотря на значительное превосходство в живой силе и технике, египтяне терпят поражение. Несколько раз Иван Михайлович менял тему разговора, пока наконец не спросил, не смогу ли я информировать его о высказываниях офицеров-евреев по поводу событий на Ближнем Востоке. Я сказал, что не подхожу для этой роли. Тогда он задал мне еще один вопрос: «Если бы вы сейчас находились т а м, на чьей стороне вы бы воевали?» Я ответил, что, конечно, на стороне Израиля. Аналогичный вопрос задавался

и другим офицерам-евреям, моим сослуживцам, в частности С. М. Брилону, о чем он мне рассказал лично.

Интерес особистов к офицерам-евреям был постоянным. Я был довольно откровенным в высказываниях, не боялся рассказать анекдот на политическую тему, не раз говорил о том, что еврею попасть служить за границу так же сложно, как верблюду пролезть в игольное ушко. Видимо, это послужило поводом для еще одной встречи с Иваном Михайловичем. Он спросил, давно ли я служу на Дальнем Востоке, предлагали ли мне заместиться в другой округ, например за границу. Я засмеялся и сказал, что кому-кому, а начальнику особого отдела должно быть хорошо известно, что евреев за границу не посылают.

— Ну почему же? — удивился Иван Михайлович. — Вот у нас в Германии служил один еврей... Фамилию вот не вспомню... Так что зря вы так считаете, Григорий Исаакович...

— Может, и зря, но мне таких предложений не поступало.

Не поступало и других предложений. Все мои коллеги, с которыми в одно время мы разворачивали редакции газет, давно уже были переведены на новые места службы, на новые должности. Ко мне претензий не было, хвалили на совещаниях и семинарах, поощряли, награждали, но на все мои просьбы о переводе ответов не поступало. Картина еще раз прояснилась, когда инструктор политуправления округа по печати А. М. Ермаков в приватной беседе откровенно сказал мне: «Ты бы хоть фамилию сменил. Тогда легче было бы решить твой кадровый вопрос».

Когда ситуация с тупой периодичностью повторяется из года в год, ты начинаешь терять контроль над собой, пропадает желание работать, гаснет инициатива. К тому времени мой стаж пребывания в дивизионной печати перевалил за десятилетие. Кто бывал в подобной ситуации, знает, как тяжело переносить ее в моральном плане. Отсутствие движения в армии приводит к психологическому дискомфорту, нервным срывам, человек начинает комплексовать, теряет веру в себя. Любым способом он стремится изменить обстановку, ведь жизнь и служба в небольшом гарнизоне — это существование в замкнутом пространстве. Неизменяющаяся обстановка, бег по кругу, одни и те же задачи и проблемы, которые надо решать из года в год, порождают в конце концов ощущение абсолютной безысходности. Все это и привело к неполадкам в семье, к неприятностям на службе. После пятнадцати лет супружества мы разошлись с женой. Меня долго

отговаривали от этого шага, но решение было принято. В армии такой проступок для политработника, члена партии, безнаказанным не оставался. Я схлопотал «строгача с занесением», был понижен в должности и отправлен в другой гарнизон.

«Перемена места — перемена счастья», — написал когда-то Шолом-Алейхем. Но это было сказано не про меня и не для меня, хотя в новой обстановке мне работалось хорошо. Редакция располагалась в районном центре. В городке были кинотеатр, дом культуры, два ресторана и районная газета. Столица, одним словом. Меня окружали новые люди, и мне казалось, что вскоре все изменится; пройдет год, думал я, с меня снимут все взыскания, восстановят в должности. Я с энтузиазмом взялся за дело, стал сотрудничать не только с военными газетами, но и с редакциями краевого радио и телевидения. Но верно сказано: человек предполагает, а Б-г располагает. Взыскания действительно были вскоре сняты, но движения не было. Я пробыл в «опале» четыре года. Все попытки вырваться из заколдованного круга наталкивались на невидимую, но хорошо известную мне преграду. Я просто перечислю ситуации, с которыми мне приходилось сталкиваться и которые еще и еще раз подтверждают существование преграды, возведенной антисемитами из партийной верхушки.

...Мой новый редактор попал в неприятную ситуацию. Поехал в командировку, напился «до положения риз», был избит, потерял удостоверение личности и партийный билет. Поскольку в пьянстве он был замечен неоднократно, встал вопрос об отстранении его от должности и вынесении партийного взыскания. Необходимо было провести административное и партийное расследование, и в политотделе это решили поручить мне. Замначальника политотдела В. И. Колесов, напутствуя меня, пообещал: «Тебя редактором назначим».

Я категорически отказался от подобной «чести», посчитав такое поручение незтичным. Как бы я ни относился к своему редактору, я не мог и не хотел «зарывать» коллегу. Виктор Иванович пристально посмотрел на меня и отчеканил:

— Вы, майор, проявляете типичную еврейскую трусость!

— Понял, товарищ подполковник, — ответил я. — Уверен, что в иное время вы были бы не членом КПСС, а членом Союза Михаила Архангела!

Колесов промолчал, я вышел из кабинета. Меня оставили в покое, редактор отделался легким испугом. Вскоре, как и следовало ожидать, его перевели на новое место службы, а потом назначили на вышестоящую должность.

Я уже не надеялся на какие-нибудь изменения в своей военной судьбе, как вновь закрутилась кадровая карусель. Мне предложили должность постоянного корреспондента окружной газеты в одном из гарнизонов. Естественно, я согласился, но сразу же сказал позвонившему мне инструктору, что из этой затеи ничего не выйдет. И как в воду глядел. Повторилась стародавняя история: кадровик, просматривая мое личное дело перед включением в приказ, посчитал, что еврей, да еще и разведенному, работать посткором нельзя. Но дело было не только, я думаю, в кадровиках. Я всегда любил разного рода розыгрыши, шутки, анекдоты, причем анекдоты, так или иначе связанные с советской действительностью, с тогдашними руководителями государства и партии. Много позднее, когда я уже был в запасе, местный особист проговорился, что и у них есть досье на меня, что с давних времен я числюсь в глазах органов как «анекдотчик». Деяние это не наказывалось, но и не поощрялось, «анекдотчиков» держали на заметке до поры до времени.

В дни арабо-израильской войны в середине 70-х годов вышестоящий политорган собирал сведения о том, как реагируют военнослужащие на ближневосточные события. Вообще-то сведения собирались всегда и по любому поводу. Местные политработники требовали информацию из полков и отдельных батальонов, обрабатывали в нужном свете поступающие сведения и, «подбив бабки», отправляли эти сведения наверх примерно по такой форме: личный состав всем сердцем воспринял (одобрил, осудил, заклеил...) и т. п.

Я зашел в политотдел как раз в тот момент, когда пропагандист дивизии майор С. Подольский докладывал очередную «байку». В это время, как я догадался, ему был задан вопрос о реакции личного состава на происходящие ближневосточные события. Сергей прикрыл трубку рукой и повторил вопрос вслух, чтобы слышали все присутствующие — может, у кого-то есть необходимые сведения. Все промолчали, а меня черт дернул пошутить: «Передай, что состоялся митинг офицеров-евреев в поддержку справедливых требований арабского народа». Подольский, едва удержавшись от смеха, пообещал невидимому собеседнику уточнить и доложить. Все вместе мы посмеялись, я тут же забыл о сказанном, но шутка имела продолжение. Подольский и сам был не прочь разыграть кого-нибудь. В тот же день он встретил на улице майора Леню Каплана, известного тем, что он на полном

серьезе пытался изменить свою фамилию, ибо не хотел быть однофамильцем террористки, стрелявшей в вождя.

— Леня, давай быстрее иди на митинг!

— На какой митинг?

Сергей рассказал ему о моей шутке, а Каплан сразу же расценил ее как недостойную офицера да еще и журналиста и «стукнул» особистам. Утром в редакции раздался звонок. Начальник особого отдела С. И. Захаров спросил, зачем я пугаю народ.

— Не понял, кого это я пугаю?

— Каплан на тебя жаловался,— засмеялся Захаров.

Еще одну «шутку» Подольского я услышал при встрече через несколько лет. Он был уже полковником, офицером политуправления ставки дальневосточной группировки войск, когда приехал в командировку и зашел к нам в редакцию. Года два уже шла война в Афганистане, и я, движимый не столько патриотическими чувствами, сколько стремлением сменить место службы (к тому времени я прослужил на Дальнем Востоке уже лет шестнадцать), спросил Сергея, нельзя ли перевестись в Афганистан?

— Тебе нельзя,— как всегда, смеясь, ответил Подольский.— Таких, как ты, мы и здесь расстрелять можем.

1977 год офицеры гарнизона встречали коллективно, по системе «Голубых огоньков». Соседом по столу оказался Сергей Иванович Захаров. Он поинтересовался, как идут дела.

— Это я у тебя должен спросить, как мои дела,— ответил я.— Наверное, ваша контора меня держит?

Сергей Иванович замаялся, а потом «выдал» важную информацию.

— Понимаешь,— сказал он,— такая обстановка сложилась. Восемьдесят процентов евреев, выпускников Харьковского университета, уехали в Израиль. Такая же ситуация в Одессе и других городах.

— Выходит, я виноват в этом?

— Нет, конечно, но... Я не смогу тебе помочь. Поезжай в Хабаровск, запишись на прием к члену военного совета округа. Только он сможет решить твои проблемы...

Я воспользовался советом опытного чекиста, ибо он знал, что без команды члена военного совета никто не осмелится спорить с особым отделом.

Михаил Иванович Дружинин слушал меня внимательно. Лицо его оставалось бесстрастным, присутствовавший при беседе его порученец время от времени делал какие-то пометки. Я

говорил с генералом, как на исповеди, ничего не скрывая. И он пообещал мне, что весной мой вопрос будет решен.

Прошло несколько месяцев. Я все еще пребывал в прежней должности, когда вновь встретил Захарова.

— Ты еще здесь? — удивился он. — Странно, мы с тебя все табу сняли.

И действительно, вскоре был подписан приказ о назначении меня начальником отдела армейской ежедневной газеты. О том, как проходило это назначение, позже рассказал мне мой новый редактор Михаил Никифорович Золотых.

Он принес проект приказа члену военного совета армии генералу Павлову. Тот пробежал глазами по строчкам и спросил Михаила Никифоровича, будут ли еще в редакции кроме меня евреи.

— Никак нет, товарищ генерал. Кроме Гонтмахера евреев в редакции не будет, — ответил Золотых.

— Ну что ж, — сказал Павлов, листая мое личное дело, — хорошо. Одного на развод возьмем...

И подписал приказ.

Случилось еще одно назначение в моей военной биографии. Правда, вопрос этот решался целых девять (!) месяцев. Но в конце концов я все же стал заместителем редактора армейской газеты, а чуть позже мне присвоили звание «подполковник».

По традиции было застолье. Когда выдалась минута, старший начальник сказал мне наедине: «Учти, это твоя последняя ступенька. Дальше тебя не пустят».

А дальше было увольнение в запас после тридцати четырех лет календарной службы.

Я благодарен армии. Она научила меня подниматься при счете «семь», после того как тебя сбили с ног и когда всем кажется, что ты в глубоком нокауте.

Через месяц после увольнения в запас я уже работал корреспондентом одной из районных газет Латвии. Это было время радикальных перемен, время неудержимой свободы слова. И «районка» стала для меня подлинной школой журналистики.

Все вроде бы изменилось, но одно осталось неизменным. Я дал почитать одной своей коллеге «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург, а затем «Жизнь и судьбу» Василия Гроссмана. Она поблагодарила, а выйдя из комнаты, не зная, что я слышу, сказала редактору: «И что это Григорий Исаакович мне все время книжки про жидов подсовывает?»

**РЕЦЕНЗИИ.
БИБЛИОГРАФИЯ**

А. Локшин

KLIER J. D. Imperial Russia's Jewish Question, 1855—1881. Cambridge University press, 1995. 534 p. Index p. 525—534.

КЛИР Дж. Д. Еврейский вопрос в Российской империи, 1855—1881. Кембридж, 1995.

Рецензируемая монография англо-американского исследователя Джона Клира, по признанию самого автора, — плод его двадцатилетних усилий по изучению еврейского вопроса в Российской империи.

Основная цель работы — анализ восприятия российским обществом еврейского вопроса в годы царствования Александра II (1855—1881), вошедшие в историю как эпоха «великих реформ». В тот период, с одной стороны, в России, собственно, возникло и получило влияние общественное мнение, а с другой — российское еврейство стало активно участвовать в общественно-политической и экономической жизни страны. В самом начале эпохи «великих реформ» еврейский вопрос едва ли существовал как предмет общественного внимания. К концу же царствования Александра II этот вопрос стал предметом обсуждения на страницах сотен книг и постоянной темой наиболее влиятельных и читаемых газет империи (с. 450).

Впечатляет обширная источниковая база исследования. В поле зрения историка оказались разнообразные материалы — официальные документы, архивные источники. Он детально изучил и ввел в научный оборот публикации не менее двухсот периодических изданий по еврейскому вопросу (в большинстве своем провинциальных, а отсюда — малоизвестных и малодоступных).

Изучение общественного мнения в царской России по еврейскому вопросу до недавнего времени фактически игнорировалось историографией. В этом можно усмотреть влияние подхода русско-еврейских историков дореволюционного периода, обычно рассматривавших отношение к этой проблеме русского общества в юдофильских тонах, а еще чаще просто игнорировавших эту проблему. Новаторским исследованием стал сборник статей зарубежных историков «Погромы. Антиеврейское насилие в новой русской истории», одним из редакторов которого был профессор Клир¹. Важный вывод, к которому пришли его авторы, состоял в том, что в погромных волнах начала 1880-х гг. и начала XX в. российское общество сыграло далеко не последнюю роль, а власти, прежде всего центральное правительство, являлись стабилизирующим фактором².

Вопрос об общественных настроениях Клер затронул уже в своей первой книге, посвященной еврейскому вопросу в России в конце XVIII — первой четверти XIX в.³ В последней главе «Русские и евреи: неофициальный взгляд» он коснулся отношения к еврейской проблеме русских деятелей конца XVIII — начала XIX в. — митрополита Платона, Н. И. Новикова, В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, декабристов Ф. И. Глинки, Н. М. Муравьева, К. Ф. Рылеева, П. И. Пестеля и др.

В новой монографии Клер показал, что мнения «общества» и правительства не разделяла непроходимая пропасть. Он отмечает, что в отношении к еврейскому вопросу между правительственной и общественной позициями существовала определенная связь. Однако нельзя однозначно сказать, что позиция «образованного общества» в еврейском вопросе была более прогрессивной, чем позиция властей. Время начала реформ конца 1850-х гг., ознаменованных пробуждением общества, социально-экономический и политический кризис в стране 1870-х гг. оказали противоположное влияние и на восприятие еврейской темы. Правительственные инициативы, направленные на позволение жить за чертой оседлости некоторым категориям еврейского населения, были поставлены в повестку дня русскими публицистами во второй половине 1850-х гг. Все возрастающее недовольство в общественных кругах в 1870-х гг. обучением евреев в русской школе привело к появлению процентной нормы в 1887 г.

Книга Клера включает три обширных части. Первая посвящена началу эпохи «великих реформ», когда правительство предложило обществу обратиться к обсуждению насущных социально-экономических вопросов, в том числе и еврейского. Во второй половине 1850-х — начале 1860-х гг. еврейская тема рассматривалась русскими публицистами главным образом в теоретическом плане (обсуждались вопросы о характере нации, ожидаемой роли возникавшей русско-еврейской интеллигенции и т. д.). Вторая часть монографии касается 1860-х гг., когда после польского восстания 1863 г. дебаты по еврейскому вопросу переходят в практическую плоскость и приобретают особую для русских интересов значимость в Западном крае. Наконец, третья часть книги посвящена периоду 1870-х гг. — времени, когда начинают ощущаться первые результаты проводимой властями политики интеграции евреев в русское общество. В канун погромов 1880-х гг. еврейский вопрос, отмечает автор, становится одним из самых заметных тем периодики.

«Наивное неведение» (с. 11) — так характеризует Клер восприятие евреев образованным русским обществом кануна «великих реформ». Автор сравнивает начавшуюся во второй половине 1850-х гг. эмансипацию евреев с освобождением крестьян в 1861 г. Наиболее важным аспектом эры эмансипации Клер называет разрешение жить за пределами Черты ремесленникам, которое по значимости для евреев он считает тождественным манифесту об освобождении крестьян от кре-

постной зависимости. Однако подобная оценка представляется несколько преувеличенной. В отличие от ситуации с крестьянством указанная мера затронула относительно небольшой процент еврейского населения, абсолютное большинство которого продолжало жить в пределах черты еврейской оседлости.

Важной особенностью монографии Клира является то, что автор не ограничивает свое исследование собственно еврейским вопросом, то есть отношением к еврейству общества и властей. Несколько глав своей книги он посвящает русско-еврейской интеллигенции — новой социальной группе, возникшей в еврейском обществе в изучаемый период. Историк справедливо считает, что употребление термина «русско-еврейская интеллигенция» слишком широкое (с. 25) и нуждается в более точных и конкретных характеристиках. В этой связи он рассматривает русско-еврейскую интеллигенцию в определенном развитии и выделяет четыре ее типа. Старые маскилим, молодые маскилим, собственно русско-еврейская интеллигенция и, наконец, ассимиляторы. Старые маскилим — пионеры Гаскалы в России, первые сторонники еврейского просвещения, деятельность которых пришлась на первую половину прошлого столетия. К их числу Клир относит известного еврейского педагога в Одессе Б. Штерна, И.-Б. Левинзона — автора труда «Теуда бэ Исраэль» — своеобразного манифеста русской Гаскалы. Созданная властями система казенных еврейских училищ знаменовала превращение Гаскалы в России из мировоззрения одиночек в сравнительно полное движение. Так возник тип молодых маскилим. К ним Клир относит учителей еврейских училищ, казенных раввинов — выпускников этих училищ. Молодые маскилим поддерживали политику властей на «сближение и слияние» еврейства с местным населением. Из их рядов родилась собственно русско-еврейская интеллигенция, считавшая своим национальным долгом содействовать борьбе за гражданское равноправие своего народа, его интеграции в русское общество. В отличие от маскилим они открыто выступали за эмансипацию евреев. Однако положение первого поколения русско-еврейской интеллигенции (сюда автор относит писателя О. Рабиновича, издателя А. Ландау) оказалось достаточно сложным. Первые русско-еврейские интеллигенты рассматривали себя в качестве представителей всего еврейского народа в России и были убеждены, что активно участвуют в процессе «слияния» евреев с русскими. Однако в поисках самоидентификации они практически, как пишет Клир, оказались в изоляции. Получившие образование в русских гимназиях и университетах русско-еврейские интеллигенты были непоняты и подверглись остракизму со стороны традиционного еврейского общества, с одной стороны. А с другой — к ним с недоверием и подозрительностью отнеслась большая часть русского общества. Касаясь еще одного выделенного им типа — ассимиляторов, Клир пишет, что эта группа состояла из лиц, порвавших связи с еврейской общиной и частично

обратившихся в христианство. Историк признает, что предложенная им дифференциация «достаточно условна». Думается, что интересный вопрос, поставленный историком, об эволюции взглядов и поведения еврейских просветителей в России требует дальнейшего изучения; например, в этом направлении полезно было бы обратиться к идеологии новой интеллигенции, писавшей в периодических изданиях на иврите и идише.

Значительным вкладом представляется выявление и изучение профессором Клиром русского общественного мнения по еврейскому вопросу в третьей четверти XIX в. Историк сумел объяснить, каким образом еврейский вопрос смог из периферийного превратиться в один из центральных для русской общественности. Отношение к еврейству проделало заметную эволюцию за двадцать пять лет: от неясного благожелательства до очевидного утверждения многих мифов и черт, определивших неприятие интеграции евреев в русское общество. На отношение к еврейской теме, как показал Клир, оказали влияние ряд крупных событий и процессов той эпохи: польское восстание; русско-турецкая война и не столь успешные для России ее результаты; участие евреев в экономической жизни как за чертой, так и особенно в черте оседлости; революционное движение. Важную роль в развитии русской юдофобии автор отводит европейскому, прежде всего немецкому, идейному влиянию. Уже к началу 1860-х гг. ряд русских публицистов перестают рассматривать еврейскую проблему лишь в теоретическом смысле. Важную роль в формировании отечественной юдофобии историк отводит И. С. Аксакову. Его толерантная оценка евреев и иудаизма в конце 1850-х гг. не была продолжительной. Именно Аксаков явился главным проводником иностранного, особенно немецкого, антисемитизма в России. Он одним из первых выступил с критикой (в 1864 г.) «просвещенных евреев», отрицая право за представителями формировавшейся русско-еврейской интеллигенции на вхождение в христианское общество. Религиозному антисемитизму Аксаков придал достаточно respectable обрамление и способствовал его восприятию русским обществом. После польского восстания 1863 г. наиболее активные сторонники русификации во главе с газетой «Киевлянин» смотрят на евреев как на главное препятствие в русификации Западного края.

«Русским вкладом» в развитие международного антисемитизма, замечает Клир, стала «Книга Кагала» Я. Брафмана. Эта фальсификация имела шумный успех. Это, пишет исследователь, определялось тем, что Я. Брафман давал очень простой ответ на то, как решить пресловутый еврейский вопрос. Дело, оказывается, состояло в могуществе выдуманного Брафманом международного еврейского кагала — главного оплота мирового еврейского заговора.

В рассматриваемый период евреи начинают занимать важную роль в консервативной и революционной идеологии. В сознании консерва-

торов евреи связывались с «нигилизмом», угрожавшим основам старой России. Именно консервативная идеология не считала образование (на что уповали либералы) способом решения в России еврейского вопроса. Аргументы консерваторов о разлагающем влиянии евреев на русскую школу мостили дорогу для процентной нормы при Александре III. Вместе с тем Клир сумел показать явную парадоксальность взглядов не только консерваторов, но и либералов. Например, немало провинциальных юдофобов выступало за отмену черты оседлости, считая, что в этом случае Западный край перестанет нести на себе бремя «еврейского ига», в то время как либералы считали, что Черту следует сохранить до тех пор, пока евреи не откажутся от своего «фанатизма».

В революционной же идеологии евреи отождествлялись с буржуазными элементами. Показательно, что первоначально юдофобия, опиравшаяся на критику экономической роли евреев, в дальнейшем, как убедительно показал Клир, включает в себя оккультные формы. Так в России возникает новый вид юдофобии, питавшейся страхом перед международным еврейским заговором, признанием реальности ритуальных убийств. Более того, как пишет автор, оккультная юдофобия продемонстрировала, что обладает серьезными возможностями влияния, она была воспринята рационально мыслящими юдофобами.

Итак, за четверть столетия, прошедших со времени начала реформ, евреи оказались в сложном и противоречивом положении. С юридической точки зрения их положение улучшилось. Но ценой тому стало неприятие еврейства значительной частью русского общественного мнения. Возникшее в самый канун реформ мнение, что положение евреев требует изменений, сменилось иными настроениями. «В лучшем случае еврейский вопрос рассматривался (теперь. — А. Л.) как проблема, решение которой оказалось более сложным, чем считалось прежде... В худшем — евреи в духе нигилизма были демонизированы, как активные враги русской христианской культуры, как кровавые вампиры, готовые пить кровь русских детей. Они представлялись злой и вредной эксплуататорской силой, угрожавшей как бедным, так и богатым. Общественное мнение, одно время проявляя слабую симпатию к евреям, стало враждебным и скептически настроенным к любому решению еврейского вопроса. Это был заколдованный круг» (с. 455). Таким было отношение к еврейской проблеме общественного мнения накануне первой массовой погромной волны начала 1880-х гг. После нее общественные предрассудки были возведены в ранг официальной политики.

Работа Клира, отличающаяся богатством информации, не избежала ряда неточностей. Крымчаки — еврейская этнолингвистическая группа, населявшая Крымский полуостров, а не Кавказ, как ошибочно сказано в книге (с. 10). Среди евреев, казненных за терроризм до 1881 г., были С. Виттенберг, А. Гобет, И. Розовский, а не один И. Молодцкий (с. 397—398).

Вновь обращаясь к достоинствам издания, укажем на тщательно подобранные иллюстрации к тексту, среди которых особый интерес вызывают найденные историком юдофобские изображения евреев. Жаль, что при этом не назван источник. Можно лишь предположить, что карикатуры в основном почерпнуты из провинциальных органов печати.

Монография профессора Клира, продемонстрировавшая всю сложность еврейского вопроса в России и противоречивость положения русско-еврейской интеллигенции в пореформенной России, стала заметным явлением в современной историографии. Она отражает новые тенденции в зарубежной историографии, стремящейся отойти от однозначной и тривиальной интерпретации еврейской истории в Восточной Европе.

---

¹ Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History. Ed by John D. Klier and Shlomo Lambroza. Cambridge Univ. press. 1992.

² См. нашу рецензию на эту книгу в «Вестн. Евр. ун-та в Москве». 1993. № 2.

³ Klier J. D. Russia Gathers Her Jews. The Origins of the «Jewish Question» in Russia 1772—1825. Northern Illinois Univ. press. 1986.

ДУШЕНКО К. Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина. Что, кем и когда было сказано. М., 1996.

Автор рецензируемого издания, сотрудник отдела теории и истории культуры Института информации по общественным наукам К. Душенко, поставил перед собой важную задачу — собрать в одной книге политические цитаты, «крылатые слова», лозунги и наиболее распространенные обороты русского политического языка XX столетия.

Сборник фактически состоит из трех самостоятельных разделов: «Авторские цитаты», куда вошли высказывания Горбачева, Ельцина, Ленина, Сталина, Столыпина, Троцкого, Хрущева и других политических деятелей; «Анонимные цитаты, лозунги и обороты политического языка»; наконец, «Некоторые цитаты зарубежного происхождения, относящиеся к России XX века». Душенко не только приводит отечественные политические цитаты, но и дает к ним соответствующие пояснения, которые включают сведения о происхождении того или иного выражения, о цитатах-предшественниках, бытовании цитаты в политическом языке, цитатных перекличках и т. д.

Евреи, еврейские сюжеты, косвенные указания на евреев, судя по справочнику, оказались достаточно распространенными в отечественной политической лексике. Как и следовало ожидать, характер «еврейских» цитат в основном негативный или уничижительный. Они, как правило, исходят из кругов, настроенных к еврейским ценностям отрицательно, пытающихся демонизировать еврейский народ, призывающих к насилию по отношению к нему.

Из приводимых две цитаты приписываются евреям. Хотя по крайней мере одна из них скорее не еврейского, а черносотенного происхождения. «Мы дали вам Бога, мы вам дали свободу, мы вам дадим и царя». После провозглашения Манифеста 17 октября 1905 г. это высказывание приводилось, сообщает Душенко, в оправдание еврейских погромов, в том числе Киевского и Одесского, происшедших в октябре 1905 г. Оно приписывалось «евреям-бунтовщикам». В антисемитской публицистике, указывает далее автор, встречается более краткая формула: «Мы дали вам Бога, дадим и царя» (с. 141). К сожалению, Душенко не указал точного источник, но можно с достаточной уверенностью предположить, что высказывание это черносотенного происхождения. По крайней мере хорошо известно, что ни одна из политических еврейских партий и организаций не ставила своей целью установление в Российской империи монархического еврейского правления. В религиозных ортодоксаль-

ных кругах еврейства сохранялась традиционная концепция мессии — ожидание посланного Богом идеального царя — потомка Давида, призванного осуществить избавление народа Израиля и вернуть его в Эрец-Исраэль. В материалах Департамента полиции, главным образом в донесениях охранных отделений с мест, нередко сообщалось, что цель сионистов — «восстановление жидовского царства в Палестине». Возможно, что эти сведения получали своеобразную трансформацию и в черносотенных изданиях переносились на русскую почву.

Другая фраза также приписывается еврею и имеет конкретного автора — Л. Д. Троцкого. «Я не еврей, я интернационалист». Автор ссылается на статью Де-Бужима (Г. А. Елачича) «Отец и сын» в газете «Варшавская речь» от 23 декабря 1919 г. В статье рассказывается, что так как будто ответил Троцкий отцу, приехавшему к нему в Москву (с. 106). Другая версия этого апокрифа приводится в книге израильского исследователя Йосефа Недавы «Вечный комиссар». В 1921 г. Яков Мазе, главный раввин Москвы, нанес визит Троцкому с целью просить за евреев и получил стандартный ответ («Я не еврей, а интернационалист»). На это равви Мазе ответил: «Троцкие делают революцию, а Бронштейны расплачиваются по счетам»¹. Трудно судить, насколько верна и точна приписываемая Троцкому знаменитая фраза. По крайней мере это высказывание не выходило за рамки убеждений «вечного комиссара».

Предметом самостоятельного исследования может стать, пожалуй, самая «знаменитая» из включенных в сборник цитат, относящихся к евреям: «Бей жидов, спасай Россию!» Составителю не удалось ее точно датировать и указать на источник ее происхождения. Он пишет: «Повидимому, в окончательной форме этот погромный лозунг утвердился в годы гражданской войны, хотя схожие обороты появились в антисемитских изданиях гораздо раньше» (с. 115). Здесь мы встречаем достаточно глухую отсылку. Можно предположить, что этот призыв появился уже в годы первой русской революции.

Другие цитаты относятся уже к иной эпохе и хорошо документированы. Выражение «безродные космополиты» появляется в «Правде» в редакционной статье от 28 января 1949 г. «Об одной антипатриотической группе критиков». В ней говорилось: «Эти критики утратили свою ответственность перед народом, являются носителями глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему безродного космополитизма». Как известно, именно под этим лозунгом в советской политике шла волна официального антисемитизма в послевоенный период, известный в истории советского еврейства как «черные годы». Еще одна не менее известная, но более зловещая фраза той же эпохи — «Убийцы в белых халатах» — являлась заглавием редакционной статьи той же «Правды» о «деле врачей» от 13 января 1953 г.

Новая эпоха посткоммунистической России, разумеется, не обошла стороной и еврейскую тему. «У меня мать русская, а отец юрист» — из

предвыборного выступления В. В. Жириновского по телевидению в начале июня 1991 г. в ответ на вопрос о национальном происхождении. Не менее скандальной, но более двусмысленной и определенно с черносотенным оттенком была реплика М. Н. Полторанина в телепрограмме «Момент истины» в январе 1994 г. Полторанин тогда заметил, что часть прессы, подверженная «русофобии», перешла на «лагерный иврит» (с. 73). Завершает «еврейский ряд» «открытие», сделанное еще в пору перестройки И. Р. Шафаревичем, которому принадлежит термин «малый народ» (статья «Русофобия», 1990). Душенко указывает, что термин «заимствован у французского историка О. Кошена, но существенно переосмыслен» (с. 111). Но он не сообщает, что термин стал новым эвфемизмом для русских интеллектуалов-юдофобов.

Как видим, еврейские сюжеты в русской политической цитате царской, советской и постсоветской России сохраняют известную преемственность.

Разумеется, еврейская тема могла бы быть в сборнике представлена и шире. Например, крылатое словосочетание из недавних времен — «пятый пункт» вполне достойно занять надлежащее место в книге. К цитатам зарубежного происхождения подходит определение Эли Визеля «евреи молчания». Так он охарактеризовал советских евреев в книге с одноименным названием, вышедшей в 1966 г. (другой вариант — «безмолвные евреи»).

Несмотря на недостатки, впрочем, очевидно, неизбежные в изданиях подобного рода, работа К. Душенко достойно представляет российскую историю сквозь призму устойчивых оборотов русской политической лексики.

---

¹ *Недава Й.* Вечный комиссар. Иерусалим, 1989. С. 134.

УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ «ПРИЛОЖЕНИЯ К ЖУРНАЛУ “ГАКАРМЕЛЬ”»

«**П**риложение к журналу “Гакармель”» выходило в Вильно еженедельно на русском языке с 1860 по 1869 г. Редактор-издатель С. И. Фин. Первый год издания — 1860/1861. С 14 июня 1860 г. по 21 июня 1861-го вышло 50 номеров (№ 26, очевидно, не вышел). В 1860 г. вышли № 1—27; в 1861 г. — № 28—50.

Расположение материалов в указателе соответствует их месту в журнале, материалы, продолжающиеся в нескольких номерах, указаны в месте первой публикации.

Указатель содержания «Приложения к журналу “Гакармель”» выполнен в 1992 г. и представляет собой часть работы по программе Петербургского Еврейского университета, ведущейся под руководством Дм. Эльяшевича.

ПЕРВЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

14 июня 1860 — 21 июня 1861, № 1—50

№№
журналов

1. *Фин С. И.* Значение журнала «Гакармель». Программа журнала на еврейском языке под названием «Гакармель» («Кармель»). Высочайшее повеление: Об оставлении преподавания закона веры в Талмуд-Торах при нынешних меламедах. Распоряжение начальства: Об обучении еврейских детей в общих казенных учебных заведениях и выдаче свидетельств меламедам. Библиография. *Kurzgefasstes Lehrbuch der hebräischen Sprache für israelitische Schulen. Nach dem gegenwärtigen Stand der hebräischen Sprachwissenschaft bearbeitet von Ch.Z. Lerner, Lehrer des Hebräischen an der Rabbinenschule zu Schitomir. Leipzig, 1859.* В начале книги приведен отрывок из письма знаменитого немецкого ориенталиста и лексикографа доктора Ю. Фирста к автору грамматики Лернеру.
2. Распоряжения начальства: О приведении в исполнение Высочайшего повеления о Евреях, состоявшегося в 4 д. Мая 1859 г.
О дополнении к Высочайшему повелению об учебном

- преобразования Еврейских училищ и образования евреев.
- 2—4. *Валь О.*, раввин. Абарбанель.
- 2, 3, 7—15, 17, 20—24, 28—29. Ответ Иосифа Флавия Аппиону / Пер. А. Пумпянского, раввина.
4. *Каценеленбоген Ш. Д.* Арфа Давида: [Стихотворение].
- 5, 6, 18. Eine Predigt, gehalten in der Rabbinenschule von Ehrenbürger und Censor W. Tugendhold.
6. Высочайшие повеления: [О пяти новых формах присяги для евреев; о разрешении для приезжающих евреев-иностранцев производить торговлю, учреждать банкирские конторы, устраивать фабрики, приобретать и нанимать недвижимые ненаселенные имущества; о запрещении евреям управлять населенными имениями на правах приказчиков.]
Слово, произнесенное его сиятельством г. начальником Минской губернии, графом Келлером в собрании членов Минского еврейского общества, в день избрания раввина, 5-го июля 1860 г.
7. Распоряжение начальства: О закрытии губернских и уездных еврейских училищных комиссий.
- 7—9, 11, 13, 16, 33, 34, 37. *Фин С. И.* Иудаизм в отношении к жизни.
8. Из корреспонденции «Санкт-Петербургских ведомостей», № 160, 1860 г.
О пожертвовании группой евреев средств в пользу сирийских христиан — жертв мусульманского фанатизма.
9. Высочайшее повеление: О новом выпуске медной монеты.
[Из «Русского инвалида».] С.-Петербург, 29 июля 1860 г.
Письмо банкира Гинцбурга к министру иностранных дел князю Александру Михайловичу Горчакову о пожертвовании в пользу преследуемых в Сирии христиан, приводится список лиц-жертвователей с указанием сумм; ответ товарища министра иностранных дел И. Толстого Евзелю Гинцбургу от 25 июля 1860 г.
10. Вильно.
Об обеде в Вильно в честь перемещения Александровского кадетского корпуса из Москвы в Вильно, устроенном совместно еврейским и христианским купечеством.
Каценеленбоген Ш. Д. 11 августа 1860 г.: [Стихотворение].
Приветствие, поднесенное еврейским купечеством г. Вильно во время обеда, данного в честь новоприбывшего Александровского кадетского корпуса.

10. *Гурвич И.* Взгляд на развитие религиозной идеи у древних евреев (по Е. Вольфу).
11. *Пумпянский А.* Вильно, 22 августа 1860 г.
О еврейской благотворительности — помощи сирийским христианам.
[Из фельетона «Северной пчелы» (1860. № 173).]
О сборе средств для помощи христианам Сирии в Париже по призыву контр-адмирала Матё.
- 12—15. *Валь О.* Еврей-земледелец.
13. Распоряжение начальства: О доставлении сведений о частных еврейских училищах.
14. Минск.
Список пожертвователей в пользу сирийских христиан с указанием сумм.
15. Высочайший Манифест Александра II о рождении сына Павла 21-го сентября 1860 г.
Пумпянский А. Вильно, 2 октября 1860 г.
О прошедших синагогальных праздниках, о посещении Вильны Александром II.
16. Пожертвования, сделанные в пользу сирийских христиан виленскими евреями, состоящими на службе при Виленском учебном округе, и некоторыми другими лицами.
Евреи, пожертвовавшие в пользу сирийских христиан в городе Свенцияны.
Валь О. Вильно, 11 октября 1860 г.
О трехдневном пребывании императора Александра II в Вильно, об участии евреев в помощи сирийским христианам.
- 17, 19, 20, 22—24. Предисловие Мендельсона к сочинению «Спасение евреев» раввина Менасе-бен-Израиль / Пер. Льва Каплана.
18. Манифест Александра II о кончине матери — императрицы Александры Федоровны, 20 октября 1860 года.
Высочайшее повеление.
О разрешении раскурочной продажи табака и сигар.
Вильно: Пожертвования, сделанные в пользу сирийских христиан виленскими евреями из купечества и других сословий.
19. *Лебенсон Б.* Хвала царю: Стихотворение: Пер. с еврейского.
По случаю прибытия Его Императорского величества государя императора в Вильно 1 октября 1860 г.
Вербловский Г. Письмо в редакцию. Свенцияны, в сентябре.

- О воспитании и образовании евреев.
20. [О неправильных названиях еврейских праздников в «Памятной книжке Виленской губернии на 1860 год» г. Корева.]
21. *Вербловский Г.* Вильно: Замечания на статью под буквою W, помещенную в № 83 «Виленского вестника» 1860 г. О несогласии с автором статьи о тунеядстве и праздншатательстве евреев в Литве.
24. Распоряжение начальства: От Почтового Департамента. О приеме и передаче телеграмм. Из «Северной пчелы» (1860. № 259).
Валь О. [Письмо доктора И. М. Иоста о картинах художника Оппенгейма, изображающих сцены из истории Ротшильдов.]
[О пожертвованиях русских евреев пострадавшим в Сирии христианам]: Из «Сев. пчелы» (1860. № 242).
25. *Минор З.* Еврей-прогрессист: Речь на немецком языке.
27. Распоряжение начальства.
О разрешении виленским евреям Гирше Герберу и Арону Ауфенбаху открыть в Вильно праздничное (субботнее) училище для ремесленников.
- 27, 28, 32. Антипатор: Исторический рассказ / Пер. с нем. воспитанника Раввинского училища С. Каплана.
29. *Вербловский Г.* Ответ господину W на его возражение, помещенное в № 95 «Виленского вестника» за 1860 г. О предубеждении автора «Виленского вестника» в отношении евреев, об его обвинениях евреев в праздности, лени, тунеядстве.
30. *Гордон А.* Несколько слов по поводу письма из Гродно от 7 октября 1860 г., помещенного в № 100 «Виленского вестника».
- Возражение автору статьи с обвинениями евреев.
- 30, 31. *П. Л-б.* Эдуард Плеснер.
О первом еврейском архитекторе в Пруссии (1811—1855).
31. Правительственные распоряжения.
О разрешении на право жительства в Петербурге для нижних чинов, служивших в гвардии; об отмене ограничений приема в залог еврейских домов в 50-верстной черте от границ с Австрией и Пруссией. Из «Северной пчелы» (1861. № 8).
Пожертвования, сделанные пинскими евреями в пользу сирийских христиан.
Гурвич И. Очерк жизни Мендельсона.

31. Денежные награды учителям еврейских учебных заведений по Виленскому учебному округу.
32. Б. Т. Мы тоже любим страдания.
О столкновении новых идей с религиозной особенностью еврейского народа.
33. Гинстлинг В. Резня на Украине во времена Богдана Хмельницкого.
34. Минский житель. Минск и Вильно.
- ♦ Могилев-на-Днепре: Из корреспонденции «Гакармеля». Об учреждении училища для еврейских девиц и обучении их русскому языку, арифметике и шитью.
35. Пумпянский А. Беглый взгляд.
О судьбе еврейского народа, об участии русских евреев в движении общества к цивилизации.
- 35, 37, 38. Воль О. Опыт раввинской мудрости.
Легенды из Талмуда и Мидраша.
- 36, 38, 40. Ульман С. Послание старшим и общественным раввинам и всем французским единоверцам / Пер. А. Пумпянского.
С. Ульман — старший раввин Центральной консистории в Париже.
36. Гинстлинг В. Бенедикт Спиноза.
Биографический очерк, составленный по М. Филиппсону и Летерису.
[О благотворительности в Одессе.]
- ♦
37. Воль О. Ошер Бер.
О важных открытиях малоизвестного в России ученого О. Бера в разных отраслях технических и математических знаний. Из «Виленского вестника» (1861. № 19).
[Об открытии в Варшаве 2-х зимних комнат в Главном доме призрения нищих и сирот еврейских для принятия на ночлег нищих всех исповеданий и возрастов.]
38. О пожертвовании пинским купцом Л. Н. Гринбергом 25 руб. серебром в пользу сирийских христиан.
- 39, 41. Л. Л-б. Блудный сын: [Повесть].
39. Высочайшее повеление: Дозволение ввоза кантонского чая.
40. От редакции.
В дополнение к дискуссии в периодической печати по поводу избрания раввинов только из питомцев казенных учебных заведений редакция приводит мнение французского раввина и сенатора Ульмана.
Леванда Л. О еврейской Талмуд-Торе в г. Вильно: [Из «Виленского вестника» (1861. № 27)].
В. Г. Заметка.

- По поводу высказывания В. Г. Белинского о женщинах и иудейском законе, обнаруживающих его незнание Библии.
41. Вильно, 13 апреля 1861 г.
Сообщение о прекращении издания журнала «Рассвет» на № 45.
- 41, 50. Граса Агиляр.
Биографический очерк о еврейской писательнице, жившей в Англии и Германии (1816—1847).
- 42—43. *Леблуга*. Гонение за веру (нетерпимость): Речь в Страсбурге в августе 1860 года.
44. Официальные известия: Высочайшая награда.
О награждении инспектора Виленского раввинского училища 2-й гильдии купца Гирша Каценеленбогена и старшего учителя еврейского и халдейского языков того же училища виленского мещанина Береля Лебенсона.
Благодарность учебного начальства.
Благодарность Нохиму Левину, Меер-Боруху Мееровичу, Лебензону, Эфрону, Натансону за помощь еврейским училищам в Вильно и Россиенах.
О разрешении евреям Абраму Кагану и Лейбе Плонскому открыть в Белостоке частное девичье еврейское училище.
Лебедев П. Из № 85 «Русского инвалида».
О происшествии в Шавлянах.
Лякуб П. Эдуард Бендеман.
О немецком художнике-еврее (род. в 1811 г. в Берлине).
Посещение.
О посещении синагоги в м. Плунтян (Ковенской губ.) графом Платоном Александровичем Zubовым, вотчинным владельцем местечка.
45. *А. Г.-н.* Бесплатная еврейская школа в Вильне.
- Прощание евреев с Пироговым: [Из брошюр «Прощание Киева и Киевского учебного округа с Пироговым» (Киев, 1860)].
- 46—47. *Кацан О.* Вильно, 27 мая.
О Виленском раввинском училище.
Субботно-воскресная школа в Полтаве.
Прощание Бердичевского общества с Н. И. Пироговым 16 апреля.
Подробности, заимствованные из № 52 журнала «Рассвет».
А. П. Еврейская параллель.
О Моше Рабену (Моисей), Моше-бен-Маймоне (Моисей Маймонид) и Моше Мендельсоне.

- 46—47. Сообщение из Киева.
О возведении в потомственные почетные граждане купца 1-й гильдии из м. Корсони Гирша Болоховского.
48. *Дякуб П.* Нечто из истории евреев в Польше.
» *Гаркави А., Меерович С.,* библиотекари учебной библиотеки Раввинского училища. Ответ г. Кацану.
О библиотеке Виленского раввинского училища.
Розенцвейг (Староконстантинов). Месяц и собака: Басня.
Подражание еврейскому.
49. *Вербловский Г.* Вильно, 10 июня.
Об образовании евреев, о необходимости создания публичной еврейской библиотеки.
Лурия А. Письмо в редакцию «Гакармеля». Белосток, в апреле.
Об образовании еврейского населения.
Ландау А. Листок из дневника г. Г. Шапиро, избранного в директоры Ковенского дворянского клуба. Напечатан на польском языке в № 38 «Виленского вестника».
50. *Г. В.* Вильно, 18 июня.
О необходимости общественного представительства еврейского населения Вильны.
[О денежных наградах учителям Павлоградского казенного еврейского училища гг. Шохеру и Белинскому — «за отличие по службе».]
Вильно.
О назначении Г. И. Гинзбурга, врача при бобруйской гимназии, штатным врачом при виленских казенных еврейских училищах 1-го и 2-го разрядов.
Об открытии в Полтаве в субботу 28 мая бесплатной школы для еврейских девиц на добровольные пожертвования полтавского еврейского общества.

ВТОРОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

30 июня 1861 — 29 июня 1862, № 1—49

№№
журналов

- 1, 2. *Перельцвейг М. Л.* (Житомир). Нечто о гласных и прочих еврейских представителях.
1. *Зигильман М. Х.* К издателю «Гакармеля».
О благотворителях г. Радомышля, о еврейской больнице и Талмуд-Торе.
[О чтении драматургом Вольфсоном в Петербурге публичных лекций о Шиллере.]

1. [О сборе денег солдатами расположенного в Юрбурге Копорско-Саксонского полка для написания Торы.]
Объявление о публикации иностранных известий о еврейской жизни почти во всех номерах «Гакармеля» в разделе «Смесь» (см. №№ 1, 3—17, 19, 21—30, 32—45, 48).
- 1, 2. Библиографическое известие.
Об издании журнала «Сион», органа русских евреев, с июля в Одессе, под редакцией Емануила Соловейчика и Льва Пинскера, по той же программе и в том же виде, как издавался «Рассвет».
2. *Валь О.* Вильно, 4 июля.
О благотворительности и ее результатах, о нищенстве.
О необходимости помогать нуждающимся иначе.
От редакции.
Комментарий к статье Маркуса Л. Перельцвейга в № 1 «Гакармеля».
3. *Гордон Л.* Шавли, 22 июня 1861 г. Возражение помещику г. Б.
А. Г-нов. Происшествие в Шавлянах и помещик Б.
Статья из «Северной пчелы» (№ 143).
[Об открытии первоклассного еврейского училища в г. Радзивилове: (Из «Сына Отечества».)]
- 3, 4, 6. Объявление.
О продаже исторического исследования профессора Д. А. Хвольсона «О некоторых средневековых обвинений против евреев» (СПб., 1861).
4. *Г. В.* Вильно, 17 июля.
О необходимости для еврейского народа усвоить литературный язык.
[О пожертвовании евреев Таганрога средств на сооружение в Москве церкви с неугасимой лампадой — в память великого Александрова дня: освобождения крестьян.]
Хотин Бессарабской области.
О посещении еврейскими мальчиками послеобеденной школы и воскресной школы, где они учатся вместе с христианами.
Одесса.
О возведении в потомственные почетные граждане раввина И. Г. Гельперна.
[О художнике из Одессы Аксенфельде, картины которого находятся среди произведений других еврейских художников на художественной выставке в Париже.]
- 5, 6. *Лякуб П.* Симферополь. Последнее слово г-ну И. Горо-

- вищу.
По поводу статьи о раввинских училищах и подготовке раввинов.
- 7—9. *Вербловский Г.* По вопросу о воспитании евреев.
7. [О сочувствии и помощи бедным евреям врача Пилецкого в Друскениках, со времени открытия там минеральных вод.]
Об избрании Г. Х. Видавера, уроженца Варшавы, раввином в Филадельфии.
Об учреждении в Бреславе еврейской общественной библиотеки.
Напечатан каталог этой библиотеки из 3500 сочинений древней и новой еврейской литературы с предисловием д-ра Гейгера.
9. Кое-что из жизни Меер-Гирша: [Рассказ].
* [О заложении краеугольного камня еврейского госпиталя в Кракове. О замысле учредить раввинскую семинарию.]
- 10, 11. *Штейнберг О.* *Pium Desiderium.*
О необходимости образования еврейских женщин.
10. *Каплан Л.* Церемониальное шествие первосвященника в храм за семь дней до Йом-Кипура.
Из сочинения знаменитого богослова и медика Соломона-де-Верго.
12. [Высочайшие повеления.]
О разрешении пребывания в Одессе иностранных евреев — торговцев и промышленников, о разрешении евреям Николаева и Севастополя заниматься производством ремесел, о занятии должности раввина или учителя Еврейского училища воспитанниками раввинских училищ.
Г. К. Письмо в редакцию, 6 сентября.
О создании синагоги для образованных евреев Ковно благодаря стараниям Шапира.
Рубинович Ф. (Ошмяны).
О необходимости восстановить разрушенное кладбище в г. Троках Виленской губернии.
Диллон Л. По Шавлянскому делу: (Из «Сына Отечества»).
[О назначении акушера Виленской врачебной управы М. Трахтенберга приказом по Министерству внутренних дел за выслугу лет из надворных в коллежские советники.]
М. Трахтенберг — первый еврей, достигший такого высокого чина.
[О численности еврейского населения в Царстве Польском.]

- По данным отчета за 1859 г., численность евреев составила почти 600 тыс. человек.
13. Вильно, 26 сентября.
О нападении толпы евреев в Варшаве 26 августа (6 сентября), в праздник Шабат-Шува, на лавку купца Натансона в знак протеста против открытия лавки в праздник.
Фидлерман И. Я. (Тобольск). К издателю «Гакармеля». О еврейском населении Тобольска.
Лурье А. (Пинск). Биографические очерки некоторых знаменитых еврейских писателей древности.
О Соломоне ибн-Гавироле и Исааке бен Игуде Гиуте (Испания, XI—XII вв.).
[Варшава. О рассмотрении среди других вопросов проекта о гражданских правах евреев на заседании общего собрания Государственного совета Царства Польского: (Из «Северной пчелы» № 202).]
[Отрывки из статьи в немецкой газете «Прусские евреи в провинции Познань»].
Статья знакомит с бытом и нравами евреев Познанского герцогства.
- 14, 15. *Лейкар.* Об эмансипации евреев во Франции.
14. Библиографическое известие.
О новом дополненном издании песен еврейского поэта из Вильно Б. Лебенсона.
15. *Розенцвейг Т.* По вопросу о казенных еврейских училищах: [Письмо из Староконстантинова].
[Об открытии учителем чистописания галицийским евреем Маврикием Диямантом технологии изготовления бумаги из волокон кукурузы].
Некоторые исторические заметки о золкиевских евреях. О евреях, поселившихся в Польше (г. Золкиев) между XV и XVI вв.
- 16, 17. *Лякуб П.* Значение евреев во Франции.
16. [Об избрании евреев в уездные и городские советы Царства Польского].
[О пожертвовании Герша Липшица на строительство костела.]
- 17—20. Высочайше утвержденное (в виде опыта на три года) положение о житомирском еврейском ремесленном училище («Сенатские ведомости», № 74).
17. [О пожаловании подрядчику комиссариатского ведомства херсонскому 1-й гильдии купцу Гершко Ауслендеру звания потомственного почетного гражданина].
[О возведении в звание личного почетного гражданина]

- учителя симферопольского казенного еврейского училища Файвиша Диккера и бывшего учителя сего училища Перетца Лякуба.]
- [О награждении бывшего учителя Херсонского казенного еврейского училища 2-го разряда Абрама Брук-Брезовского серебряной медалью с надписью «За усердие» для ношения на Станиславской ленте.]
- 19—21. Г. В. Иосиф Перель: [Биографический очерк].
19. [Об утверждении штатного врача богоугодных заведений Витебского приказа общественного призрения доктора медицины Бертензона в чине коллежского ассессора.]
- [О произведении за выслугу лет младшего врача кишиневских богоугодных заведений Выводцева из титулярных советников в коллежские ассессоры.]
20. [Вильно, 14 ноября.]
- Об отмене ограничений для евреев жить и торговать на некоторых улицах г. Вильно.
- [О еврейской свадьбе дочери коллежского советника М. Трахтенберга артистки Розы.]
- Рубинович Ф.* Письмо в редакцию «Гакармеля».
- О состоянии еврейского общества в Ошмянах. О бедности и благотворительности — двух неотъемлемых принадлежностях еврейской жизни. О завещании Натана Бругно 550 руб. серебром в пользу общественных благотворительных учреждений.
21. [О дополнении к сообщению из Варшавы о выборах в уездные и городские советы]: (Из «Сиона»).
22. *Леванда Л. О.* Из повести «Частный урок».
- 23, 26—31, 33, Сотрудники «Гакармеля». История евреев в Венгрии.
- 36.
23. з. Одесса, 2 ноября.
- [Из частного письма к Л. Л-де.]
24. Приказ военного министра. С.-Петербург, 24 ноября 1861 г.
- О разрешении производить евреев в унтер-офицеры.
- з. Санкт-Петербург, 8 декабря. В редакцию «Гакармеля».
- О раввинской комиссии для обсуждения вопроса об учебном образовании евреев и устройстве их духовной жизни. Приведен состав членов комиссии.
25. Минский купец. 8 декабря. Несколько слов о сем, о том. О субботней бесплатной школе для бедных евреев всех сословий и возрастов, основанной раввином Минором. Евреи в Швейцарии, Мекленбург-Шверине и Тироле.
- Каган Г.* Санкт-Петербург, 3 дек. В редакцию «Гакармеля».

- О материальном положении еврейских студентов Санкт-Петербургской медико-хирургической академии и об инициативе студентов о добровольной складчине — учреждении общественной кассы взаимопомощи.
[Об отсутствии препятствий для перехода мещан из одного общества или сословия в другое.]
[Отрывки из передовой статьи в «Северной пчеле» (№ 276) о бухарских евреях.]
27. [О бердичевских еврейских учебных заведениях.]
О численности учащихся, поступивших пожертвованиях и их израсходовании.
[О взимании рекрутов с евреев по общим правилам для мещан и сельских обывателей.]
[О возведении почетного члена Полтавского губернского попечительства детских приютов полтавского 1-й гильдии купца Абрама Варшавского в звание потомственного почетного гражданина, о признании евпаторийского купца Лазаря Синани турецким консулом в Евпатории, об утверждении Г. О. Рафаловича в звании бельгийского вице-консула в Одессе]: (Из «Сиона»).
- [О разрешении евреям-земледельцам, занимавшимся сельским хозяйством в течение 25 лет, заниматься торговлей и промыслами, разрешенными крестьянам.]
[О предстоящем выходе в Варшаве газеты на еврейском языке «Гацфира» («Заря»), посвященной наукам и литературе. Редактор — Зелиг Слонимский.]
28. *Гнесин, Таубер*. Вильно. От заведующих кассой Общества для вспоможения бедным ученикам.
От открытия общества благотворительности в пользу бедных учеников Виленского раввинского училища.
Раввинская комиссия.
Об особой раввинской комиссии при Министерстве внутренних дел по делам еврейской веры, рассматривающей вопросы об образовании евреев, их духовной жизни, о занятиях земледелием (Из «Северной почты»).
29. [Высочайше утвержденное мнение Государственного совета.]
О предоставлении некоторых преимуществ евреям, получившим образование, а также служащим при еврейских учебных заведениях.
Указ Правительствующему Сенату.
Об увеличении податей и прочих сборов, поступающих в казенный доход.
30. *Брун А. Ошмяны*. К издателю «Гакармеля».

- О быте ошмянских евреев, об их занятиях земледелием и огородничеством.
7 янв. 1862 г.
Сведения об Ошмянском еврейском училище, сообщенные г. Ф. Рубиновичем.
Из циркуляра по Виленскому учебному округу за декабрь 1861 г.
[О благодарности начальства Виленского учебного округа графу Чапскому и купцу Лебенсону за пожертвования в пользу беднейших учеников Волковыского казенного еврейского училища 1-го разряда.]
[О назначении ратмана Лидского городского магистрата Иосифа Бржезинского почетным блюстителем Лидского казенного еврейского училища 1-го разряда.]
[Об утверждении виленского купца Меера Гордона почетным блюстителем Меречского казенного еврейского училища 1-го разряда.]
[Об «Отчете общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым».]
31. Высочайший указ.
О постоянном и временном пребывании евреев в г. Киеве.
32. Вильно.
О молебне в молитвенном зале Виленского раввинского училища по поводу дарованных государем императором прав образованным евреям.
- » Эмансипация евреев в Вюртемберге.
- » Евреи в Цюрихе.
- 32, 33, 35. Вечер у Мендельсона.
32. [Сообщение о разрешении учредить в Киеве больницу для неимущих евреев.]
Пожертвования в пользу бедных учеников Виленского раввинского училища.
33. [Сообщение о наградах «за отличие по службе» некоторым чиновникам Виленского учебного округа.]
34. Евреи на Кавказе.
- » От редакции.
О кавказских евреях.
Тифлисская военная синагога.
Распоряжение Министерства внутренних дел.
О разрешении евреям-медикам оставаться в тех же учебных заведениях, где они проходили курс, или приезжать в города, где существуют университеты и высшие учебные заведения, для научной цели.

34. [О назначении еврея учителем реальной гимназии в Познани.]
35. *Соломонов З., Гордон О.* От заведывающих ученической библиотекою при Виленском раввинском училище. О необходимости материальной помощи библиотеке при училище. Приводятся списки жертвователей деньгами и книгами.
Свяницын П. (Россиены, 12 февраля). В редакцию «Гацармеля».
О намерении бывшего воспитанника Виленского раввинского училища казенного раввина Явно бесплатно преподавать еврейские предметы в уездном еврейском училище и открыть субботнюю школу для ремесленников.
Е. Г-з. Давид Алруи.
[О разрешении дочерям керченских купцов-евреев всех гильдий поступать в керченский Кушниковский институт своекоштными пансионерками.]
36. Правила об учреждении в Киеве больницы для неимущих евреев (Из «Сенатских ведомостей»).
37. [О намерении г. Бенякова издать полезные сочинения еврейской литературы.]
Гурвич О. (Минск, 23 января).
О проповеди городского раввина Минора на русском языке по поводу указа о даровании прав и преимуществ образованному классу евреев.
[Значение евреев в экономическом быте Белоруссии: (Из «Северной пчелы».)]
[Об избрании двух членов от еврейского купечества в конторы Государственного банка в городах, где евреи производят значительные торговые обороты, независимо от количества членов из купцов христианского исповедания. О разрешении допустить избрание евреев в Одесскую и Киевскую конторы.]
[О награждении на торжественном акте 12 января 1862 г. в императорском Московском университете золотой медалью студента юридического факультета Бориса Ландау за сочинение на тему: «О руководящем начале частного международного права».]
Варшава.
О евреях М. Розене и Л. Натанзоне, членах Комитета для доставления удобных и дешевых квартир ремесленному классу Варшавы: (Из газеты «Гацфира».)
О посещении митрополитом католических церквей в

- Царстве Польском Фелинским 7 февраля сиротского приюта еврейского исповедания.
37. [О статье Е. Пехкран в «Газете Польской», доказывающей необходимость учреждения в Варшаве приюта для еврейских девушек.]
[О намерении еврейского представительства Варшавы отправить за свой счет некоторых ремесленников на Лондонскую всемирную выставку для ознакомления с знаменитыми произведениями искусства. О готовности г. Кушеля бесплатно преподавать английский язык всем ремесленникам, желающим отправиться для этой цели в Лондон.]
[О книгах, выпущенных Институтом для распространения еврейской литературы в 1862 г.]
38. *Мухлинский А.* О караимах в Империи и Царстве Польском.
Горнберг Н. Бердичев.
О желании евреев и некоторых христиан возобновить литературные вечера в пользу христианского пансиона и еврейской субботней школы с участием талантливых христианских пианистов. Цель вечеров — сблизить еврейское и христианское общества: (Из «Киевского телеграфа»).
39. [Речь доктора Неймана в Раввинской комиссии в Санкт-Петербурге 23 ноября 1861 г.]: На нем. яз.
[О направлении Митавским еврейским обществом в Санкт-Петербург депутатов-купцов Самуила Фридлиба и Морица Калмейера с благодарственным адресом к санкт-петербургскому генерал-губернатору князю Суворову.]
40. Сенатский указ.
О разрешении евреям, самовольно отлучившимся за границу, вернуться в Россию в течение года.
Закрытие Раввинской комиссии: (Из «Северной почты»).
- » *Гнесин Ф.* Речь, произнесенная в молитвенном доме Виленского раввинского училища в субботу 10 февраля 1862 г.
41. *Фейнбер М. Д.* [О наводнении в Юрбурге.]
Пейкар Н. Речь, произнесенная в молитвенном доме Виленского раввинского училища 24 марта 1862 г.
Высочайший указ, данный на имя управляющего Министерством финансов. Санкт-Петербург, 14 апреля 1862 г.
О внешнем займе в 15 млн. фунтов стерлингов через

- посредство банкиров Ротшильдов: (Из «Северной почты»).
41. Открытие частного учебного заведения.
О разрешении учителю Россиенского казенного еврейского училища 1-го разряда Бенцелю Подшкольнику открыть в Россиенах девичий еврейский пансион на степени 2-классного приходского училища.
[О благодарности учителю бывшего Минского казенного еврейского училища 2-го разряда Илье Залкинду за собранные им средства (82 руб.) в пользу бедных учеников гимназии — евреев.]
42. *Каплан Л.* Слово о воспитании.
* [Сообщение Г. Гаркави из Екатеринослава, 30 марта].
О прощальном обеде, данном екатеринославцами в честь б. начальника губернии графа Сиверса, назначенного харьковским гражданским губернатором.
[О разливе Двины 27 марта и наводнении в Динабурге.]
О помощи населению Динабурга И. М. Фридляндского и И. Гурвича.
[О средствах, собранных в пользу библиотеки, создаваемой в Минске образованными евреями.]
43. Еврейское духовное правление в Галиции.
* *Лякуб П.* Космополитизм еврейского племени.
* [Извещение редакции «Сиона» о прекращении выхода журнала.]
Из Гродно.
О перемещении еврейской больницы, о пожертвовании для возобновления ее работы потомственного почетного гражданина И. Заблудовского.
[Корреспонденция из газеты «Кавказ».]
Об учреждении во Владикавказе благотворительным обществом в 1861 г. девичьего бесплатного училища под покровительством командующего войсками Терской области генерал-адъютанта князя Д. И. Святополк-Мирского и княгини С. Я. Святополк-Мирской.
44. Антоний-Иосиф да Сильва.
Биографический очерк знаменитого португальского драматурга (1705—1739), сожженного по обвинению в приверженности к еврейской религии.
Люблин.
О борьбе между консерваторами и прогрессистами по поводу переустройства местной Талмуд-Торы.
[В дополнение к сведениям о евреях в Бухарии.]

- Продолжение статьи, опубликованной в «Гакармеле» (№ 25). Излагается статья из «Гамелица» (№ 29).
- 45, 46. *Вербловский Г.* Теория предположений (Präsumtionen) по талмудическому учению.
45. [О количестве и составе читателей в публичной библиотеке Минска, основанной раввином г. С. Минором.]
[О присвоении доктору Этингеру звания доцента Ягеллонского университета.]
[О новом произведении знаменитого живописца, еврея Александра Лессера, автора картин из еврейской истории]: (Из «Газеты Польской»).
46. [О назначении историка и автора известного сочинения о папах еврея д-ра Яффе из Познани профессором Берлинского университета]: (Из «Газеты Польской»).
47. Зданов, бывшая еврейская колония при Замосце.
- 47, 48. *Зейберлинг В.* Еврейская больница в Киеве.
47. *Гурвич О.* Положение женщины у древних евреев.
47. Литографованные прошения и полноправие евреев в великом герцогстве Баденском.
48. Высочайшие повеления, объявленные Правительствующему Сенату.
Об утверждении Положения о еврейских типографиях.
О разрешении иметь две типографии — одну в Вильно, одну в Житомире — под надзором директоров раввинских училищ; доход обращать в пользу еврейских училищ: (Из «Сенатских ведомостей»).
- О статье Н. Гасмана «Безвыходное положение новых раввинов».
- О жалком положении молодых раввинов в еврейском обществе: (Из «Северной пчелы». № 116).
- [Отчет о сумме, пожертвованной служащими по Вольпскому акцизному откупу в пользу нуждающихся учеников Житомирского раввинского училища, и об ее расходовании.]
49. Публикуется по просьбе Шохор-Троцкого из Житомира.
[Высочайшее постановление, подписанное 24 мая (5 июня) 1862 г. Александром II.]
Об отмене многих ограничений для евреев Царства Польского, установленных прежними декретами.
- Зейберлинг И.* Ночь в день преложих: (Иов. XVIII.12).
[По поводу статьи Александрова.]
В статье, опубликованной в газете «День» (№ 25), приводятся несправедливые обвинения в адрес евреев.

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

6 июля 1862 — 21 мая 1863, № 1—41

(отсутствуют № 4, 12, 17, 19, 26, 30, 34, 35, 38—40)

№№
журналов

1. Высочайшие повеления.
[О разрешении евреям в черте оседлости приобретать недвижимую собственность всякого рода, за исключением населенных имений.]
[О дозволении евреям-раввинистам водворяться и жить в г. Троках.]
[Соображения г. Филиппова об образовании евреев.]
О пользе предоставления евреям прав, общих для всего народа: (Из «Современника» (апрель).
» *Дрейзин Л.* О воспитании девиц.
2. Высочайшие повеления.
О предоставлении детям лиц, имеющих ученые степени и занимающих должности по ученой части, права вступать в гражданскую службу, независимо от происхождения и звания их отцов; о допущении лиц, не имеющих чинов, к занятию должностей бухгалтеров по ведомству Министерства финансов.
Вильно.
О праздновании евреями-раввинистами, караимами и трокскими жителями дарования евреям-раввинистам права поселяться в г. Троках. Слово общественного раввина Штейнберга на еврейском языке.
- 2, 3. «Кавказец», 5 июня. Кавказские евреи.
2. Польша.
О заявлении начальника гражданского управления маркиза Велиопольского о том, что будут рассмотрены ограничения, стесняющие свободу евреев в промышленности.
3. *Гинстлинг В.* Философия восточного права.
- » Вести из Польши.
Об устранении ограничений и запрещений в отношении жительства евреев в Варшаве, о разрешении приобретения недвижимости.
5. О дозволении гвардейским отставным и бессрочно-отпускным нижним чинам из евреев иметь жительство в Санкт-Петербурге и его окрестностях.
О порядке взноса платы с еврейских типографий.
Лурие И. С. Из Минска.

О благодарственном адресе от еврейского общества графу Келлеру, б. начальнику губернии, в связи с назначением его директором правительственной комиссии вероисповеданий и народного просвещения в Царстве Польском. Посещение им раввина Минора.

Каган С. Из письма из Брод.

Об образовании евреев: о немецко-еврейских училищах, об открытии двух ученых еврейских обществ по изучению еврейского языка и литературы, об изучении немецкого и французского языков.

Фунт Х., Раковщик И., Изгур М. Минск, 20 июля.

Сотрудники Минского еврейского девичьего пансиона возражают Л. Дрейзину, автору заметки «О воспитании девиц»: («Гакармель». № 1).

От редакции.

Комментарий по поводу письма сотрудников Минского еврейского девичьего пансиона и заметки Л. Дрейзина.

6. Высочайшее повеление.

О распространении на всех мещан империи предоставленного совершеннолетним членам мещанских семейств в Санкт-Петербурге и Москве права отдельной от главы семейства торговли.

[О праве евреев на аренду винокуренных заводов в местах, где им предоставляется право постоянного жительства; о разрешении заниматься питейной торговлей только в городах и местечках постоянной их оседлости.]

» *Пейкар Н.* О Мендельсоне: [По Фридлиндеру].

6, 8. *Диккер П.* Исаак бер Левенсон.

В № 8 приведен комментарий от редакции.

7, 8. Вопрос о евреях в прусской палате.

7. *Барац Г.* Двоякие весы и двоякая мера.

О необъективной оценке в русской печати фактов из еврейской жизни.

Ошмяны.

О посещении города Ошмяны виленским епископом Станиславом Красинским; о визите к нему раввина и представителей еврейского общества; о его благословении и пожертвовании в пользу нищих евреев.

[О пожаре в м. Кунёво и помощи еврейским погорельцам жителей г. Острога и уездного предводителя дворянства г. Иодко.]

[О пожаре в г. Домброве и помощи предводителя дворянства г. Бера.]

8. *Каган Г.* Ковно, 1 августа. Постройка новой еврейской больницы в г. Ковно.

- Приведен также отрывок из речи ковенского раввина при закладке больницы.
- 9—11. *Е. Яков-Родриго Перейра*: [Биографический очерк].
О первом наставнике глухонемых во Франции.
9. Приведение в исполнение Постановления об уравнении гражданских прав евреев в Царстве Польском.
[О проезде императора через Динабург, пожаловании 3 тыс. руб. серебром пострадавшим от пожара жителям г. Полоцка.]
10. *Барац Г.* К вопросу о цензуре.
11. [О лицах, обязанных присутствовать при присяге евреев по разным делам.]
Из Польши.
Об отмене ряда ограничений гражданских прав евреев. Вильно.
О выражении благодарности Главным начальником края через ученого еврея Герштейна преподавателю еврейской веры молитвенной школы.
- 11, 13. Мамины, турецко-еврейская секта.
11. [Изложение статьи Иосифа Зейберлинга о распространении отечественного языка между евреями]: (Из «Журнала Министерства народного просвещения».)
[О письме преподавателя еврейского училища в г. Россиены (Ковенской губернии) Г. З. Гинцбурга в редакцию «Гакармеля».]
О жалком положении Талмуд-Торы и о помощи благотворителя князя Огинского.
Ковно.
Об игре на скрипке 13-летнего Эзора Альтенберга на концерте в зале ратушного здания 14 августа.
13. Вильно.
О письменном поздравлении императора Александра II виленским и ковенским еврейскими обществами по случаю празднования 8 сентября тысячелетия России и дня рождения наследника.
[О правилах относительно назначения лиц на должности смотрителей казенных еврейских училищ 1-го и 2-го разрядов.]
[Об отмене ряда ограничений гражданских прав евреев. О разрешении допускать евреев в ученики фармацевтов; содержать аптеки, участвовать в фельдшерских собраниях и избираться в старшины, быть маклерами в торговле скотом в Царстве Польском.]
[Из речи наместника в Царстве Польском Великого Князя Константина.]

13. О несоответствии кошерного налога духу нового законодательства.
[О пожертвовании Санкт-Петербургского банкира Гинцбурга 2000 руб. серебром в пользу пострадавших от пожара в Каменце.]
Прозументор.
О награждении серебряной медалью тифлисского ювелира еврея Нухима Лаксина. О вручении серебряных медалей воинам-евреям за покорение Чечни и Дагестана: (Из газеты «Кавказ»).
14. [Высочайшее повеление.]
О награждении отличных учеников раввинских училищ золотыми и серебряными медалями.
Речь, произнесенная в Поневежской синагоге по случаю празднования тысячелетнего существования России 8 сентября 1862 года понежевским раввином Ароном Пумпянским.
[Об итогах учебного года в Виленском раввинском училище.]
Глубокомысленный статистик.
Об обсуждении в Бессарабском статистическом комитете соотношения рождающихся в еврейских семьях мальчиков и девочек.
[О происшествии в г. Сороки Бессарабской области.]
О схватке между двумя партиями: прогрессистов, стоящих за полезные нововведения, и партии хуссетов, последователей хасидизма.
15. [Из отзыва министра внутренних дел к генерал-губернатору № 367 от 20 июня с/г. по предмету устройства местного управления духовными делами евреев.]
О порядке поступления выпускников раввинских училищ в местные раввины, о праве занимать должность уездного раввина.
- 15, 16. Дело Ципки Мендак.
15. *Трубин Э. М.* Вальтух и его итальянские трагедии.
Об итальянском писателе, который родился в 1830 г. в Одессе, в семье торговца.
[Об открытии еврейской больницы за счет коробочного сбора Кишиневского еврейского общества.]
Некоторые сведения о еврейских училищах в Елисаветграде.
- 16, 18. *Лякуб П.* Письмо в редакцию: Харьков, 27 октября.
Об образовании отставных и служащих солдат-евреев, солдатской синагоге.

18. *Рубинович Ф.* В редакцию «Гакармеля»: Ошмяны, 19 ноября 1862 года.
О состоянии Виленского еврейского детского приюта Талмуд-Торы.
- 20—21. *Гинстлинг В.* Саод-Аддаула, еврей, министр у монгольского хана.

Корреспонденции

- Мейзель Н.* Ковно, 28 ноября.
О необходимости вспомоществования бедным еврейским ученикам.
- Азейнштейн И.* Из Могилева-на-Днестре.
О молебствии по поводу кончины князя И. И. Васильчикова, киевского военного губернатора, волынского и подольского генерал-губернатора.
Кафедра еврейского языка в Главной школе в Варшаве.
О необходимости преподавать на филологическом факультете еврейский язык.
22. Как устроить прихода-расходные статьи еврейского общества Варшавы по уничтожении кошерного налога: (Из «Виленского вестника»).
- С. А. Динабург:* Наружность иногда обманчива бывает.
О раввинском училище, существующем в Вильне уже 15 лет.
Награждение орденом.
О награждении барона Шарь-Мейера Ротшильда, главы банковского дома «М. А. Ротшильд и сыновья» во Франкфурте-на-Майне, орденом Св. Станислава 2-й степени: (Из «Северной пчелы»).
- Пример веротерпимости евреев.
О спасении евреями утвари из костела при пожаре в Минске.
- 22, 23. *Рубинович Ф.* Очерк жизни д-ра Иоста: [Перевод из № 16 «Гакармеля»].
Об ученом, педагоге, историографе еврейского народа д-ре Иосте (1793—1860).
23. *Таубер К., Коткинд М.* От заведующих кассой для вспоможения бедным ученикам Виленского раввинского училища: Вильно, 1 января 1863 г.
О деятельности Общества благотворительности, учрежденного при Раввинском училище. О пожертвованиях Е. Гинцбурга. Приводится список постоянных членов общества и суммы пожертвований.
Об ортопедической коллекции, заказанной Харьков-

- ским университетом у Г. В. Беренда, главного директора еврейского госпиталя в Берлине.
24. [О форме присяги для евреев пред начатием общественных выборов.]
О составлении Раввинской комиссией при Министерстве внутренних дел единой формы присяги перед началом выборов в общественные должности.
Евреи в Риме.
О тяжелом положении евреев в Риме при Пии IX; о действии там Устава, изданного инквизицией для евреев Папской области в 1843 г.
В-й. Экзамен в Динабурге.
Об еврейском девичьем училище, открытом Ароновичевой 1 мая: (Из «Северной пчелы»).
- 24, 25. О новом приобретении Императорской публичной библиотеки.
О приобретении правительством для Императорской публичной библиотеки знаменитой коллекции древнееврейских и караимских рукописей, принадлежавшей караимам Фирковичам: (Из «Северной пчелы»).
- 25, 27. *С. Г-н. Арон Бернштейн.*
Об известном публицисте, авторе передовых статей в берлинской газете «*Volkszeitung*».
25. Объявление Варшавского магистрата.
Об отмене билетного сбора с евреев, временно пребывающих в Варшаве, в силу высочайшего указа, даровавшего польским евреям гражданские права.
28. Высочайшее повеление: О стипендиях для образования евреев.
О выплате стипендий за счет свечного сбора. О распределении средств (24 тыс. руб. серебром) по учебным округам директорами общих низших и средних учебных заведений.
Воспоминания прошлого.
О состоянии борьбы европейских евреев за эмансипацию и ее результатах.
Евреи в государственном сейме Швеции.
Кардинал Маттей пред судом общественного мнения.
Отклики общественности на изгнание кардиналом Маттеем евреев из епархии Веллетри.
Евреи — неевреи.
О семье потомка португальского еврея, живущего в Мексике.
[По поводу высказывания о евреях в статье «Санкт-Петербургских ведомостей» (№ 23).]

- В статье рассматривалось новое положение о пошлинах за право торговли и других промыслов. О предложении комиссии разрешить евреям селиться и торговать во всех частях империи.
29. Из Минска.
О признательности еврейского общества подпоручику Калужского его величества короля прусского полка Н. А. Виноградову за его добрые дела в пользу евреев, в частности за его помощь при учреждении публичной библиотеки.
Журнал «Время» о коробочном сборе.
По поводу отмененного в прошлом году кошерного сбора в Царстве Польском.
Гурвич Л. Из Пинска, январь.
Рассказ учителя казенного еврейского училища в Пинске об ученике, которому отец запретил учиться в училище.
Новое изобретение.
Об изобретении Х. З. Слонимским, инспектором Житомирского раввинского училища, аппарата для решения всевозможных алгебраических задач (Из № 12 «Гамелища»).
31. Суд мудреца.
О разрешении бердичевским раввином Леви-Исааком конфликта между евреем-менялой и поляком.
Розенцвейг Т. Староконстантинов. 18 ноября. Выборы в Староконстантинове.
О проведении выборов еврейских должностных лиц в синагоге.
Таубер К., Коткинд М. О пожертвованиях в пользу бедных учеников Виленского раввинского училища.
Обыкновенный, но характеристичный случай.
О книге Хвольсона «О некоторых средневековых обвинениях против евреев» и реакции на нее еврейских обществ.
32. Высочайшее повеление.
О предоставлении евреям, пробывшим 10 лет в 1-й гильдии и 20 лет во 2-й, права на получение потомственного почетного гражданства от 11 января 1863 г.
Инструкция назначения стипендий еврейскому юношеству, обучающемуся в общих средних и низших учебных заведениях Министерства народного просвещения, утвержденная товарищем министра народного просвещения 24 января 1863 г.

32. Извлечение из отчета по Министерству внутренних дел за 1860 г.
О численности еврейского населения; о необходимости просвещения; о высшем образовании раввинов; о караимах; о правах на жительство в Киеве, Риге, а для отставных чинов — в Петербурге и окрестностях, Николаеве и Севастополе: (Из «Северной почты»).
- 32, 33. С. Г. Евреи в Иемене.
32. [Об основании Авелем Марксоном еврейской типографии в Сувалках.]
Евреи и бессарабское дворянство.
Об обсуждении на страницах газеты «Бессарабские ведомости» вопроса об участии евреев-землевладельцев в выборах земства наравне с другими сословиями.
33. Покража.
О краже серебряной синагогальной утвари в Острогской синагоге.
[О молебствии в Одесской Главной синагоге 19 февраля по случаю восшествия на престол Александра II. Речь раввина Швабахера на немецком языке о значении этого дня — освобождения от крепостной зависимости. О молебствии в караимской синагоге.]
Дубзевич А. Д. (Екатеринослав): [О любительском драматическом представлении с благотворительной целью сбора средств в пользу больницы, в котором участвовали евреи и христиане].
Пятикнижие Моисея.
О выходе из печати и продаже первой части Пятикнижия Моисея с польским переводом и комментарием редактора «Jutrzenki» Д. Нейфельда.
36. Циркуляр господина министра финансов гг. губернским управляющим питейно-акцизными сборами от 23 марта 1863 года за № 333 о расширении прав евреев по продаже питий и арендованию винокуренных заводов.
Як Х. Михаил Гудшо.
К кончине б. министра финансов Франции Михаила Гудшо (1797—1863).

Разные известия

[О численности студентов-евреев в университете Св. Владимира в Киеве на разных факультетах.]
[О готовящемся облегчении участи евреев, ограниченных в праве жительства и в других гражданских правах.]

- О кошерном (коробочном) сборе, как одном из самых тяжелых ограничений.]
- 36, 37, 41. *Каплан В. И.* (Рига). В редакцию «Гакармея».
- О проблеме еврейского образования, о противостоянии сторонников просвещения и ортодоксов.
37. *А. Л. Филон:* [Биографический очерк].

Разные известия

- Бобович Б.* [Письмо на имя старшего учителя Виленского раввинского училища Б. Лебенсона.]
- Б. Бобович, крымский и одесский гахам, выражает благодарность от имени караимского общества за назначение учителем В. Кагана, выпускника Виленского раввинского училища.
41. [О постановлении Государственного совета относительно прав караимов.]
- Караимы пользуются правами, общими для всех русских подданных, на караимов-иностранцев распространяются общие правила об иностранцах.
- Правдолюбов* (Чернигов. 5 апреля).
- О гуманном обращении начальника Черниговской губернии князя С. П. Голицына и местного христианского населения с черниговским еврейским обществом; о проектах основания больницы, девичьего учебного заведения, преобразования Талмуд-Торы, подготовленных Гинзбергом.
- [Об обсуждении в Одесском клубе вопроса о допущении в число членов клуба евреев.]
- Гудович М.* Новая синагога в Петровске.
- Об устройстве синагоги в портовом городе Петровске (Сев. Дагестан) по инициативе солдат и других жителей-евреев; о сборе средств и торжественном открытии синагоги.

Составитель А. БРЖЕЗОВСКАЯ*.

---

* Указатель содержания журнала «Сион», опубликованный в «Вестнике Еврейского университета в Москве» (№ 3(10). 1995), также составлен А. Бржезовской.

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЕВРЕЙСКАЯ МЫСЛЬ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА»

27—28 марта 1996 г. в Санкт-Петербурге состоялась конференция «Еврейская мысль и мировая культура», приуроченная к выходу издания Талмуда раввина А. Штейнзальца на русском языке. Организатор этой конференции — Санкт-Петербургский Еврейский университет (И. Дворкин). На конференции были представлены доклады на религиозные и философские темы. Основное внимание было уделено отражению еврейской мысли в культуре, литературе и философии других народов.

Конференцию открыл раввин А. Штейнзальц (Израиль) докладом «Талмуд и синкретические религии». В докладе было проанализировано отношение Талмуда к синкретическим религиям — политеизму, христианству, манихейству. Было подчеркнуто, что Талмуд не вступает в серьезную теоретическую полемику с политеизмом, ни с египетским, ни с греческим, ни с сирийским. Политеизм как доктрина для мудрецов Талмуда мертва и, следовательно, не представляет никакого интеллектуального интереса, однако при этом подробно рассматривается культурная практика языческих богослужений.

Христианство тоже не интересует мудрецов Талмуда, о нем упоминается лишь мимоходом. Даже если восстановить все упоминания о христианстве, вычеркнутые христианскими цензорами из Талмуда, мы не найдем там антихристианских выпадов или полемики. Причина в том, что христианская теология как доктрина в то время еще не сформировалась.

Зато Талмуд активно полемизирует с манихейством как основной дуалистической системой взглядов. Дуалистический элемент присущ каждой религии, и в этом уже есть первичный базис синкретизма. Раввин Штейнзальц считает, что подобная система сложилась из столкновения монотеизма (еврейского) и политеизма (греческого), то есть поиск в области дуализма есть естественный процесс и закономерный этап на пути постижения истины, которая есть монизм мировоззрения, выраженный в монотеистической религии.

Второй доклад раввина Штейнзальца был посвящен теме «Р. Хасдай Крескас и поздняя схоластика».

Автор доклада рассматривал книгу Крескаса «Ор-га-шем» и его взгляды на философию, религию и физику. Крескас был в конце XIV — начале XV в. главным раввином Сарагоссы. При составлении своего труда Крескас главным образом имел в виду вероотступничество, принявшее в то время ужасающие размеры, когда многие евреи старались оправдать свое отступничество самыми злостными нападками на веру своих отцов.

Доклад д-ра М. Вайскопфа (Израиль) «Рецепция еврейской мысли в русском философствовании конца XVIII — первой половины XIX в.» посвящен анализу еврейского наследия в русском философствовании конца XVIII — начала XIX в.

Русские философы, в особенности масоны, восприняли еврейские тексты вне их традиционной интерпретации. Особым почетом и вниманием была окружена Кабала, как мистическое учение, подобное алхимии. Кабалистические сюжеты были заимствованы и отражены в произведениях Лопухина (свечение и одежда Адама), Беме (ослепление Адама), Боброва (падший Адам, которого излечил Христос).

Некоторые еврейские идеи косвенно поглощены в произведениях таких авторов, как Одоевский, Тимофеев, Гоголь и т. д., но видно, что авторы не были знакомы с еврейской традицией и образом жизни.

Идея гематрии была перенесена на кириллицу, и даже появились труды о мистической силе русского алфавита.

Основное внимание в докладе «Образ Мессии в ми́драшах» д-ра Л. Мациха (Израиль) было обращено на проблему трансформации образа Мессии в еврейских ми́драшах. Мессия в ми́драшах — это предвестник будущего мира, чудотворец, меняющий природу мироздания. Он уничтожит боль и страдание, настанет предсказанная Исaiей иди́лия: лев, как вол, будет есть солому — полная противоположность законам естества, — а ягненок не будет бояться волка. При нем воскреснут мертвые и исцелятся больные.

В докладе проф. А. Ковельмана (Москва) «Историческое сознание в эпоху Мишны и Талмуда» сопоставлено отношение к исторической науке талмудических мудрецов и поздних римских стоиков — Сенеки, Эпиктета и Марка Аврелия.

Евреи не интересовались историографией со времен И. Флавия и вплоть до Константина, когда христианство стало государственной религией. И в Брейшит-рабба, и у стоиков достаточно много анахронизмов, но это не следствие невежества, а определенное отношение к предмету.

Закон (Тора, номос) был и есть всегда. Личность мыслящая, истинный мудрец и праведник (хахам, цадик у евреев; сапиенс, сафос у стоиков) всегда важнее народа. Личность не нуждается в писаном и объявленном законе, ни даже в Откровении. Для стоиков исторические события не важны, так как личность всегда должна действовать по

законам природы, поэтому изучение истории и историографии не стоит усилий: «Взгляни на настоящее, поймешь то, что было и будет» (Марк Аврелий).

Подобный взгляд на историю характерен и для мудрецов Мишны: все, что было, описано в Библии и известно; другие источники об описанном периоде не стоят изучения.

И те и другие воспринимали мир как нечто неизменное, поэтому для них настоящее было ключом к пониманию прошлого и будущего.

Доклад д-ра Л. Кациса (Москва) «Трактат Бава Меция и русская культура» посвящен проблеме восприятия талмудического иудаизма в России конца прошлого века. Для христианства была характерна демонизация еврейской культуры. Родилась легенда о «славном библейском», с одной стороны, и «мерзком, раввинистическом (талмудическом)» иудаизме — с другой.

На примере «дела Бейлиса» в докладе было показано, насколько смутно русская общественность представляла, что такое Талмуд, который воспринимался как мистическое учение, напрямую связанное с Кабалой. Издание Переферковича, в котором термины остались без перевода, было мало понятно неспециалисту и стало основой для кривотолков и спекуляций.

В докладе И. Дворкина (С.-Петербург) «О научной программе Маймонида» была высказана мысль, что Маймонид как философа следует рассматривать в контексте исламской традиции. Для ислама философия всегда была внешним, чужеродным явлением и отвергалась, как любое язычество.

Перед Маймонидом стояла та же проблема: как описать иудаизм в чуждых ему понятиях философской науки.

Доклад А. Великановой (Москва) «О некоторых богословских аспектах истории о десяти мучениках в Агаде» был интересен богословскими размышлениями о христианской церкви и о роли невинного страдальца. Была представлена история о десяти мучениках, и обращено особое внимание на первую историю — об Ишмаэле; проведен сопоставительный анализ образа мученика в иудаизме и христианстве.

Этапы религиозной унификации Римской империи рассмотрела в своем докладе Е. Рабинович (С.-Петербург).

Проблеме влияния еврейской философии на русскую был посвящен доклад К. Долгова (Москва) «О влиянии еврейской философии на русскую». В России проблема Бога часто сводилась к проблеме Анти-христа, проблема свободы — к проблеме повседневносности, суеты сует, и в этом есть главное противоречие с еврейской философией, которая воспринималась как таковая, не влияя на русскую философию.

В докладе С. Чебанова (С.-Петербург) «Буберовские вариации» была затронута проблематика философии М. Бубера как чрезвычайно своеобразного феномена европейской философии XX в. В творчестве Бубера

отчетливо проявляется, с одной стороны, влияние европейских философов XX в., особенно Гессерия и Гартмана, а с другой — «то особое ощущение божественного присутствия», которое отличает традиционные сочинения еврейских мудрецов.

В своем докладе «Деконструктивизм и Талмуд» С. Долгопольский (Москва) осветил проблему сопоставления талмудических дискуссий с логикой и риторикой.

В докладе Л. Лемпертене (Вильнюс) «Еврейские мифологемы в поликультурном пространстве текста» было подчеркнуто, что тетралогия Т. Манна широко использует материал сравнительной мифологии. В рамках этого подхода Манн помещает еврейские мифологемы в круг инокультурных ассоциаций и делает этот взгляд взглядом своих персонажей (Иосиф, Яков). В тексте романа «Иосиф и его братья» выделяются ассоциативно-мифологические цепочки, связанные с божествами ближневосточной мифологии, и в рамках этих цепочек герои романа — евреи — осознают свое место в культуре и свою человеческую миссию.

Несомненный интерес вызвал доклад А. Марковой (С.-Петербург) «Астрономические трактаты Моше Альмоснино». М. Альмоснино является автором широкоизвестных теологических произведений и двух астрономических трактатов, о которых и шла речь. Докладчица также отметила, что эти научные произведения на иврите весьма вторичны. Но они демонстрируют высокий уровень осведомленности сефардских евреев в светских науках.

В своем докладе «Об использовании философской лексики в трудах Магарала из Праги» А. Львов (С.-Петербург) подчеркнул, что раввинистическая философская традиция говорит решительное творческое «нет» философии в общемировом понимании этого слова. Особенно это относится к ашкеназской традиции.

Мысль ашкеназского ученого Магарала была направлена внутрь традиции: «наверх, к высотам, к правде, к единственной небесной правде». Магарал отвергал все философские концепции, которые, по его мнению, способствовали «ограничению человеческого разума». Вкладом Магарала в общий философский процесс была попытка соотнести письменную и устную Тору с традиционной философской системой.

CONTENTS

RESEARCH

History

- V. KELNER (St. Petersburg). **The Russian-Jewish Intelligentsia: the Genesis and Problems of National Self-Identity** (the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century)
- O. BUDNITSKY (Rostov-on-Don). **Hangover at someone else's Feast: (Jews and the Russian Revolution)**
- A. ZELTSER (Jerusalem). **A Pogrom in Balta**
- V. ZHURAVLEVA. **The Jewish Problem in Russia as seen with the Eyes of Americans** (From the History of the Russian-American Relations at the end of the 19th Century)
- S. SHVEIBISH (Jerusalem). **The Jewish Family Partisan Detachment of Sh. Zorin**

Culture

- J. BELOVA. **The Jews as seen by the Slavs** (based on Materials of Traditional Folk Culture)
- E. NAZAROVA. **The Language of Daghestan's Mountain Jews**
- V. KHITERER (Kiev). **Jewish Education in the Ukrainian People's Republic (1917—1920)**

ESSAYS. HISTORICAL PORTRAITS

- G. AGRANOVSKY (Vilnius). **The Little-known Documents of Abraham Mapu**
- L. POLONSKY (Baku). **The Banking House of Rothschild in Baku**

ARCHIVES

Publications

- V. ALTSKAN. **Materials on the History of Podolia's Jews in the Collections of the State Archives of the Vinnitsa Region** (the end of the 19th and the beginning of the 20th century)

O. BUDNITSKY. Vladimir Jabotinsky's «A Prank»

Memoirs

G. GONTMAKHER. Subjective Notes of an Officer in the Reserve (The Jew in the Soviet Army)

REVIEWS. BIBLIOGRAPHY

A. LOKSHIN. Review of: Klier J. D. Imperial Russia's Jewish Question, 1855—1881. Cambridge, 1995

A. LOKSHIN. Review of: Dushenko K. V. Russian Political Quotations from Lenin to Eltsin: What was said, by whom and when. Moscow, 1996

An Index of Contents of the «Gakarmel» Journal Supplement». *Compiled by A. Brzhezovskaya*

CHRONICLE

E. SIMONOVA. An International Conference «Jewish Thought and World Culture»

SUMMARY

V. KELNER

The Russian-Jewish Intelligentsia: the Genesis and Problems of National Self-Identity (the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century)

The formation and activities of the Russian-Jewish intelligentsia are under consideration as well as its role in Russia's social and political life in the second half of the 19th century and the beginning of the 20th centuries.

O. BUDNITSKY

Hangover at someone else's Feast (Jews and the Russian Revolution)

The participation of Jews in Russian social movement at the beginning of the century as well as in the revolutionary events of February-October 1917 and the Civil War (up till the middle of 1918) is considered. Jews' affiliation with some party or other is under discussion as well.

A. ZELTSER

A Pogrom in Balta

The article deals with the history of the anti-Jewish pogrom in the district town Balta of the Podolia province at the end of March 1882 without leaving out preceding and subsequent events. The position of both local authorities and Russian society in regard to anti-Jewish outrage which occurred south of Russia is analyzed.

V. ZHURAVLEVA

The Jewish Problem in Russia as seen with the Eyes of Americans (From the History of the Russian-American Relations at the End of the 19th Century)

The author sheds light on the relations between Russian and American Foreign Offices concerning the Jewish problem and the reaction of American public to the discriminational policy of the tsarism towards the Jews. The problem of Russia's Jews' emigration to America is touched upon in the article.

S. SHVEIBISH.

The Jewish Family Partisan Detachment of Sh. Zorin

The author expounds the history of a Jewish partisan detachment which took part in military operations in Byelorussia from April 1943 till July 1944.

J. BELOVA

The Jews as seen by the Slavs (based on Materials of Traditional Folk Culture)

The article is based on the folklore-ethnographic records of the 19th and 20th centuries which were published first in the works of P. Chubinsky, K.

Moshin'sky, M. Federovsky, O. Kolberg a.o. as well as on materials of the Polesk Archives of the Institute of Slav and Balkan Studies (Russian Academy of Sciences).

E. NAZAROVA

The Language of Daghestan's Mountain Jews

The author gives a concise description of Daghestan's Mountain Jews language system in its various aspects — phonological, grammatical, syntactical and lexical. The article is supplied with basic historical and linguistic data concerning the origin of its name, native speakers, system of writing and research history.

V. KHITERER

Jewish Education in the Ukrainian People's Republic (1917—1920)

Based on archive materials preserved in a number of central and local archives of the Ukraine the article considers the problem of Jewish education during the existence of the Ukrainian People's Republic.

Лицензия № 30528 от 7.05.1993.

Адрес редакции: Москва, Моховая, 9.

Сдано в набор 20.08.96 г. Подписано к печати 10.11.96 г.
Формат 60×90¹/16. Бумага офс. № 1. Печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 16,7.

Тираж 1 000 экз. Заказ 740

Типография № 2 ВО «Наука». Москва, Шубинский пер., 6.

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Статья представляется в редакцию в двух машинописных экземплярах (1 и 2 экз.) либо в виде четких компьютерных распечаток (формат страницы и количество знаков на ней должны соответствовать машинописной странице). На странице должно размещаться 28—30 строк, напечатанных через 2 интервала, количество знаков в строке — 59—60. Объем статьи 1,5—2 а. л.

Список используемой и цитируемой литературы и архивных источников с комментариями должен быть помещен в конце статьи и пронумерован. Номера ссылок приводятся в тексте над строкой. Библиографическое описание источников дается по действующему стандарту, так, как это принято в современной научной литературе.

К статье прилагается краткое резюме объемом не более 0,5 стр.

Наш адрес: 103009, Москва,
ул. Моховая, 9, комн. № 329
Еврейский университет в Москве
Тел. 203-34-41.

